

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

***Феномен современного евроскептицизма:
истоки, перспективы, национальные различия***

Читайте в номере:

Концепция новой демократической легитимности и будущее Европейского Союза

Германия в ЕС: от экономического локомотива к политическому лидерству

Французский евроскептицизм: истоки и современность

Французская общественно-политическая мысль о кризисе современной евроинтеграции

Корни Брексита: конфликт идентичностей в Соединенном Королевстве

Гражданское общество и Европейский Союз во времена кризиса: от партнерства к угрозе?

Страны Балтии в условиях Brexit: еврооптимизм vs евроскептицизм

Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звезд»

Европеизм vs евроскептицизм в странах Центральной и Восточной Европы

ТОМ 10 • НОМЕР 1 • 2017

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 10 • NUMBER 1 • 2017

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право

Том 10 • Номер 1 • 2017

Цели и задачи

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Главный редактор

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Заместители главного редактора

ИСАКОВ Владимир Борисович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

ЛЕКСИН Владимир Николаевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института системного анализа Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

СОЛОВЬЕВ Александр Иванович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

БАГДАСАРЯН Вардан Эрнестович — доктор исторических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ВЕРШИНIN Александр Александрович — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ВИЛИСОВ Максим Владимирович — кандидат политических наук, генеральный директор Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович — доктор политических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ЖЕБИТ Александр – профессор, Федеральный университет г. Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

КАЧИНС Эндру – директор программы по России и Евразии, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

КРИВОПАЛОВ Алексей Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

ЛУКИН Александр Владимирович – доктор исторических наук, директор Центра исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич – доктор политических наук, профессор, декан факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

МИГРАНЯН Аза Ашотовна – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института экономики Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

МИРОНЮК Михаил Григорьевич – кандидат политических наук, доцент, первый заместитель декана факультета социальных наук, Москва, Российская Федерация

ОРЛОВ Игорь Борисович – доктор исторических наук, профессор, заместитель руководителя департамента политической науки, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

ПАБСТ Адриан – Ph.D (философия религии), лектор факультета политологии и международных отношений, Кентский университет, Кент, Великобритания

СИЛЬВЕСТРОВ Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор, проректор по инновационному развитию Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

ТЕЛИН Кирилл Олегович – кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

УНИКРИШНАН Нандан – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», вице-президент индийского исследовательского центра Observer Research Foundation, Нью-Дели, Индия

ЭПШТЕЙН Алек Д. – доктор социологических наук (Иерусалимский университет), эксперт Института Ближнего Востока (Москва), Иерусалим, Израиль

Председатель редакционного совета

ЯКУНИН Владимир Иванович – доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Редакционный совет

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Российская Федерация

ГРИНБЕРГ Руслан Семенович – член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, научный руководитель Института экономики Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ Андрей Геннадьевич – академик Российской академии наук, доктор юридических наук, директор Института государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

МАКАРОВ Валерий Леонидович — академик Российской академии наук, доктор физико-математических, директор Центрального экономико-математического института Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич — академик Российской академии наук, доктор экономических наук, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук

САДОВНИЧИЙ Виктор Антонович — академик Российской академии наук, доктор физико-математических наук, ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич — академик Российской академии наук, доктор политических наук, ректор Московского государственного института международных отношений (Университет) России, Москва, Российская Федерация

ШУТОВ Андрей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, декан факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Секретарь

МОЛЧАКОВ Никита Юрьевич — магистр юриспруденции, научный сотрудник Центра изучения кризисного общества, Москва, Российская Федерация

Журнал «**Контур**ы глобальных трансформаций: политика, экономика, право» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в качестве средства массовой информации 05.10.2016, регистрационное свидетельство: ПИ №ФС77-67382

ISSN: 2542-0240 (Print)

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, включённых Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» 80247

Периодичность: 6 раз в год

Учредитель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», г. Москва, Российская Федерация

Сайт: <http://centero.elpub.ru>

Адрес: 107078, Российская Федерация, Москва, Докучаев переулок, дом 4, 2-й этаж

E-mail: molchakov@centero.ru

Тел.: +79035563419

Подписка и распространение: Журнал распространяется бесплатно

Тираж: 1000 экземпляров

© «Контур

Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law

Volume 10 • Number 1 • 2017

About OGT

The *Outlines of Global Transformations* Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editor-in-chief

Alexey V. Kuznetsov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Deputy editors-in-chief

Vladimir B. Isakov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vladimir N. Leksin – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Scientist at the Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexander I. Solovyev – Doctor of Politics, Professor, Head of the Department of Political Analysis at the School of Public Administrations of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial board

Vardan E. Bagdasaryan – Doctor of History, Professor of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alek D. Epstein – Ph.D. (Department of Sociology, The Hebrew University of Jerusalem), Expert, Institute of Middle Eastern Studies (Moscow), Jerusalem, Israel

Andrew C. Kuchins – Senior Associate of the CSIS Russia and Eurasia Program, Washington, USA

Aleksey A. Krivopalov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia

Alexander V. Lukin – Doctor of History, Director of the Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Aza A. Migranyan – Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher at the Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrei Y. Melville – Doctor of Politics, Professor, Dean of Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Michail G. Mironyuk – Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Adrian Pabst – Ph.D. (philosophy of religion), Lecturer, School of Politics and International, University of Kent, Kent, United Kingdom

Sergey N. Silvestrov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Economist of the Russian Federation, Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Kirill O. Telin – Cand. Sci. (Pol.), Research Assistant, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Nandan Unnikrishnan – Vice-president of the Observer Research Foundation, New Delhi, India

Alexander A. Vershinin – Cand. Sci. (History), Lecturer, Department of History of Russia XX-XXI centuries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Maksim V. Vilisov – Cand. Sci. (Pol.), General Director of the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia

Sergey V. Volodenkov – Doctor of Politics, Associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Alexander Zhebit – Professor, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Irina D. Zvyagel'skaya – Doctor of History, Professor, Department of East Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Editorial Council

Oksana V. Gaman-Golutvina – Doctor of Politics, Professor, Head of the Department of Comparative Politics, Faculty of Political Science, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Ruslan S. Grinberg – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Scientific Supervisor of the Institute for International Economic and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Valeriy L. Makarov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Director of the Central Economics and Mathematics Institute at the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Boris N. Porfiryev – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Associate Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

Viktor A. Sadovnichiy – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Rector of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Anatoly V. Torkunov – Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Politics, Rector of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Andrei Y. Shutov – Doctor of History, Professor, Dean of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Head of the Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Doctor of Politics, Head of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Executive Secretary

Nikita Y. Molchakov – Master of Jurisprudence, Research Assistant at the Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russia

The Journal “**Outlines of Global Transformations: politics, economics, law**” was registered as mass media by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications on the 5th of October, 2016. Registration certificate: ПИ №ФЦ77-673821

ISSN: 2542-0240 (Print)

The Journal is included into the Higher Attestation Commission (HAC) list of periodicals (the list of leading peer-reviewed scientific journals recommended of publishing the basic research results of doctor and candidate theses).

Publication Frequency: Bi-monthly

Founder: Association for independent experts “Center for Crisis Society Studies”, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://centero.elpub.ru>

Postal address: 4 Dockuchaev per., Moscow, 107078, Russian Federation

E-mail: molchakov@centero.ru

Tel.: +79035563419

Subscription: The journal content is free distributed

Circulation: 1000 copies

Содержание

Представляя номер. 9

Теория политики

Адриан ПАБСТ. Концепция новой демократической легитимности
и будущее Европейского Союза 13

Проблемы Старого Света

Федор Алексеевич БАСОВ. Германия в Европейском Союзе:
от экономического локомотива к политическому лидерству. 33

Павел Петрович ТИМОФЕЕВ. Французский евроскептицизм:
истоки и современность 53

В рамках дискуссии

Александр Александрович ВЕРШИНИН. Французская общественно-
политическая мысль о кризисе современной евроинтеграции 69

Социальные трансформации

Наталья Валерьевна ЕРЕМИНА. Корни Брежита: конфликт идентичностей
в Соединенном Королевстве 87

Раффаэле МАРКЕТТИ. Гражданское общество и Европейский Союз
во времена кризиса: от партнерства к угрозе? 106

Постсоветское пространство

Владислав Владиславович ВОРОТНИКОВ. Страны Балтии в условиях Brexit:
еврооптимизм vs евроскептицизм. 122

Политические процессы в меняющемся мире

Елена Александровна МАСЛОВА. Евроскептицизм и популизм в Италии:
пример «Движения пяти звезд» 141

Георги ГЕОРГИЕВ. Европеизм vs евроскептицизм
в странах Центральной и Восточной Европы. 158

Contents

Introduction	11
--------------------	----

Political Theory

Adrian PABST. The Concept of New Democratic Legitimacy and the Future of the European Union	13
--	----

The Problems of the One World

Fedor A. BASOV. Germany in the European Union: from the Economic Locomotive to Political Leadership	34
Pavel P. TIMOFEEV. French Euroscepticism: History and the Present Time	54

Under Discussion

Alexander A. VERSHININ. French Political Thought about the Crisis of the Modern Model of Eurointegration	70
---	----

Social Transformations

Natalia V. EREMINA. The Roots of Brexit: Conflict of Identities in the United Kingdom	88
Raffaele MARCHETTI. Civil Society and the European Union in Times of Crisis: From Partnership to Threat?	106

Post-Soviet Space

Vladislav V. VOROTNIKOV. The Baltic States in the Context of Brexit: Euro-optimism vs Euroscepticism	123
---	-----

Political Processes in the Changing World

Elena A. MASLOVA. Euroscepticism and Populism in Italy: the Example of “Five stars” Movement	142
Georgy T. GEORGIEV. Europeanism vs Euroscepticism in the Countries of Central and Eastern Europe	159

Представляя номер

Предлагаемый читателю новый номер журнала «*Контуры глобальных трансформаций*» посвящен теме, которая в последние годы привлекает все более пристальное внимание ученых, политиков и общественного мнения. Если еще десять лет назад евроскептицизм казался маргинальным явлением, то сегодня, после целой череды успехов партий евроскептической ориентации на национальных выборах в странах ЕС и принятого на референдуме решения о выходе Великобритании из состава Евросоюза, он превратился в важнейший фактор социально-политической жизни Запада. Современный евроскептицизм чрезвычайно разнороден, несет в себе целый ряд национальных особенностей, а его представители имеют много «попутчиков». В то же время уже сегодня евроскептические настроения влияют почти на все стороны жизни европейских обществ.

В сферу экономики евроскептики идут с идеей «экономического патриотизма», смысл которой – в ограничении глобализации, реанимации национальных экономик путем реиндустриализации, восстановления финансового суверенитета. Они выдвигают лозунги демократизации, возвращения народу его суверенных прав (в чем вплотную смыкаются с популистами), перестройки политической жизни, обновления элит. Их междunarодная повестка предполагает усиление роли национального государства, по сути, возвращение во времена «концерта наций», когда державы определяли кон-

туры мирового порядка исходя из своих национальных интересов.

Но это – лишь самая общая картина. Феномен евроскептицизма требует детального изучения. Авторы представляемого номера «*Контуров глобальных трансформаций*» затронули ряд его ключевых аспектов. В своей большой теоретической статье Эдриан Пабст поднимает важный вопрос легитимности европейского проекта. Он подчеркивает, что исходная идея инициаторов европейского проекта – политика следует вслед за экономикой – имела целый ряд концептуальных изъянов. Все их последствия Евросоюз ощущает на себе сегодня.

Проблема роста евроскептических настроений в ключевых странах ЕС, в Германии и во Франции, нашла отражение в серии специальных статей. Ф. А. Басов отмечает особую роль Германии в строительстве европейских институтов и ищет ответ на вопрос, почему и здесь, в цитируемой европейского проекта, пустил корни евроскептицизм. Автор показывает важную особенность германского евроскептицизма – его относительную умеренность, что, впрочем, не отменяет той роли, которую евроскептики в последние годы стали играть в политической жизни Германии. В статье П. П. Тимофеева анализируется генезис и современное состояние французского евроскептицизма. Автор обращает внимание на ту особую позицию в отношении интеграционных процессов, которую исторически занимала Франция, и выделяет два направ-

ления евроскептицизма, сложившихся в специфических французских условиях, – левого и правого. Е. А. Маслова концентрирует свое внимание на итальянском «Движении пяти звезд», которое на сегодняшний день является одной из наиболее мощных евроскептических партий в странах ЕС. Автором показана особая природа итальянского евроскептицизма и его тесная связь с популизмом.

Евроскептицизм – это общее явление для Европейского Союза. В большей или меньшей степени он влияет на социально-политическую жизнь всех стран ЕС, в том числе и тех, которые относительно недавно стали членами сообщества. В их случае евроскептицизм имеет целый ряд особенностей, которые также стали объектом внимания авторов статей представляемого номера. Г. Георгиев исследует восприятие европейской идеи в странах Центральной и Восточной Европы. Он формулирует рабочую гипотезу о европеизме как своего рода идеологии современного Евросоюза. Имеющая в своем основании философское наследие Западной Европы и дающая ответ на болезненные для западноевропейских обществ вопросы, она зачастую воспринимается как нечто чуждое населением государств, имеющих специфический исторический опыт.

В. В. Воротников делает предметом своего исследования евроскептические настроения в странах Прибалтики, поднимая тем самым вопрос, который до сих пор малоизучен как на Западе, так и в России. По его мнению, позитивный эффект от вступления прибалтийских государств в ЕС затмевается серьезными социально-экономическими издержками.

Р. Маркетти и Н. В. Еремина затрагивают важную проблему социальных предпосылок евроскептицизма. В фокусе внимания итальянского исследователя находится трансформация европейского гражданского общества в период кризиса всего проекта евроинтеграции. Н. В. Еремина изучает корни референдума Великобритании о выходе из ЕС, потрясшего основы Евросоюза летом 2016 г. По ее мнению, особое внимание здесь следует обратить на специфику британского общества, факт существования нескольких уровней его идентичности, который сказался в ситуации общего обострения тех вызовов, на которые в последние годы был вынужден реагировать Евросоюз. А. А. Вершинин затрагивает важный вопрос осмысления этих процессов европейскими интеллектуалами. Свое внимание он концентрирует на Франции, которая традиционно формулировала идейную основу европейского проекта.

Безусловно, перед российскими исследователями все еще стоит большая задача комплексного изучения евроскептицизма. Соответствующих публикаций пока немного, и мы рассчитываем, что статьи представляемого номера журнала *«Контурь глобальных трансформаций»* послужат стимулом к появлению новых исследований по актуальным вопросам в рамках этой тематики.

Председатель редакционного совета
журнала, доктор политических наук
Якунин В.И.

Главный редактор журнала,
член-корреспондент РАН
Кузнецов А.В.

Introduction

This issue of the “*Outlines of Global Transformations*” is dedicated to a topic that, over recent years, has been drawing ever more attention from researchers, politicians, and the public alike. Just ten years ago, euroscepticism was viewed as a fringe movement – but today, after a series of electoral victories by eurosceptical parties in several EU countries, and after the decision of the people of the UK to leave the European Union, euroscepticism has become a factor of monumental importance in the socio-political life of the West. Modern euroscepticism is highly heterogeneous – it is marked by a number of nation-specific traits. Meanwhile, even today Euro-skeptic sentiments are affecting almost all aspects of life in European countries.

In terms of economy, the eurosceptics propose the idea of economic patriotism, which involves setting up limits to globalization, reviving national economies through re-industrialization, and restoring financial sovereignty. The slogans they put forward propose democratization and a return of the nations’ sovereign rights back to the people (with this they come very close to populists). They propose to restructure political life, reform and renew the elites. Their international agenda involves strengthening the role of the nation state, which in effect marks a return to the times of the Concert of Nations, when powers determined the outlines of the world order on the basis of their own national interests.

But these are just the broad strokes. The phenomenon of euroscepticism calls for

a more in-depth study. The authors of this issue of the “*Outlines of Global Transformations*” have examined a number of its key aspects. In his large theoretical article, Dr. Adrian Pabst raises an important issue about the legitimacy of the European project. He stresses that the original idea put forward by the pioneers of the European project – that politics is always driven by the economy – had a number of conceptual flaws. The consequences of this can be felt all throughout the EU today.

The issue of growing eurosceptic sentiments in the two key EU countries – Germany and France – has been examined in a series of articles. F. Basov highlights the special role of Germany in constructing European institutions and seeks to explain why it is here, in the bastion of the European project, that euroscepticism has taken root. The author points to an important feature of German euroscepticism – its relative mildness, which, however, does not negate the role that the eurosceptics have started to play in the political life of Germany in recent years. In his article, P. Timofeev looks at the origin and the current state of French Euroskepticism. The author focuses on the distinctive position with regard to integration processes that has historically been taken by France, and identifies two types of euroscepticism that have developed in France, namely left-wing and right-wing euroscepticism. E. Maslova examines Italy’s Five Star Movement, which is currently one of the most powerful Euro-skeptic parties in the EU. The author demonstrates the peculiar nature of

the Italian brand of euroscepticism and its close connection to populism.

Euro-skepticism is a phenomenon found all throughout the European Union. To a greater or lesser extent, it affects the socio-political life of every EU country, including those that have only recently (relatively speaking) become members of the community. For these newly joined states, Euro-skepticism is marked by a number of characteristic traits that have also been examined by the authors of the articles featured in this issue. G. Georgiev explores the perception of the European idea in the countries of Central and Eastern Europe. He formulates a working hypothesis about Europeanism as a sort of an ideology of the modern European Union. Since its foundation lies in the philosophical heritage of Western Europe and since it answers the sensitive questions of Western European societies, this ideology is often perceived as something alien by the populations of countries that have their own specific historical background.

For his study, V. Vorotnikov looks at the eurosceptic sentiments in the Baltic countries, thus raising a topic that is greatly under-researched both in Russia and in the West. According to the author, the benefits that the Baltic states gained by joining the EU are dwarfed by the socio-economic costs brought about by severe neoliberal reforms that had to be implemented as a pre-condition for EU membership. While this certainly contained the spread of eurosceptic attitudes in the region, it also brought the Russian factor to the forefront. The image of Russia as the historical threat has become part of the official political discourse in the

Baltic states, which has inevitably stunted the growth of euroscepticism.

In their articles, R. Marchetti and N. Eremina deal with the important issue of social preconditions for euroscepticism. The focus of the Italian researcher is on the transformation of the European civil society during the crisis of the entire European integration project. N. Eremina looks at the roots of the UK referendum to leave the European Union, which shook the very foundations of the EU in the summer of 2016. The author believes that special consideration should be given to the distinctive features of the British society – namely, the fact that its identity is multilayered in nature. This came into play when the challenges that have been plaguing the EU over recent years have suddenly intensified. A. Vershinin touches upon an important question of how all these processes are interpreted by European intellectuals. He focuses on France, which has traditionally defined the ideological basis of the European project.

Clearly, a comprehensive study of Euro-skepticism by Russian researchers is still further down the road. Relevant publications are few in number, but we hope that the articles featured in this issue of the *“Outlines of Global Transformations”* will encourage further research in this subject area.

Head of Editorial Council,
Doctor of Political Sciences
Yakunin V.I.

Editor-in-Chief,
Corresponding Member of RAS
Kuznetsov A.V.

Political Theory

DOI: 10.23932/2542-0240 -2017-10-1-13-32

Adrian PABST

School of Politics and International, University of Kent
Canterbury, Kent, United Kingdom, CT2 7NX
ORCID: 0000-0002-3153-1598

The Concept of New Democratic Legitimacy and the Future of the European Union

ABSTRACT. *Both academic research and political debate have focused on the European Union's much-mentioned but little-understood 'democratic deficit'. By contrast, this article shifts the emphasis to the issue of the EU's crisis of legitimacy. It begins by suggesting that neither the process nor the outcomes of EU-wide decision-making appears to command majority support. Is this lack of democratic legitimacy merely the result of institutional 'design faults' or does it reflect a wider and deeper crisis underpinning the EU's entire political project? My argument is that the dominant models of integration – neo-functional supranationalism and liberal intergovernmentalism – rest on three errors: (1) the primacy of economic integration over political union, which has led to a market-state that is disembedded from society and a citizenry that is subordinated to the joint rule of the economic and the political; (2) a premature process of constitutionalisation that culminated in the rejection of the 2005 Constitutional Treaty and the flawed Lisbon Treaty; (3) the current institutional arrangements that concentrate power in the hands of supranational institutions and national governments at the expense of the Union's citizenry.*

The first section puts the question of democratic legitimacy in the context of the EU's current

slide towards disintegration. Section two provides an account of the EU's crisis of legitimacy and explores the main causes that have led to this predicament. Section three suggests that some of the origins can be traced to the inception of the European project in the post-1945 era. Section four argues that the prospect for a core EU (around the Eurozone countries) is rapidly receding. Section five outlines a new settlement that focuses on the idea of a Europe of nations, while the final section develops this thinking in the direction of a civic commonwealth that is grounded in the shared culture of European countries.

KEYWORDS: *crisis, legitimacy, civic consent, popular participation, subsidiarity, neo-functionalism, inter-governmentalism, commonwealth*

FOR CITATION: Pabst A. (2017). The Concept of New Democratic Legitimacy and the Future of the European Union. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (1). 13–32. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-13-32

Теория политики**Адриан ПАБСТ**Факультет политологии и международных отношений, Кентский университет
Кентербери, Кент, CT2 7NX, Великобритания

ORCID: 0000-0002-3153-1598

Концепция новой демократической легитимности и будущее Европейского Союза

АННОТАЦИЯ. *Весьма часто упоминаемый, но не до конца понятый «демократический дефицит» в отношении ЕС является одной из главных тем как научных исследований, так и политических дебатов. Представленная статья начинается с гипотезы о том, что ни сам процесс принятия решений в ЕС, ни его конкретные результаты не пользуются поддержкой большинства населения. Является ли отсутствие такой демократической легитимности результатом наличия неисправностей институционального дизайна ЕС или же речь идет о следствиях более глубокого кризиса самой идеи европейского политического проекта? С моей точки зрения, доминирующие модели интеграции – среди которых неофункциональный наднационализм и либеральная межправительственная модель – основаны на трех ошибках: 1) примат экономической интеграции по отношению к политическому союзу, что привело к установлению рыночной модели, при которой союз оказался не встроен в общество, а граждане подчинялись общим экономическим и политическим правилам; 2) преждевременный процесс конституализации, кульминацией которой*

стали отказ от подписания Конституционного Договора в 2005 г. и небезупречный Лиссабонский договор; 3) современные институциональные преобразования, способствовавшие концентрации власти в руках наднациональных институтов и национальных правительств в ущерб влиянию самих граждан Союза.

В первой части статьи поставлен вопрос о демократической легитимности в контексте сдвига ЕС в направлении дезинтеграции. Во второй части представлено состояние кризиса легитимности ЕС и выделены его основные причины, которые привели к современному состоянию. В третьей части автор делает предположение, что ряд таких причин может быть найден еще в самом начале возникновения Европейского проекта в послевоенное время 1945 г. В четвертой части автор доказывает, что перспективы для ядра ЕС (вокруг стран Еврозоны) заметно снижаются. В пятой части автор намечает новый порядок, в основу которого положена идея Европы наций. Последняя же часть статьи продолжает эту идею в приложении к принципу общего гражданского блага, основанному на общей культуре европейских государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кризис, легитимность, гражданское согласие, политическое участие масс, субсидиарность, неофункционализм, межправительственная модель, общее благо

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пабст А. (2017). Концепция новой демократической легитимности и будущее Европейского Союза. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (1). 13–32. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-13-32

1. Discontent, disintegration and democratic legitimacy

Within the EU, the twin forces of integration and enlargement that defined the European project since its inception in the late 1950s have given way to a dynamic of disintegration. After the Brexit vote, a full or partial break-up of the EU is more plausible than at any point since the signing of the Rome Treaties in 1957. Member states either face the prospect of break-up (including Britain, Belgium and Spain), or else they are confronted with anti-establishment insurgencies that threaten the existence of the single currency and the functioning of the Union as a whole – for example the Front National in France or the Five-Star movement in Italy. Neither national institutions nor the community institutions of the EU itself have prevented the establishment of illiberal regimes in member states such as Hungary and Poland, including an assault on the freedom and independence of courts, NGOs, and the media, combined with growing ideological polarisation and political witch-hunts

(Krastev, 2016, p. 5–15). A slide into the extremism of the hard left and the radical right is no longer unthinkable. After decades of muddling through and failing to learn from major setbacks (in particular such as the rejection of the 2005 Constitutional Treaty by referendum in France and the Netherlands), the EU finds itself in an unprecedented crisis of prosperity, identity and above all legitimacy – the lack of popular consent for the political authority of the Union¹.

At the same time, public opinion in the EU is deeply divided – not just between different member states or demographic groups but also and more fundamentally about civic support for the Union. As a recent study found, “people support the idea of a united Europe, but are increasingly wary about its current direction”². In other words, there is continued commitment to the idea of Europe and the principle of membership in the EU, but what is lacking is consent for the current institutional arrangements and the policy direction. Since the failure of the 2005 Constitutional Treaty, there has been growing disillusionment with the Union and its apparent inability to make good on the promise of prosperity, peace and partnership. The 2008 financial crash and ensuing recession, combined with the conflict in Ukraine, casts doubt on the EU’s capacity to mediate the forces of globalisation and to act as an honest broker. The dysfunctions of the Eurozone and the impact of the migration crisis have contributed to a sharp upturn in euro-scepticism and outright hostility to the EU as a whole across different member states. Neither the process nor the outcomes of EU-wide decision-making appears to command majority support. The question that arises is whether this lack of legitimacy is merely the

1 Catherine de Vries and Isabell Hoffmann, ‘Supportive but wary: How Europeans feel about the EU 60 years after the Treaty of Rome’, eupinions #2017/1 (Gütersloh: Bertelsmann Stiftung, 2017). URL: https://www.bertelsmann-stiftung.de/fileadmin/files/BSt/Publikationen/GrauePublikationen/EZ_eupinions_2017_01_DT.pdf (Accessed 22.02.2017)

2 Pascal Lamy, ‘Europe needs a legitimacy compact’, International Herald Tribune, 9 July 2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/07/09/opinion/europe-needs-a-legitimacy-compact.html?_r=0 (Accessed 22.02.2017)

result of the 'design faults' of the dominant model of European integration or whether it reflects a wider and deeper crisis of democratic legitimacy that underpins the whole project altogether.

At the heart of this question lies a further question about the foundations of legitimate government. In his book *Democratic Legitimacy*, the French political philosopher Pierre Rosanvallon makes the important point that growing distrust in the institutions of democracy is partly the result of a shift in the sources of political legitimacy (Rosanvallon, 2008; Goldhammer, 2011). For much of the modern era, legitimacy was about popular consent for rulers based on the social contract and the rules of behaviour it specified, notably delegation of powers to the sovereign in exchange for protection of life and property. Over the past half-century or so, new institutions and practices have expanded and multiplied the sources of democratic legitimacy. Among the most important changes are, first of all, judicial authorities at the national and the supranational level that challenge the power of the executive and the legislature; secondly, a vast array of bodies that mediate between the individual citizen on the one hand, and the state, on the other hand, including regulatory bodies such as watchdogs, independent commissions and Non-Governmental Organisations (NGOs). According to Rosanvallon, these new institutional arrangements can be conceptualised in terms of three values: impartiality (agencies that are independent of the three branches of government), reflexivity (constitutional courts and other judicial authorities) and proximity (intermediary institutions such as NGOs or pressure groups that defend the interests of minorities).

In relation to the EU, are these new sources of democratic legitimacy a way of compensating for the lack of traditional sources, such as competition for political office based on elections that are free and fair? Or is it the case that the EU lacks both sources – no elec-

toral competition and no new mechanisms involving impartiality, reflexivity and proximity? In fact, the latter seems to be true, as the Union is often associated with a set of normative values (liberal democracy, individual human rights), powers of regulation and even interference and a remoteness from the concerns of ordinary citizens. Moreover, the EU in its current configuration seems to undermine national forms of legitimacy, including parliamentary sovereignty, judicial oversight and the accountability of executive power vis-à-vis the people. What is worse, the EU might not even be in a position to protect national sources of democratic legitimacy from threats, such as financial oligarchy or authoritarianism that lead to a concentration of power in the hands of small elites and an attack on the independence of key institutions – including constitutional courts and NGOs in Poland or Hungary, which according to Rosanvallon are part of the new sources of democratic legitimacy.

This article focuses on the question of legitimacy in connection with the future of the European. The next section provides an account of the EU's crisis of legitimacy and explores the main causes that have led to this predicament. Section 3 suggests that some of the origins can be traced to the inception of the European project in the post-1945 era. Section 4 argues that the prospect for a core EU (around the Eurozone countries) is rapidly receding. Section 5 outlines a new settlement that focuses on the idea of a Europe of nations, while the final section develops this thinking in the direction of a civic commonwealth that is grounded in the shared culture of European countries.

2. The EU's crisis of legitimacy

Brexit and the influx of millions of migrants are not the sole cause of the Union's current crisis. What these developments highlight is the EU's fundamental predicament – economic interdependency without

corresponding social solidarity and political legitimacy. The ongoing and largely resolved Eurozone turmoil encapsulates this perhaps most clearly. The common currency has extended and reinforced the deterministic logic of neo-functionalism that underpins the entire European edifice set up by the 1957 Rome Treaty, notably the neo-functionalist idea that economic cooperation ‘spills over’ into political integration (Haas, 1958; Mitran, 1965, p. 119–149; Sandholtz, Stone Sweet, 1997, p. 297–317; Stone Sweet, Sandholtz, Fligstein, 2001). This ‘spill-over’ process combines elements of intergovernmental cooperation with supranational coordination in ways that redefine legitimate authority because sovereignty is now located not only at levels where there is competition for power and office based on election but also at levels where there is little, if any, parliamentary scrutiny or accountability to elected governments or citizens.

The project of creating a banking, fiscal and political union (that has still not been agreed by the 19 eurozone members) is in large part an expression of the same economic determinism that led to the single market and the single currency in the first place. Instead of a reciprocal recognition of diverse and mutually augmenting practices, neo-functionalism has tended to impose centrally determined, abstract standards on all member-states through top-down legal and regulatory harmonisation driven forward by the European Commission in concert with the European Court of Justice (ECJ). This has produced a kind of bureaucratic and managerialist homogenisation that is at odds with the purported aim of securing Europe’s unity-in-diversity (in *varietate concordia*). In other words, the very set-up of the EU combines two very different models of legitimacy: one that rests on the national, popular legitimacy of member-states – with elected governments that are accountable to their parliaments and voters. The other model is grounded in the suprana-

tional, technocratic legitimacy of Community institutions: (1) the Commission, which is neither fully accountable to the European Parliament (representing all the peoples) or to the European Council (representing all the member-states); (2) the ECJ, which derives its authority from intergovernmental treaties, and not from an overarching constitution that has popular consent.

With its focus on economic integration, the functionalist approach is compatible with methods of governance that are variously more intergovernmental or more supranational and with models that either favour a federal super-state or a free-trade area – or, in the case of the single market and the single currency, both at once (Majone, 2009). Neo-functionalism has produced an increasingly interdependent European economy, which is ever more disconnected from each national polity and society. The founding principles of solidarity and subsidiarity – which Europe inherited from the Christian Catholic fusion of Greco-Roman Antiquity with biblical revelation – have been enshrined in successive treaties. But in recent decades the EU has further retreated towards narrow national self-interest, centralisation and a concentration of power and wealth. Linked to this is the progressive evolution towards unilateral rights without responsibilities and commercial contracts devoid of social purpose, which have supplanted and undermined the civic ties and social bonds that hold together nations and peoples. Rather than commanding the assent of its people and offering the possibility for civic participation in a shared polity, the Union has fused elements of state ‘collectivism’ with market commodification – a secular ‘market-state’ that disembeds the economy from society and re-embeds the social in the economic, as I have argued elsewhere (Pabst, 2016, p. 109–128). As a by-product of economic and legal standardisation, the EU’s political structures lack firm foundations and finalities.

For all these reasons, the current turmoil in the eurozone intensifies and radicalises a very profound political crisis. The former French Commissioner Pascal Lamy puts this well:

The euro crisis shows that Europe's institutions of political integration do not correspond to the economic integration that has been built. This imbalance is not sustainable, and new forms of discipline, solidarity and legitimacy have to emerge. The euro crisis is actually three crises: one economic, one institutional and one of legitimacy. The economic component is the symptom – a dangerous combination of a lack of competitiveness, fiscal problems and shaky banks. The institutional component reflects the original sins in the design of the Monetary Union – Europe's insufficient central powers in supervision, resolution and risk-sharing that subsequent constitutional reforms have failed to address. Lastly, the euro is also plagued by a legitimacy crisis in which support for the common currency – and, more broadly, for the European project – is in decline³.

The earlier Franco-German strategy of introducing federalism through the back-door failed. Originally federalism was designed to limit centralisation, not to promote it. At the same time, Europe is suffering a crisis of legitimacy that goes far beyond the well-known (but poorly understood) 'democratic deficit' (Majone, 1998, p. 5–28; Moravcsik, 2002, p. 603–624; Follesdal, Hix, 2006, p. 533–562). Here it is instructive to distinguish legitimacy and democratic deficit in some more detail. Every system of representation is in 'deficit' compared with the rigorous standards of democracy and representative government, not least political systems at the national level because no set of elected representatives can ever embody the general interest and there is an endemic

risk that representatives become an interest or even self-serving party. In the case of the EU, the 'democratic deficit' includes five elements: (1) an increase in executive power and a decrease in national parliamentary control; (2) a weak European Parliament; (3) no EU-wide elections fought on European issues; (4) the sheer distance of EU institutions from citizens in terms of electoral accountability and the difference with domestic democratic institutions, which contributes to a lack of understanding of the functioning and a lack of identity with the EU as a political project that is seen as legitimate; (5) an EU policy drift away from voters' preferred policies towards the interests of the Community institutions and thus a lack of majority support by citizens and even member-states (Follesdal, Hix, 2006, p. 534–537).

The fundamental point is that a 'democratic deficit' is not the same as a crisis of legitimacy, which concerns the lack of public trust and popular assent. Legitimate rule transcends formal arrangements and procedures such as clear constitutional settlements or periodic elections. It rests on three core capacities: (i) the ability to make a political system intelligible to its members; (ii) the ability to mobilise civic consent; (iii) the ability to interest and even to entertain citizens. The EU falls short on all three levels.

More specifically, there is an increasing institutional risk that national parliaments and the European Parliament will unwittingly succeed in discrediting each other, as Larry Siedentop has argued in his seminar book *Democracy in Europe* (Siedentop, 2001). The reason is that the increased powers of the European Parliament are not counterbalanced by its enhanced authority. By contrast, national parliaments retain authority but have less and less power. The widening discrepancy between power and author-

3 Pascal Lamy, 'Europe needs a legitimacy compact', *International Herald Tribune*, 9 July 2012. URL: http://www.nytimes.com/2012/07/09/opinion/europe-needs-a-legitimacy-compact.html?_r=0 (Accessed 22.02.2017)

ity constitutes a very dangerous dialectic that is gradually eroding popular support for European integration. Under pressure from political parties and the media to defend the national interest, governments convening as part of EU ministerial meetings seem increasingly unable to come up with decisions that can command consent. In turn, this creates a growing gap between Europe's ruling elites and its citizenry. This, combined the triumph of a liberal consensus between left and right masquerading as a pragmatic centrism, helps account for the recent upsurge in support for the radical right and the hard left that occupy the ensuing vacuum. Thus Europe is in need of a political project that can shape political debate and reconnect political classes to popular sentiment and public opinion alike. The Union's crisis of legitimacy predates Brexit, the migration emergency and the eurozone turmoil as it has been developing for at least twenty-five years – ever since the acceleration of the European integration and enlargement process following the fall of Communism and German reunification.

Crucially, the EU lacks what the Canadian philosopher Charles Taylor calls a 'social imaginary', i.e. "[...] ways people imagine their social existence, how they fit together with others, how things go on between them and their fellows, the expectations that are normally met, and the deeper normative notions and images that underline these expectations" (Taylor, 2004, p. 23–24). As Taylor defines it, a social imaginary "is in fact that largely unstructured and inarticulate understanding of our whole situation, within which particular features of our world show up for us in the sense they have. It can never be adequately expressed in the form of explicit doctrines because of its unlimited and indefinite nature" (Taylor, p. 25). In this manner, a social imaginary shapes the way those people who share it view their co-existence, notably the normative dimensions of individual or collective hope and the mutual

expectations that citizens have vis-à-vis each other. As such, social imaginaries involve common narratives, myths and practices, particularly how people behave towards one another. Beyond the 'democratic deficit', the EU faces a crisis of legitimacy and lacks a pan-European consciousness – that is to say, a European social imaginary that is missing from the social imaginary of most EU member-states and popular, civic engagement with the Union.

As Charles Taylor suggests, the theory of social imaginaries must conform to the reality, i.e. popular experience and assent to political rule – whether through constitutional settlements, in elected assemblies or other forms of political engagement. Now that the reality of social imaginaries has changed, the theory neither describes nor explains the experience of Europe's citizens. The EU used to have a certain 'imagined' social imaginary that rested on mutual market interest, state welfare and the peculiarly European social models. But the 'embedded liberalism' of the post-1945 era no longer captures the reality that most European citizens inhabit and face on a daily basis, except perhaps some Europeans in the Benelux countries or parts of Scandinavia. Linked to this is the danger of deconstructing not just the nation-state but also national identity and failing in the attempt to build the first transnational political community in history.

Indeed, one side-effect of the European project since 1957 has been to weaken the nation-state and to replace it with another kind of state, which has been variously described as a 'market-state' or a transnational or even post-national state (Cooper, 2007). In the case of Europe, the 'market-state' is characterised by three distinct features. First of all, it delinks the state from the nation and transforms the purpose of government from pursuing the public good to managing systemic risk – whether financial, economic, environmental or physical. Second, it undermines the social contract between the state

and the citizen in favour of different social contracts with distinct groups (whether ethnic communities or professional groups like bankers). As such, the citizenry as a whole lacks cohesion and identity. Third, it seeks to replace national myths and narratives with supranational substitutes. In short, the EU is suffering a crisis of legitimacy that takes the form of a crisis in social capital, i.e. a growing lack of trust between citizens and the state.

At the same time, the Community institutions are not alone: countries at the core and in periphery are in the midst of a democratic crisis too, with austerity hitting ordinary people disproportionately hard and sacrifices not being shared properly by all sections of the population. Moreover, countries such as Latvia, Hungary and Poland are disqualifying themselves from being members of the club because their nominally liberal democracies are becoming increasingly illiberal and undemocratic (Krastev, p. 5–15). In short, the Union as a whole faces an unprecedented crisis of representation and legitimacy, and the citizens recognise it more acutely – albeit inchoately – than do the ruling elites in Brussels or in national capitals.

Herein lies the reason for political extremism and popular alienation from the European project. The breakdown of national social imaginaries is the source for radicalisation on both the left and the right, chief of all the excesses of multiculturalism and post-national citizenship whereby foreign minority claims seem to take precedence over indigenous majority interests. As a result, growing numbers of citizens across Europe question representative democracy and the institutions of both state and market that collude with special interests at the expense of ordinary people. But since there is no widely shared European social imaginary or European citizenship, people end up rallying around the nation-state and national myths (or populist versions that are filling the ideological void). Without a proper democratic

mandate, neither national governments nor the supranational decision-making bodies of the EU will be able to command popular assent and address the legitimacy crisis that threatens the post-war European project as a whole.

3. Europe's post-war project

To have a better understanding of the EU's present predicament, it is necessary to revisit the origins of the European integration process. The post-war European project came into existence to resist the three forces that had devastated Europe in the late nineteenth and the first half of the twentieth century: economic nationalism, the free-market ideology of laissez-faire capitalism, and the state corporatism of the communist, fascist and national-socialist regimes. Europe's founding fathers like Robert Schuman, Konrad Adenauer or Alcide deGasperi were more inspired by Christian social teaching than by secular ideology (Kaiser, 2007; Wilton, p. 13–32). They inaugurated cooperation between former enemies in agriculture, coal and steel, and they built new alliances among trade unions, businesses and the churches. Underpinning this new economic model was a substantive conception of the common good based on bringing hitherto estranged interests into a new negotiated institutional settlement – in particular between central, regional and local government as well as among employers, trade unions and the public sector. Especially in the Federal Republic of Germany, the social market economy that was supported by both Christian and Social Democracy embodied many principles of Catholic social teaching and cognate ideas in the Protestant tradition (Luitwielerin, p. 50–69).

One way to characterise the post-1945 European project is in terms of a triple triad. First, vocation, value, and virtue: a vocational labour market in Germany, the

Netherlands and parts of France and Italy (combined with regional banks and local government) sustained a more balanced and diversified economy that tended to produce goods and services of value serving the needs of people. This model also provided many incentives to virtue rather than vice: shared benefit, generosity, and a high degree of trust and cooperation instead of greed, selfishness, distrust, and conflict. The experience of the *trentesglorieuses* was as much to do with post-war reconstruction as it was about a new balance of rival interests in pursuit of the common good.

Second, solidarity, subsidiarity, and status: the early European project focused on real, interpersonal solidarity between agriculture, manufacturing, industry, and services. The much-maligned Common Agricultural Policy (CAP) – in its original version – defended small-holding farms and their important social and cultural role against industrialized agriculture and its links to big food-processing and wholesale businesses, which squeezed farmers and independent shops. Co-determination in industry represented subsidiarity in action and was also a cornerstone of cooperation between countries that had been at war for much of the previous two centuries. The status of workers and peasants was central, affording them not just an income to feed themselves and their families, but also a public recognition of their vital contribution to society.

Based on a process of reconciliation between Germany and its erstwhile enemies, the post-1945 settlement gave rise to a new era of peace, prosperity, and partnership – the third triad. Europe sought to learn the lessons of centuries of war between rival colonial powers and sovereign states by inaugurating a new kind of cooperation with the aim of bringing about an ‘ever closer union of peoples and nations,’ as the preamble of the 1957 Rome Treaty states. In an attempt to avert the bloodshed of inter-state war and

stop unmediated economic competition from turning into conflict, Europe’s founding fathers sought to build a different type of polity, which can be described as a ‘subsidiarist’ and ‘reciprocalist’ commonwealth that pools sovereignty and embeds states and markets in strong intermediary institutions in order to counterbalance global capital and centralised bureaucracy. To an extent the European post-war project managed to provide a balance between free trade and protectionism through regional and structural funds in ways that tempered both nationalism and the impersonal forces of unmediated globalisation.

However, at the heart of post-war Europe was also an ambiguity from the outset – the primacy of economics and politics over society and culture. This primacy goes back to the ‘Monnet method’ of supranational integration that was already enshrined in the 1957 Rome Treaty, which is also known as ‘neo-functionalism’ – the idea that ever more economic exchange and legal uniformity will over time produce political unification (as I have already indicated). Monnet’s neo-functional approach fused Napoleonic directives with German ‘Ordo-liberal’ thinking, which since the late 1960s has differed from Catholic Social Thought in that it privileges legal positivism and procedure over coalitions of interest in a quest for the common good (Lachman, p. 89–108). Europe’s ‘original sin’ was to fail to develop a shared political economy that would extend the virtues of the German social market model to the rest of the EU, while correcting the vices of Ordo-liberalism – too much emphasis on central rules and regulations, too little emphasis on the social purpose of investment and competition.

Germany has managed to preserve many elements of the social market, including worker representation on boards, regional banks, farm subsidies, an industrial policy, and a vocational labour market. But neither the Christian nor the Social Democrats re-

sisted the neo-liberal takeover of German Ordnungspolitik, especially the pursuit of austerity and price stability that in the context of the Eurozone privileges deflation and depression (Pabst in Cardinale, Coffman, Scazzieri, 2017, p. 183–215). The tragedy of the EU is that Germany has exported its ethics and politics rather than its economy: Kantian morality of context-less duties, Weberian statecraft void of virtue, and Bismarckian quasi-military management of citizens through centralized welfare. Reinforced by French dirigisme and bureaucratic diktat, the Franco-German marriage has engendered a Europe that is abstract, administrative and alien vis-à-vis its citizens just because it is founded more upon formalism, legalism and rationalism than it is upon substantive unity, judgment, and a fuller conception of reason. A richer rationality re-connected with habit, feeling and faith can correct the instrumental rationality of both capitalism and bureaucracy.

To Europe's 'original sin' one can add the 'cardinal vice' of the 1985 Single European Act so beloved of Margaret Thatcher and her successors as British Prime Minister. Far from creating a free market liberated from French dirigisme, it progressively replaced Europe's Common Market, which rests on the mutual recognition of national diversity (with some basic minimum standards) that is negotiated predominantly by the individual member-states, with a Single Market that promotes top-down harmonization giving all power to the Commission and the Court of Justice. In practice, the EU put in place a regulatory regime that imposes uniform standards across all member-states (Majone, 1994, p. 77–101). By contrast, before the creation of the Single Market EU directives required some minimal harmonisation of

European law but also had the effect of banning restrictive regulation in countries that interfere with the four freedoms (people, goods, services, and capital). Ironically, the UK's insistence on enlarging the EU rapidly and on extending the Single Market to evermore sectors reinforced the unmediated movement of capital and labour by weakening the mutual protection between regions and nations that European project originally provided. In this way, Britain's approach to Europe helped to create the very conditions for the Brexit vote when a significant number of British voters rebelled against the sheer volume of immigration as a result of the free movement of labour – combined with concerns about the loss of parliamentary sovereignty and a threat to settled ways of life (Pabst, 2016, p. 189–201).

Connected with the increasingly unrestrained flow of capital and low is the EU interpretation of the principle of subsidiarity. In Article 5 of the EU Treaty and other texts, subsidiarity implies that the Union is obliged to take action wherever it has an advantage in terms of scale or effect. Not only does this invert the burden of proof and raise question over who has the legitimate authority to decide⁴. But it also hollows out the primacy of society over the economy, as Karl Polanyi argued in his seminal book *The Great Transformation* (Polanyi, 2000). From the family via intermediary institutions all the way up to the nation, the primacy of the social over the economic is central to Christian social teaching (and cognate traditions such as guild socialism or One Nation conservatism) (Milbank, Pabst, 2016, p. 69–90). As a result of EU legalism and proceduralism, subsidiarity has become an engine of centralisation when it was supposed to be a device for devolving power to people. Thus EU centralism

4 Philip Booth and Diego Zuluaga, 'Subsidiarity needs to take its rightful place in the EU', *Reimagining Europe*, 24 February 2016. URL: <http://www.reimaginingeurope.co.uk/subsidiarity-needs-to-take-its-rightful-place-in-the-eu-2/> (Accessed 22.02.2017)

is neither necessary nor inevitable. It was the outcome of contingent political decisions to fuse Anglo-Saxon free-market economics with continental bureaucratic statism, which successive EU member-states and the Community institutions in Brussels have taken to new levels. It is this European 'market-state' that lacks political direction, economic vitality, social cohesion, and civic consent and that was rejected in the Brexit vote.

4. The demise of core Europe

Brexit and the continual conflict in Ukraine seem to provide a golden opportunity to turn the EU into a politically integrated "Core Europe" with a diffusion of peripheral states, including countries such as Greece that would leave the euro. Does the UK's departure in 2019 not remove a recalcitrant country that has been bent on blocking further integration ever since it joined the then-EEC in 1973? And do events in Ukraine not underscore the need for greater unity in the face of destabilisation along the EU's external border, from the Baltics to the Balkans? Faced with an anti-EU insurgency across member states old and new, is this not the time for another 'great leap forward', as with the Single European Act after the crisis in the 1970s and the Maastricht Treaty following the end of the Cold War?

The last time the EU attempted such a great leap forward towards full political integration ended in the failure of the 2005 Constitutional Treaty, which both the Dutch and the French people rejected comprehensively. Far from lurching towards the super-state that Eurosceptics have always feared,

the reality is that the EU is paralysed by the deep divisions that already existed within it long before Ukraine and Brexit – between net contributors and net recipients, between old and new member states, between those pursuing a federal state and those favouring a union of nations or perhaps simply a free trade area with some common standards. Even the Brussels-based community institutions have recently changed their tune. Donald Tusk, the President of the European Council, has spoken of the 'existential crisis' facing the EU. Already ahead of the vote in favour of Brexit, he told a gathering of Christian Democrats on 30 May 2016 that, obsessed with the idea of instant and total integration, we failed to notice that ordinary people, the citizens of Europe, do not share our Euro-enthusiasm. Disillusioned with the great visions of the future, they demand that we cope with the present reality better than we have been doing until now. [...] The spectre of a break-up is haunting Europe and a vision of a federation doesn't seem to me like the best answer to it⁵.

The death of the federalist dream of creating a European super-state has long been in the making, as the analyst Charles Grant has observed⁶. Not even the Eurozone countries are willing to agree on a full banking union – never mind a fiscal or a political union. Since the defeat of the Constitutional Treaty in 2005, power has flown from the supranational level back to the intergovernmental level. Echoing Margaret Thatcher's 1988 Bruges lecture, the German chancellor Angela Merkel argued in the same place in 2010 that the future of the EU lies with a better division of labour between the EU institutions and member states and with greater coordination by the

5 Donald Tusk, Speech at the event marking the 40th anniversary of European People Party (EPP), 30 May 2016. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/05/30-pec-speech-epp/> (Accessed 22.02.2017)

6 Charles Grant, 'Unnoticed by Brexiteers, the idea of an EU super-state is quietly dying', Daily Telegraph, 16 June 2016. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/06/16/unnoticed-by-brexiteers-the-idea-of-an-EU-super-state-is-quietly-dying/> (Accessed 22.02.2017)

latter in order to take the lead and leave the implementation of decisions to the former⁷. In conceptual terms, this means deploying the “union method” of co-ordinated action by national governments (Overdevest, 2002). This contrasts with the “community method” of automatic supra-nationalism favoured by the former President of the European Commission Jacques Delors and, before him, Jean Monnet. All the major decisions on Eurozone bailouts and the migration crisis have been made by Germany and other big member states, with the support of others. Neither the Commission nor the Court of Justice has been able to push for further integration.

At the centre of a less federalised EU, geographically as well as politically, is Germany. Ukraine and Brexit have thrust Berlin into an even more pivotal position, but just as expectations of greater German leadership have increased, so too have fears of German power (Kundnani, 2014). In response, German politicians from both main parties talk about ‘leading from the centre’. In practice this involves a kind of hub-and-spoke EU where policy is driven primarily by a search for consensus and a concern to preserve the Union – not “a utopia of Europe without nation-states or a utopia of Europe imposing its own values on the external world”, as Tusk warned. For all of these reasons, the prospects of a Core EU are rapidly receding.

Moreover, the Brexit vote highlights a fundamental crisis of the EU that goes beyond British opposition to mass immigration and the loss of parliamentary sovereignty. The Czech foreign minister Lubomir Zoralek put this well:

Brexit is a symptom of a wider crisis of trust and the collapse of the EU’s political capital. The UK may well be a special case, but the concerns that animated the Leave vote – particularly over the downsides of globalisation – are echoed in other member states. Brussels institutions, in particular the European Commission, share some of the blame. The bodies that are meant to instil a sense of common purpose have become a symbol of alienation. Instead of protecting the unity of the EU, they have contributed to national division and public mistrust, especially in their response to the refugee crisis⁸.

This sentiment is shared across the Union, including among former advocates of Euro-federalism, such as the German finance minister Wolfgang Schäuble, who rejected calls for further integration both before and after the Brexit vote. He stated unambiguously that “this is not the time for visions; if the Commission doesn’t work with us we ourselves will take things in hand”⁹. With the Euro-federalists weakened and in a minority, the realists and pragmatists are prevailing in their attempts to cut short any discussion of ‘more EU’, a new treaty, or even a European government.

Instead of creating a super-state, Brexit is much more likely to move the EU in the direction of a Europe of nations akin to Charles de Gaulle’s vision of a ‘Europe des patries’, with a more inter-governmental Union in which national capitals call the shots. None of this indicates any imminent move towards a Core Europe of any description. On the contrary, Brexit has made disintegration the dominant dynamic, and this is set to continue in 2017 and beyond, as anti-EU insurgencies try to take power

7 Angela Merkel, Speech at the opening ceremony of the academic year of the College of Europe in Bruges on 2 November 2010. URL: <http://www.bruessel.diplo.de/contentblob/2959854/Daten/> (Accessed 22.02.2017)

8 Lubomir Zoralek, ‘EU institutions must share some of the blame for Brexit’, Financial Times, 1 July 2016. URL: <https://www.ft.com/content/9dbaabb6-3eab-11e6-8716-a4a71e8140b0> (Accessed 22.02.2017)

9 Wolfgang Schäuble, Interview with Der Spiegel (in English) 10 June 2016. URL: <http://magazin.spiegel.de/SP/2016/24/145211166/index.html>; idem., Interview with Welt am Sonntag (in German), 3 July 2016. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article156764556/Schaeuble-will-EU-Kommission-schwaechen.html> (Accessed 22.02.2017)

in the Netherlands, France, and Italy. Even if Marine Le Pen loses the French presidential elections and Martin Schulz is elected as German chancellor, there is no mainstream political support for a Core EU. In fact, the EU is deeply divided and paralysed between three poles: an Atlantic pole composed of Scandinavia, the Baltic States, Poland, and some other Central European countries; a continental pole consisting of Germany, France, Spain, Italy, and the Benelux; and a Eurasian-leaning pole involving countries that are more positively disposed towards Russia, including Slovakia, Hungary, Bulgaria, and (post-EU accession) Serbia.

5. A new settlement for the EU

After Brexit, the EU could either evolve into a super-state (composed of the Eurozone core), or lapse into a glorified free-trade area, or disintegrate altogether. Confronted with the threats of terrorism, economic depression in the Eurozone periphery, and the impact of mass immigration, the EU faced an existential crisis well before Britain's decision to leave because the dominant neo-functionalist model of integration and enlargement eroded the social-cultural foundations upon which the European polity rests (Pabst, p. 109–128). In recent years, the dynamic of disintegration reached a new level, as Schengen and the Euro have served to undermine civic consent and public trust in the European project and thereby exacerbated the crisis of legitimacy.

For this reason, turning the EU into a mere free-trade zone is the wrong answer to Brexit because increasingly unfettered free trade between sovereign nations will perforce require the creation of a super-state to prevent any national protectionism from re-emerging, which is why the common market based on mutual recognition has mutated into the single market with top-down harmonisation. Such a super-state would also

exacerbate the corrosive effects of globalisation on national identity and the economy precisely because the modern state – whether at the national or the supranational level – is constituted through its centralising tendency to suppress regional and linguistic differences in ways that over time provoke a popular backlash.

A loose confederation of sovereign states as demanded by euro-sceptics in some of the new EU member-states such as Poland or Hungary might avert centralisation but it would be powerless to counteract protectionist reactions or provide a strong European presence in the world. Thus the only genuine alternative to centralisation and disintegration is the transformation of the EU into a proper commonwealth of nations and peoples – a multinational association that shares risks, rewards, and resources based on blending contribution with solidarity and pooling sovereignty (according to a substantive conception of subsidiarity) in areas where collective action provides mutual benefits for all. Up to a point the EU is already a plural polity of overlapping and concentric circles, multiple jurisdictions, polycentric authority, and hybrid institutions that can resist both a centralised super-state and a fantasised free-trade area.

However, the Brexit vote provides an opportunity to build a new European settlement that addresses legitimate popular fears about the impact of global capital and mass migration on the EU as a whole – not just Britain – by reforming free movement of labour and enhancing the legitimacy of EU institutions. The main problem with free movement of people within the EU is that it is unsustainable in an era of major economic dislocation and mass inward migration from outside Europe. With Schengen already suspended indefinitely, now is perhaps the final chance to revise the rules governing the free movement of labour before the EU disintegrates. No member-state wants to curtail the ability of citizens of one country

to study, seek work, or retire in another, but there are several countries – including Germany – that want to overhaul the provisions on access to benefits and the automatic right to remain in another member-state without a job (and without the capacity to support yourself in the absence of state assistance). A different response to Brexit is to transform social security in all EU countries – especially Britain – in the direction of a contributory system wherein contribution is the basis for entitlement and non-remunerated activities such as caring for relatives or voluntary work in the community are honoured.

In the short and medium term, member-states such as the UK that face pressures on public services, housing and health could be allowed to use an ‘emergency brake’ on inward migration for a duration of seven to ten years, which is how long the temporary derogation used by Germany lasted following the 2004 EU eastern enlargement. While the governments of Poland, Hungary and other central and eastern European countries might object, such an emergency brake and other safeguard measures are already part of EU treaties, and they help new member-states to limit brain-drain. Such a deal could even keep Britain in the single market and avoid a full withdrawal that would be mutually diminishing. In exchange for access to the single market and a 10-year limit on immigration, the UK would still make a contribution to the EU budget (albeit at a reduced rate) and lose its influence over the rules on the single market if it chose to become an associate member.

Amid the crisis of legitimacy, the EU needs to renew the founding vision of a reciprocalist and subsidiarity polity that re-connects supranational institutions much more closely to nations, regions, localities, communities, and even neighbourhoods. Central to such a transformation is a change in the current balance of power that gives the unelected European Commission the sole right to initiate laws, while the Council

of (nationally elected) Ministers decides but does not execute policies. The first reform should be to recognise the council as the supreme executive power of the EU and to restore the commission to its original role of a European civil service that acts as a secretariat to the council in an advisory function, overseeing the implementation of common regulations and mediating among competing national and sectional interests. Second, the judicial activism of the European Court of Justice could be curtailed by further limiting the cases it hears and restricting its power to that of an arbiter, not a missionary which serves to transfer competencies from member-states to the commission. Third, the European Parliament lacks legitimacy because it is disconnected from national political classes. The lower chamber of elected members could be supplemented by an upper chamber composed of representatives from national parliaments, professions, regions, and cities (by fusing the existing Regional Committee of the EU with its Economic and Social Committee). A Parliament that represents European society – not just individual constituents – can command greater civic assent while also better exercising its primary purpose of scrutinising legislation and holding the executive to account.

6. Europe’s Civic Commonwealth: an alternative vision for the future

To build a proper polity that can transform the European market-state, the Union needs to address three fundamental errors. First of all, the primacy of economic integration over political union, which has led to a market-state that is disembedded from society and a citizenry that is subordinated to the joint rule of the economic and the political. Second, the premature process of constitutionalisation that culminated in the rejection of the 2005 Constitutional

Treaty and the flawed Lisbon Treaty. Third, the current institutional arrangements that concentrate power in the hands of supranational institutions and national governments at the expense of the Union's citizenry. What underpins these three errors are the two dominant methods of integration and enlargement, namely the supranational Community method (that rests on the logic of neo-functionalism) and the intergovernmental method (that is grounded in the logic of liberal institutionalism).

The former imposes an EU constitutional and institutional settlement from above, while the latter denies the import of constitutional norms and reduces cooperation to largely technical transactions. Both approaches favour formal, procedural values and process over substantive notions and policy. That is why the EU is associated with abstract standards and top-down harmonisation that brackets the plural search for the common good, human flourishing and the dignity of the person altogether out of the picture. So both crude federalism, which is based on the supranational Community method, and narrow 'sovereignism', which draws on the intergovernmental method, are unable to bring about a proper polity that can blend unity with diversity by upholding universal principles which are embodied in particular practices. On the contrary, the dominant models and methods continue to fuel the centrifugal forces that exacerbate both integration and enlargement fatigue and risk breaking the Union asunder.

By contrast, Europe's diverse Christian heritage has the potential to renew and extend the shared social imaginary on which a vibrant market economy and democracy depend. In a remarkable report on "The Spiritual and Cultural Dimension of Europe" published in 2004, a reflection group com-

posed of European statesmen and intellectuals debunked the neo-functional myth that economic integration will lead to political union and that market forces can produce politically resilient solidarity: "The original expectation, that the political unity of the EU would be a consequence of the European common market has proven to be illusory [...] To function as a viable and vital polity, the European Union needs a firmer foundation"¹⁰. Rightly rejecting any arbitrary list of abstract values, the group argued that the role of Europe's common culture, which is a variety of traditions that are both intertwined and in tension with one another, grows in significance as the old, secular logic of integration unravels. Crucially, the shared cultural bonds, which bind Europeans together, draw on the Christian fusion of biblical revelation with Greco-Roman Antiquity in order to promote notions such as peace, reconciliation, solidarity and subsidiarity.

Moreover, Christianity has bequeathed to Europe and the rest of the world a number of perennial principles such as the dignity of the person, the virtue of free association and the distinction of religious from political authority that avoids both aggressive secularism (masquerading as secular neutrality) and fanatical theocracy (masquerading as religious guidance). In the absence of such and similar principles, all the contemporary profession of values associated with democracy and liberalism will sound increasingly hollow. Indeed, the professed pragmatism of many European elites masks a dangerous moral relativism, as Pope Benedict XVI has argued:

A community built without respect for the true dignity of the human being, disregarding the fact that every person is created in the image of God, ends up doing no good to anyone. For this reason it seems ever more

10 Reflection Group, 'The Spiritual and Cultural Dimension of Europe', Vienna/Brussels October 2004. URL: http://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/michalski_281004_final_report_en.pdf (Accessed 22.02.2017), p. 6.

important that Europe be on guard against the pragmatic attitude, widespread today, which systematically justifies compromise on essential human values, as if it were the inevitable acceptance of a lesser evil. This kind of pragmatism, even when presented as balanced and realistic, is in reality neither, since it denies the dimension of values and ideals inherent in human nature. When non-religious and relativistic tendencies are woven into this pragmatism, Christians as such are eventually denied the very right to enter into the public discussion, or their contribution is discredited as an attempt to preserve unjustified privileges. In this historical hour and faced with the many challenges that confront it, the European Union, in order to be a valid guarantor of the rule of law and an efficient promoter of universal values, cannot but recognize clearly the certain existence of a stable and permanent human nature, source of common rights for all individuals, including those who deny them. In this context, the right to conscientious objection should be protected, every time fundamental human rights are violated¹¹.

Therefore universal values and principles like freedom, equality, solidarity and the will of the majority require firm foundations and transcendent finalities that mediate between the individual and the collective – otherwise liberal democracy slides either into moral relativism or political absolutism (or indeed both at once). The Union needs to eschew abstract standards, formal values and the priority of process over policy in favour of a mutual recognition of particular practices, universal principles such as the common good and the primacy of both constitution-

alism and 'mixed government' (rather than liberal market democracy). This can command proper popular consent and thus help to improve the EU's lack of legitimacy.

Up to a point, Europe remains a vestigially Christian polity that reflects the mediated universalism of Christianity's fusion of biblical revelation with Greco-Roman Antiquity. Indeed, Europe's polity is characterised by hybrid institutions, overlapping jurisdictions, polycentric authority and multi-level governance that are different from the characteristically ancient or modern concentration of power in the hands of a sovereign – whether an absolute monarch or a revolutionary republic. Drawing in part on the work of Rémi Brague, the Italian Cardinal Archbishop of Milan Angelo Scola has remarked that the origins of this distinctly European model go back to a long tradition which views Europe not as foundational but rather as the continuous unfolding of the Hellenistic fusion of Jerusalem with Athens (Brague, 1999; Gougenheim, 2008)¹². In the 'long Middle Ages' (c 500–1300), Hellenised Christianity integrated and transformed other European traditions such Germanic law or the Celtic language.

Connected with this blending of diverse cultures within an overarching framework is the Judeo-Christian distinction of religious from political authority. Based on this distinction, a free 'complex space' emerged between political rule and society wherein politics is not monopolised by the state but pertains to the public realm in which individuals and groups participate (Milbank, 1997, p. 268–292). Indeed, the Church – together with local communities and profes-

¹¹ Pope Benedict XVI, Address to the Participants in the Congress promoted by the Commission of the Bishops' Conferences of the European Community on the 50th Anniversary of the Treaty of Rome, 24 March 2007. URL: http://www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/speeches/2007/march/documents/hf_ben-xvi_spe_20070324_comece_en.html (Accessed 22.02.2017)

¹² Cardinal Angelo Scola, 'The Christian contribution the European Integration Process', lecture delivered in Cracow, 10 September 2010. URL: <http://english.angeloscola.it/2010/10/07/the-christian-contribution-to-the-european-integration-process/> (Accessed 22.02.2017)

sional bodies like guilds or universities – tended to defend the freedom of society against political coercion. It thereby helped protect the autonomy of Jewish, Muslim and other religious minorities. In addition to complex debates about the relative balance of state and church or the ‘mix’ of different sources of law (canon, common and civil), the presence of Jewish communities and Muslim-ruled lands on the Iberian peninsula ensured that ‘Christian Europe’ at its best was never a clerically dominated monolith but rather a realm of political argument within and across different faith traditions. Just like Christianity was never exclusively European, so too Europe is not an exclusively ‘Christian club’.

Moreover, Christendom in East and West has blended the principle of free association in Germanic common law with the Latin sense of equity and participation in the shared *civitas*. In this manner, European Christianity has defended a more relational account (in terms of objective rights and reciprocal duties, not merely subjective individual entitlements) that outflanked the dialectic of the individual and the collective that we owe to the American and the French Revolution. Ultimately, Europe’s unique legacy of faith and reason provided the basis for European claims to an ‘organically’ plural universalism. The mark of this variant of universalism is that it avoids both moral relativism and political absolutism by offering a free, shared social space for religious and non-religious practice – the ‘realm’ of civil society that is more primary than either the central state or the ‘free’ market. As the ‘corporation of corporations’, the European polity rests on common civic culture and social bonds that are more fundamental than either formal constitutional-legal rights or economic-contractual ties (or some sinister fusion of both).

So what sets Europe apart from the other global ‘poles’ is the autonomous space of civil society and the intermediary institutions

that mediate between the individual, the state and the market. The aforementioned report by the Reflection Group on the spiritual and cultural dimension of Europe puts this well:

Europe itself is far more than a political construct. It is a complex – a “culture” – of institutions, ideas, expectations, habits and feelings, moods, memories and prospects that form a “glue” binding Europeans together – and all these are a foundation on which a political construct must rest. This complex – we can speak of it as European civil society – is at the heart of political identity. It defines the conditions of successful European politics and the limits of state and political intervention (Reflection group, p. 9).

Contrary to common misconceptions, the EU at its best is neither a federal super-state nor an intergovernmental structure. Instead, European nations pool their sovereignty and are more like regions within a pan-national polity that combines a political system *sui generis* with elements of a neo-medieval empire (Hix, 2005; Zielonka, 2006). The German constitutional court, in a landmark ruling on the Lisbon Treaty in June 2009, emphasized that the Union is neither just an international organisation nor a federal super-state but rather a voluntary association of states – unlike the USA since the civil war. The mark of the European polity is that it limits both state and market power in favour of communities and groups. This associational model combines vertical, more hierarchical elements with horizontal, more egalitarian aspects, with overlapping jurisdictions and a complex web of intermediary institutions wherein sovereignty is dispersed and diffused. By contrast, the US is a commercial republic where civil society is equated with proprietary relations and market-based exchange (Hamilton, Madison, Jay, ed. Ball, 2003). In other parts of the world, civil society is subordinated to the administrative and symbolic order of central state power.

Thus, Europe's greatest 'gift' to its people and the rest of the world is to offer a narrative that accentuates the autonomy of associations vis-à-vis both state and market and re-embeds both politics and economics within the civic and social bonds of civil society.

Faced with the current crisis of legitimacy, this suggests that the EU needs a better model of shared sovereignty and reciprocal power by building a subsidiary polis that connects supranational institutions much more closely to regions, localities, communities and neighbourhood. In turn, this requires a much greater sense of a common demos with a mutual ethos and telos. In line with its own best traditions, Europe could do worse than to renew and extend its political project around the following principles and practices: first, a commonwealth of nations and peoples rather than a market-state of 'big government' and 'big business'; second, the pursuit of the common good in which all can share – beyond the maximisation of individual utility or collective happiness (or both at once); third, a series of political transformations that not only acknowledge the recent failures and the current crisis but also reconfigure the key institutions in accordance with Judeo-Christian and Greco-Roman notions of constitution rule and 'mixed government'.

Rosanvallon's points about new sources of democratic legitimacy notwithstanding, popular consent in the Western tradition (including the Eastern Roman Empire and the Byzantine Commonwealth that encompassed Russia) has always tended to revolve around a 'mixed constitution' – with both 'aristocratic' and 'monarchical' elements. The former means groups of 'wise men and women' and the latter has to be in some fashion embodied in one person, as it still is today, throughout the world, in the mode of presidential and prime ministerial functions. But instead of a constitutionally guaranteed interplay of these three elements, the EU model has tended to empower oligar-

chy and an overweening executive (in the form of the European Commission) that exceeds whatever democratic mandate it might have. Thus the EU requires a proper constitutional settlement that has popular participation and civic consent at its heart in order to foster democratic legitimacy.

More specifically, one of the clearest weaknesses of the EU's political system is the established modality of direct elections to the European Parliament, which has broken the link between national political classes and the European project, giving national politicians and national parliaments an excuse to get involved less than they should do and might otherwise have done. Linked to this is another structural weakness, namely the evolution of the Commission from being a pan-European civil service in support of national governments towards a supranational institution that concentrates both legislative and executive powers in its hand. Both European Parliament elections and the designation of the Commission drive a wedge between EU and national politics and deepen the growing gap between the Union and its citizenry.

For these reasons, the EU should create a parliamentary system of bicameralism – with a lower house representing the people and an upper house representing cities, regions, nations, professions and faiths. For its part, the Commission should revert to being a high-level European civil service that supports the work of the EU's bicameral legislature and the EU's executive – the Council of Ministers and the European Council (and possibly nationally elected politicians on secondment to the EU to ensure the day-to-day running of the EU's executive). In this manner, a bicameral system and an executive rooted in national politics can once again bind national political classes to the European project. The objection that the EU already has a certain kind of second chamber in the form of the Council of Ministers ignores its role, which is to relate the European project to national

governments but not to national parliaments and national polities in the manner that is needed.

Crucially, a bicameral parliament and the participation of nationally elected politicians in the EU executive would go some ways towards building a mixed government that is in line with the best traditions of European constitutionalism – notably the rule of law, limits on sovereign power, the interplay of the ‘one’, the ‘few’ and the ‘many’ as well as the distinction of powers without however an absolute separation (as in revolutionary regimes of the USA and France), which ends either in paralysis or in the primacy of the executive over the other branches of government (again as in the USA and France). What a proper European policy requires is a much stronger measure of popular assent, coupled with civic participation (through local, regional and professional assemblies like town-halls or guildhalls) and the guidance of ‘the wise’ (based on the representation of faiths and professions). Only a commonwealth of nations and peoples with some shared social imaginary will be able to embed markets and states in the interpersonal relationships of trust and cooperation on which social ties and civic bonds ultimately rest.

References

- Brague R. (1999). *Europe, la voie romaine*. Paris: Gallimard. 272.
- Cooper R. (2007). *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-first Century*, 2nd ed. London: Atlantic Books. 192.
- Follesdal A., Hix S. (2006). Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik. *Journal of Common Market Studies*, 44 (3). 534–537. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2006.00650.x
- Gouguenheim S. (2008). *Aristote au Mont Saint-Michel: Les racines grecques de l'Europe chrétienne*. Paris: Editions Seuil. 277.
- Haas E. B. (1958). *The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957*. Stanford: Stanford University Press. 552.
- Hamilton A., Madison J., Jay J., Ball T. (2003). *The Federalist with Letters of “Brutus”*. Cambridge: Cambridge University Press. 640. DOI: 10.1017/cbo9780511817816
- Hix S. (2005). *The Political System of the European Union*. 2nd rev. ed. London: Palgrave Macmillan. 306.
- Kaiser W. (2007). *Christian Democracy and the Origins of European Union*. Cambridge: Cambridge University Press. 374. DOI: 10.1017/cbo9780511497056
- Krastev I. (2016). The Unraveling of the Post-1989 Order. *Journal of Democracy*, 27 (1). 5–15. DOI: 10.1353/jod.2016.0065
- Kundnani H. (2015). *The Paradox of German Power*. London: Hurst. 160. DOI:10.1093/acprof:oso/9780190245504.001.0001
- Lachman W. (2016). The German social market economy: its theological justification and role in European integration. Chaplin J., Wilton G. (eds.). *God and the EU Faith in the European Project*. London: Routledge. 89–108.
- Luitwieler S. (2015). The EU: Protestant contributions, then and now. Chaplin J., Wilton G. (eds.). *God and the EU Faith in the European Project*. London: Routledge. 50–69.
- Majone G. (1994). The rise of the regulatory state in Europe. *West European Politics*, 17 (3). 77–101. DOI: 10.1080/01402389408425031
- Majone G. (1998). Europe’s “Democratic Deficit: The Question of Standards. *European Law Journal*, 4 (1). 5–28. DOI: 10.1111/1468-0386.00040
- Majone G. (2005). *Dilemmas of European Integration: The Ambiguities and Pitfalls of Integration by Stealth*. Oxford: Oxford University Press. 256. DOI:10.1093/0199274304.001.0001
- Milbank J. (1997). *The Word Made Strange. Theology, language, culture*. Oxford: Blackwell. 268–292.

Milbank J., Pabst A. (2016). *The Politics of Virtue. Post-liberalism and the Human Future*. London: Rowman & Littlefield International. 418.

Mitrany D. (1965). The Prospect of European Integration: Federal or Functional. *Journal of Common Market Studies*, 4 (2). 119–149. DOI: 10.1111/j.1468-5965.1965.tb00137.x

Moravcsik A. (2002). Reassessing Legitimacy in the European Union. *Journal of Common Market Studies*, 40 (4). 603–624. DOI: 10.1111/1468-5965.00390

Overdevest C. (2002). *The Open Method of Coordination, New Governance and Learning: Towards a Research Agenda*. New Governance Project Working Paper. Madison: University of Wisconsin.

Pabst A. (2017). Political Economy and the Constitution of Europe's Polity: pathways for the common currency beyond ordo-liberal and neo-functionalist models. Cardinale I., Coffman D'Maris, Scazzieri R. (eds.). *The Political Economy of the Eurozone*. Cambridge: Cambridge University Press. 183–215.

Pabst A. (2016). Brexit, post-liberalism, and the politics of paradox. *Telos*, (176). 189–201. DOI: 10.3817/0916176189

Pabst A. (2016). Commonwealth or Market-State? Europe's Christian heritage and the future of the European polity. Wilton G., Chaplin J. (eds.). *God and the EU: Faith in the European project*. London: Routledge. 109–128.

Polanyi K. (2000). *The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston: Beacon Press. 357.

Rosanvallon P. (2011). *Democratic Legitimacy: Impartiality, Reflexivity, Proximity*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 235.

Sandholtz W., Sweet A. S. (1997). European Integration and Supranational Governance. *Journal of European Public Policy*, 4 (3). 297–317. DOI: 10.1080/13501769780000011

Siedentop L. (2001). *Democracy in Europe*. London: Penguin. 272.

Sweet A. S., Sandholtz W., Fligstein N. (eds.). (2001). *The Institutionalization of Europe*. Oxford: Oxford University Press. 288. DOI: 10.1093/019924796x.001.0001

Taylor C. (2004). *Modern Social Imaginaries*. Durham and London: Duke University Press. 232. DOI: 10.1215/9780822385806

Wilton G. (2016). Christianity at the founding: the legacy of Robert Schuman. Chaplin J., Wilton G. (eds.). *God and the EU Faith in the European Project*. London: Routledge. 13–32.

Zielonka J. (2006). *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press. 293.

Информация об авторе

Адриан Пабст, Ph.D (философия религии), лектор факультета политологии и международных отношений, Кентский университет

Кентербери, Кент, CT2 7NX, Великобритания
a.pabst@kent.ac.uk
ORCID: 0000-0002-3153-1598

About the author

Adrian Pabst, Ph.D (philosophy of religion), lecturer, School of Politics and International, University of Kent

Canterbury, Kent, United Kingdom, CT2 7NX
a.pabst@kent.ac.uk
ORCID: 0000-0002-3153-1598

Проблемы Старого Света

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-33-52

Федор Алексеевич БАСОВ

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация

Германия в Европейском Союзе: от экономического локомотива к политическому лидерству

АННОТАЦИЯ. Представленная вниманию читателей статья посвящена трем взаимосвязанным тематическим блокам: европейской политике Германии, влиянию европейской интеграции на внутривнутриполитическую жизнь страны, а также зарождению, современному состоянию и перспективам немецкого евроскептицизма. Правительство ФРГ в разные годы было инициативным лидером как расширения, так и углубления европейской интеграции. В статье проанализированы истоки европейской политики Германии, ее успехи и неудачи. Отмечается особая роль Берлина на этапе быстрого роста ЕС в 1990-е – начале 2000-х гг. Однако полоса кризисного развития Евросоюза, начавшаяся в конце 2000-х гг., в значительной степени заставила Берлин скорректировать основные положения его европейской политики, с одной стороны, а с другой – привела к появлению совершенно нового для Германии евроскептического дискурса, который прежде существовал лишь в зачаточной форме и был маргинальным явлением. Причины появления евроскептиков в немецкой политике, их организационная структура, электоральная база, перипетии становления и развития, а также перспективы

были освещены в этой работе. Выделены некоторые отличительные особенности германского евроскептицизма: отсутствие магистральной линии на выход из ЕС, умеренные требования и организационная разобщенность. Отмечена связь евроскептических настроений с националистическими, что играет особую роль в сфере восприятия германского евроскептицизма. В статье делается вывод о вероятной исчерпанности политической и социально-экономической повестки евроскептиков. Констатируется, что для германских политических элит рост евроскептицизма, скорее, сыграет роль стимула в контексте переосмысления европейской политики и выхода на ее новые горизонты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Германия, Европейский Союз, евроскептицизм, «Альтернатива для Германии», европейская интеграция

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Басов Ф. А. (2017). Германия в Европейском Союзе: от экономического локомотива к политическому лидерству. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 10 (1), 33–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-33-52

The Problems of the Old World

Fedor A. BASOV

Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

Germany in the European Union: from the Economic Locomotive to Political Leadership

ABSTRACT. *The article contains analysis of three interlinked topics: the European policy in Germany, an impact of European integration on internal political order of the country and modern state and perspectives of German euroscepticism. The German government has been a proactive leader of both the EU enlargement and deepening of European integration. The author considers the roots of the European policy in Germany and critically assesses its strengths and weaknesses. It is stressed that during the period of rapid growth of the EU in 1990s – beginning of 2000s Berlin played a significant role in the process. However, the crisis of the EU development which had been taking place since the first decade of 2000s remains to be a crucial reason for Germany to correct its European policy and leads to the appearance of unprecedented discourse of euroscepticism, which previously existed only in a form of marginalized narrative.*

The author presents an analysis of the reasons of German euroscepticism, its organizational structure, electoral support groups and some problems of its appearance and perspectives. Considering some unique characteristics of the German case, the author names such aspects as the absence of direct demands for exit, moderate character of articu-

lated demands and organizational disunity. From the author's point of view, euroscepticism is closely linked with nationalism, what especially stressed in the German case. The author concludes by saying about potential depletion of political and socio-economical agenda constructed by eurosceptics. It is stated that for German political elites the rise of euroscepticism is a factor which prompts them to rethink European policy and its further development.

KEYWORDS: *Germany, European Union, euroscepticism, "Alternative for Germany", European integration*

FOR CITATION: Basov F. A. (2017). Germany in the European Union: from the Economic Locomotive to Political Leadership. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (1). 33–52. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-33-52

Германия играет совершенно особую роль в процессе европейской интеграции, которая, в свою очередь, не имеет альтернатив для немецкого общества. ФРГ является одной из шести «стран-основательниц» европейской интеграции. Участие в ней всегда было и остается

ся важнейшим направлением немецкой политики. Европейская интеграция никогда не подвергалась сомнению никакой из значимых политических сил ФРГ. «Немцы, – отмечают российские исследователи, – были, пожалуй, единственной нацией, которая столь горячо и с таким идеализмом восприняла Европу как замену своей разрушенной после войны национальной идентичности и национальных традиций» (Белов, 2009, с. 198). С самого начала ни в одной другой стране континента не было людей, столь убежденно веривших в Европу и связывавших с ней свое будущее.

Германия – одна из самых еврооптимистических стран в ЕС. Доля евроскептиков в немецком обществе всегда была довольно малой. Одной из основ немецкой внешней политики является участие в европейской интеграции и развитие ЕС. Даже «особый немецкий путь», который декларировался на разных этапах истории Германии, так или иначе всегда имел европейскую перспективу. У расположенных на периферии Европы России и стран Южной Европы помимо европейского вектора может существовать еще и другой (евразийский, средиземноморский, латиноамериканский), Германия же находится в центре континента, граничит только с европейскими соседями и омывается внутренними морями Европы.

Европеизм был и остается важнейшей политической линией ФРГ. Для всех основных политических сил страны (представленных в бундестаге) он является основой внешней политики. Разница в подходах немецких партий заключается лишь в том, какие аспекты европейской интеграции наиболее важны для конкретных партий. Для либералов это свободный общий рынок, для «левых» и «зеленых» – свобода передвижения и выбора места проживания, для народных партий – возможность реализации Гер-

манией своего лидерства на континенте и расширение пространства безопасности. В этой связи не может не обратить на себя внимания проблема роста евро-скептических настроений в германском обществе в последние годы. Чтобы понять их природу, необходимо выявить особенности позиционирования Германии в рамках проекта единой Европы, выделить их ядро и рассмотреть, как оно видоизменяется (и видоизменяется ли) в контексте нынешнего кризиса евроинтеграции.

Германия и проект единой Европы

Дискуссия о будущем Германии и ее месте в мире была начата еще в годы Второй мировой войны политическим руководством стран «большой тройки» антигитлеровской коалиции. На Ялтинской и Потсдамской конференциях 1945 г. было решено разделить Германию и Австрию на четыре зоны оккупации, власть в которых осуществляла военная администрация держав-победительниц. Это означало, что существовавшие в то же время проекты разделения Германии на несколько государств оставались нерелевантными. Однако не было определено, как скоро оккупационный период закончится и, соответственно, когда будет восстановлена немецкая государственность. Так, Сталин в Ялте говорил, что «какое-то будущее Германия будет иметь». А позднее, что «Германия представляет, как у нас говорят, географическое понятие. Будем понимать пока так. Нельзя абстрагироваться от результатов войны» (Павлов, Новиков, 2005, с. 23).

В годы оккупационного периода западные союзники проводили объединение хозяйственного и финансового управления своих зон оккупации, что в конце концов привело к провозглаше-

нию в 1949 г. Федеративной Республики Германия, а затем – Германской Демократической Республики.

В отличие от времен Веймарской республики в годы зарождающегося блокового противостояния западные страны были готовы рассматривать ФРГ как своего союзника. Так же эту ситуацию понимало политическое руководство ФРГ во главе с первым федеральным канцлером К. Аденауэром (ХДС). Важной частью внешнеполитической культуры ФРГ стал мультилатерализм (Baumann, 2007, s. 449) (отказ от односторонних шагов), а девизом внешней политики Германии – “never again, never alone” («никогда снова, никогда в одиночку»). Поэтому определяющей линией стало участие ФРГ в международных организациях – Западноевропейском союзе (ЗЕС), Совете Европы (СЕ), европейских сообществах, НАТО, а позднее – в ООН.

К. Аденауэр олицетворял собой реалистическую позицию во внешней политике Германии. Он прекрасно понимал, что в условиях разворачивающегося биполярного противостояния Германия не сможет ни вести самостоятельную внешнюю политику, ни оставаться нейтральной. При этом К. Аденауэр оставался убежденным европейцем и сторонником ориентации на западных союзников.

Еще до образования двух немецких государств председатель берлинского ХДС Я. Кайзер считал, что Германия должна быть нейтральной страной и выполнять посреднические функции между Востоком и Западом. Однако в 1948 г. он получил запрет на публичную деятельность от властей советской зоны оккупации, что вынудило его перебраться на Запад, где он продолжил политическую деятельность в ХДС под руководством К. Аденауэра (Elzer, 2008).

СДПГ в западных зонах оккупации руководил К. Шумахер. Позиция СДПГ при нем заключалась в европействе, антиамериканизме, антисоветизме и стремле-

нии к нейтральному статусу (Schöllgen, 2004, s. 22). Европейский вектор здесь явно просматривался, однако в специфической форме – с серьезным акцентом на новую социальную природу возможной интеграции (что понятно, если учесть партийную принадлежность Шумахера), а также на антиамериканизм. И если первое обстоятельство еще могло быть отражено в европейской политике ФРГ, то второе в ситуации намечавшегося блокового противостояния выглядело неприемлемо. Единая Европа с точки зрения западногерманской послевоенной элиты могла быть лишь проамериканской. Антиамериканизм и антикапитализм Шумахера, возможно, сыграли роль в том, что выборы в первый бундестаг 1949 г., незначительно обойдя СДПГ, выиграл Союз ХДС/ХСС во главе со сдержанным и прагматичным К. Аденауэром.

Если рассматривать европейскую интеграцию в годы холодной войны в широком смысле, то следует отметить участие ФРГ в Западноевропейском союзе, который был интегрирован в ЕС в 2011 г., в Совете Европы, а также в НАТО.

Германия всегда выступала с поддержкой развития интеграционных процессов и всех инициатив в рамках европейской интеграции. Интеграционные процессы в Европе развиваются «вглубь» и «вширь». Принято считать, что французский подход к интеграции заключается в примате углубления над расширением, британский – в примате расширения над углублением. Немецкий же подход заключается в равнозначности процессов углубления и расширения интеграции. Согласно такому подходу, углубление должно обеспечивать расширение, а расширение – не дать остановиться процессу углубления интеграции (Арбатова, Кокеев, 2013, с. 5).

Исторически расширение Европейского сообщества и Европейского союза всегда поддерживалось ФРГ (Басов, 2015, с. 18–22).

Единство по этому вопросу демонстрировали все политические силы Западной Германии. Так, руководство ФРГ поддерживало все расширения. Первое, или «северное», расширение 1973 г. и четвертое расширение 1995 г. не вызывали разногласий среди стран-участниц. Однако расширения 1981 и 1986 гг., когда в Сообщество вступили страны Южной Европы, вызывали дискуссии среди лидеров стран общего рынка. В 1980-е гг. руководство ФРГ приложило усилия, чтобы убедить скептиков из числа лидеров других стран Сообщества в необходимости расширения на юг.

Также в процессе углубления европейской интеграции ФРГ играла роль инициативного лидера. В начале 1950-х гг. руководство Западной Германии выступало за идею политической и оборонной интеграции стран Западной Европы и активно обсуждало вопросы создания Европейского оборонного сообщества и Европейского политического сотрудничества, которые были в тот период заблокированы Францией. В 1986 г. Западная Германия подписывает Единый европейский акт, что открыло дорогу подписанию Маастрихтского договора о Европейском союзе 1992 г. Объединенная Германия стала одним из главных сторонников валютного союза ЕС.

В годы холодной войны Западная Германия была «экономическим гигантом, но политическим карликом». Эта разительная диспропорция объяснялась тем, что до заключения договора «2+4» в 1990 г. (Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии) она не обладала полным суверенитетом, а для ООН, несмотря на вступление в организацию в 1973 г., еще долго оставалась «вражеским государством»¹.

При этом ФРГ была и остается одним из самых развитых индустриальных го-

сударств мира. Зачастую для укрепления международных позиций или достижения внешнеполитических целей Германия предпочитает использовать экономические, а не военные средства. Так, ФРГ является одним из главных доноров ООН, а также входит в число глобальных лидеров в области помощи развитию в кризисных регионах мира.

Германо-французский тандем в годы холодной войны называли «симметрией асимметрий», подчеркивая то, что обе страны – экономические лидеры Сообщества, но при этом ФРГ не обладает сопоставимым с Францией политическим и военным потенциалом. После объединения Германии в 1990 г. германо-французская ось стала менее асимметричной. Германия также приобрела статус самой мощной державы ЕС по основным экономическим показателям, стала обладателем самого большого золотовалютного запаса среди стран-участниц и самым крупным донором Европейского союза: немецкие взносы составляют примерно 20% его бюджета. Однако как большая страна Германия получает обратные поступления в размере около 10% бюджета ЕС.

Вместе с тем Германия является экспортно ориентированной экономикой, поэтому существование, укрепление и расширение единого европейского рынка для нее особенно значимо. Канцлер ФРГ Г. Шмидт в 1976–1982 гг. отмечал, что каждый потраченный в Европейском сообществе пфенниг Германия получает обратно в трехкратном увеличении. Уже тогда 22% немецкого экспорта приходилось на страны общего рынка (Павлов, Новиков, 2005, с. 219).

В 1970-е гг. ФРГ помогала своим партнерам по Сообществу бороться с падением курсов их национальных валют. Ревальвация немецкой марки и своевременная борь-

1 Hellmann G., Roos U. Das deutsche Streben nach einem ständigen Sitz im UN-Sicherheitsrat. INEF-Report. 92/2007. S. 6.

ба со спадом производства привели к увеличению импорта в ФРГ из стран Сообщества. Это позволило странам общего рынка смягчить последствия кризиса. В 1974 г. ФРГ выделила кредит Италии в размере 5,2 млрд марок. В 1975 г. официальный Бонн заявил, что готов помочь Великобритании с выплатой членских взносов в Сообщество.

Также в 1970-е гг. Западная Германия и Франция начали обсуждать возможность создания валютного союза. Обращение многих валют вело к определенным экономическим потерям при операциях на внешних рынках. Этот процесс успешно завершился на рубеже XX–XXI вв.

Таким образом, ФРГ была экономическим мотором Сообщества, его безоговорочным экономическим лидером. Ее благосостояние зависело от общего рынка и одновременно поддерживало его. Такое положение дел сохраняется и сегодня (Кузнецов, 2016, с. 197–195).

ФРГ на пути к европейскому лидерству

В последнее десятилетие XX в. произошли серьезные изменения, которые привели к тому, что Германия стала не только экономическим, но и политическим лидером европейской интеграции. Население объединенной Германии сейчас превышает 82 млн человек. По этому показателю ФРГ занимает первое место в Евросоюзе. Соответственно, Германия имеет самое большое представительство в органах власти ЕС, где посты между странами распределяются пропорционально численности населения.

Получившая полный суверенитет в 1990 г. и преодолевшая раскол времен

холодной войны, Германия стала воспринимать себя как одного из мировых лидеров. Немецкие политики стали говорить о новой ответственности Германии в международной политике. Переезд столицы из Бонна в Берлин ознаменовал собой новую эпоху немецкой внешней политики – Берлинскую республику. На протяжении 1990-х гг. ФРГ стремилась получить место постоянного члена Совбеза ООН. Когда стало ясно, что это не может быть реализовано в обозримой перспективе, Берлин недолго пытался продвигать идею о постоянном месте в Совете Безопасности для Европейского союза (Scheffler, 2010, s. 503–508), что наглядно иллюстрирует постулат о том, что укрепление своих международных позиций Германия видит только посредством укрепления международных позиций Евросоюза.

Еще одним важным фактором в переходе ФРГ от экономического к политическому лидерству в ЕС стала смена поколений в немецкой правящей элите. Поколение Г. Шредера и Й. Фишера родилось в период окончания Второй мировой войны, не испытывало слишком большой благодарности американцам (поэтому они были в первую очередь европеистами, а уже потом – атлантистами) и было очень инициативно и даже романтически настроено в отношении развития ЕС.

Для нового поколения немецких политиков постепенно перестало быть табу участие бундесвера в вооруженных миротворческих миссиях и военных кампаниях в рамках многосторонних союзов (ООН, НАТО, ОБСЕ, ЕС). Так, Германия направила в Афганистан в рамках ISAF самый большой после США контингент войск².

2 Bundeswehr. Abgeschlossene Einsätze. Afghanistan (ISAF) URL: http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw/start/abgeschlossene_einsaetze/afghanistan/lut/p/z1/04_Sj9CPykssy0xPLMnMz0vMAfIjo8zin5x8QnyMLI2MQtxdzA0cHQ28XAL-8LI0NvA31wwkpiAJKG-AAjgb6wSmp-pFAM8xxmuFsoh-sh6UfiZVYliihV5BfVJKTWqKXmAxyoX5kRmJeSk5qQH6yI0SgJDei3KdCURE-AgC-qjAlI/dz/d5/L2dBISEvZ0FBIS9nQSEh/#Z7_B8LTL2922TGD70AA0JDPN930C4 (Accessed 15.03.2017)

Внешнеполитическая инициативность Германии была продемонстрирована в противостоянии линии США по интервенции в Ирак в 2003 г. Тогда ФРГ впервые жестко критиковала внешнеполитическое решение Соединенных Штатов. Тогда же на волне антиамериканских настроений в 2003 г. в общественнополитической сфере Германии стал обсуждаться вопрос о выводе из страны американского тактического ядерного оружия. Все это имело большое значение для понимания необходимости развития Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) Евросоюза, становления ЕС как актора международной политики, а в военной сфере – усиления автономии Европы от США в тех сферах, где это разумно возможно.

Большое значение для политического лидерства ФРГ в ЕС имели географические изменения Евросоюза. В 1995 г., когда в ЕС вступили нейтральные страны ЕАСТ – Австрия, Финляндия, Швеция, географический центр Евросоюза сместился на северо-восток. Теперь именно Германия лежала в сердце этого объединения. Это положение еще более укрепилось в 2004 г., когда в ЕС вступили десять новых членов, преимущественно из Центральной Европы.

Расширения ЕС 2004 и 2007 гг. были очень выгодны ФРГ. Они нарастили не только важный для Германии общий рынок, но и пространство безопасности. Теперь ФРГ со всех сторон была окружена союзниками и друзьями. Расширения были также важны в смысле сглаживания региональных диспропорций между старыми и новыми землями ФРГ, которые вошли в ее состав в результате объединения Германии в 1990 г. Поэтому Берлин был одним из основных лоббистов пятого расширения. Канцлер Г. Шредер активно поддерживал вступление Польши в ЕС уже 1 мая 2004 г., хотя по некоторым экономическим показателям ее вступле-

ние могло быть отложено (Шредер, 2007, с. 359).

В связи с масштабным расширением ЕС и отставанием Франции от Германии в экономическом развитии в германо-французском тандеме образовались явные диспропорции. Именно Берлин стал играть в нем ведущую роль. В начале столетия Г. Шредер хотел преобразовать германо-французский тандем в триумвират, подключив к нему Великобританию. Эта идея не удалась, поскольку Великобритания никогда не становилась ядром европейской интеграции и не была в ней заинтересована.

Уже при канцлере А. Меркель германо-французский тандем стал постепенно заменяться на Веймарский треугольник Германии, Польши и Франции в качестве ядра европейской интеграции (Albertin, 2010, s. 93). Именно Веймарский треугольник является новым ядром интеграции. Решение Германии и Франции привлечь к предварительному обсуждению европейской повестки дня Польшу способствовало европеизации этой страны. Так, Польша из евроскептической страны превратилась в одно из самых проевропейских государств. Будучи лидером и самой большой страной Центральной Европы, Польша стала примером для других стран субрегиона. Таким образом, понятие «новая Европа», появившееся в 2004 г. и обозначающее евроскептические постсоциалистические страны ЕС, ушло из политологического лексикона.

Говоря о новой роли Германии как главной страны ядра европейской интеграции, необходимо отметить общественное мнение в ФРГ по вопросу развития ЕС и его значения для Германии. В сентябре 2003 г. 81% немцев согласились с тем, что для германских интересов ЕС важнее, чем Америка. И только 9% отдали предпочтение США (Белов, 2009, с. 206).

В период правления красно-зеленой коалиции СДПГ и «зеленых» (1998–2005 гг.) Германия была одним из главных сторонников подписания Договора о Конституции для ЕС. Тогда президент Германии Й. Рау, канцлер Г. Шредер и министр иностранных дел Й. Фишер предложили план реформирования институтов ЕС и наделения их широкими полномочиями, что привело бы к трансформации ЕС в некое федеративное государство по подобию самой ФРГ. Тогда этот план напугал многие страны ЕС тем, что в этом государстве доминировала бы Германия. Эти страхи сыграли свою роль в провале ратификации Договора о Конституции для Европейского союза.

Германия и кризис ЕС

Период до 2005 г. был очень успешным в развитии европейской интеграции, что внушало большой оптимизм ее сторонникам, особенно немцам. В 2003 г. Евросоюз впервые выпустил программный документ по внешней политике и политике обороны – европейскую стратегию «Безопасная Европа в лучшем мире»³. Она начиналась словами: «Никогда еще Европа не была так успешна и безопасна, как сегодня». Эта фраза стала лучшим проявлением того оптимизма, который был основан на больших успехах и относительно беспроblemном развитии европейской интеграции в первые десять лет существования Европейского союза. Венцом этого периода развития ЕС стало расширение 2004 г., когда ЕС-15 превратился в ЕС-25.

Однако в последующее десятилетие Евросоюз пережил ряд кризисов глобального, регионального и локального

масштабов, имевших на него большое влияние. В 2005 г. проект Договора о Конституции для ЕС не был поддержан на референдумах во Франции и в Нидерландах. Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. затронул страны – члены ЕС и стал драйвером долгового кризиса в еврозоне в 2008–2013 гг. Украинский кризис, начавшийся в 2013 г., был следствием столкновения двух региональных стратегий – Восточного партнерства ЕС и проекта евразийской интеграции, инициированного Россией. А войны и нестабильность на Ближнем Востоке привели к крупнейшему с середины XX в. миграционному кризису в Европе, пик которого пришелся на 2015–2016 гг.

Эти кризисы привели к росту евро-скептицизма, популизма и национализма в Европе. На выборах в Европарламент в 2014 г. евроскептики увеличили свое представительство. Самым серьезным проявлением евро-скептицизма стал Брекзит, к которому привели итоги референдума о членстве Великобритании в ЕС в 2016 г.

Германия играет в преодолении этих кризисов лидирующую роль, действуя при этом преимущественно реактивно.

В декабре 2006 г. обе палаты немецкого парламента проголосовали за прием Болгарии и Румынии в ЕС с 1 января 2007 г. Несмотря на то, что вступление этих двух стран было не столь важно для Берлина, как расширение 2004 г., а само присоединение к ЕС Болгарии и Румынии называли «обязательством», оно было ответственно реализовано. Таким образом, растянувшееся пятое расширение ЕС было завершено.

Вступление Хорватии в ЕС 1 июля 2013 г. было поддержано Берлином. На-

3 A secure Europe in a better World. European Security Strategy. Brussels, 2003. URL: <https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf> (Accessed 15.03.2017)

селение Хорватии составляет около 4 млн человек, поэтому эта ситуация не была серьезной проблемой для объединенной Европы. Однако именно в этот период ФРГ отказалась от политики «вступления авансом» в отношении кандидатов, когда соответствие вступающих стран многим критериям может вызвать вопросы. В Берлине наступило понимание того, что расширение должно быть подготовлено успешным углублением интеграции и идти пошагово, а не массово. Также, несмотря на то, что официально для вступления Турции в ЕС дверь никто не закрывал, этот вопрос ушел с повестки дня. Руководство ФРГ не видит возможности для вступления Турции в ЕС, по крайней мере в исторически обозримой перспективе (Peggy, 2012, s. 57).

Главным приоритетом европейской политики Германии было возобновление процесса заключения договора, призванного заменить конституционный договор ЕС, и, соответственно, преодоления конституционного и структурного кризиса Европейского союза. В 2006 г. саммит ЕС в Брюсселе уполномочил правительство ФРГ подготовить в первой половине 2007 г., когда Берлин председательствовал в Европейском совете, доклад, который содержал бы предложения по имплементации положений Договора о Конституции для ЕС в новый документ.

Само понятие «Конституция для Европы» стало в ЕС непроходным, однако реформы, связанные с необходимостью принятия конституционного или адекватного ему договора, должны были быть продолжены (Белов, 2011, с. 221). В марте 2007 г. на саммите ЕС в Берлине было принято заявление, в котором содержалось обязательство создать до 2009 г. обновленную базу европейского интеграционного проекта. Под этим подразумевался новый документ.

Лиссабонский договор вступил в силу в 2009 г. и содержал в себе подавляющее большинство положений проекта Договора о Конституции для ЕС. Подписание и вступление в силу нового основополагающего договора для Европейского Союза стало огромным успехом европейской политики Германии. Усилия Берлина позволили продолжить процесс углубления европейской интеграции, что стало важнейшим результатом на европейском направлении правительства «большой коалиции» 2005–2009 гг., возглавляемого А. Меркель и Ф.-В. Штайнмайером.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. имел колоссальные последствия для глобального развития в целом и для европейской интеграции в частности. Он стал основным драйвером долгового кризиса некоторых стран еврозоны в 2008–2013 гг. Так же как и во времена нефтяного кризиса 1970-х гг., Германия играла роль главного спасателя проблемных экономик ЕС, оставаясь самой стабильной экономикой в Евросоюзе (Müller-Brandeck-Wosquet, 2011).

Берлин предложил оказать финансовую помощь проблемным странам, если они возьмут на себя обязательства по бюджетной дисциплине и экономии. Это предложение вызвало критику со стороны населения стран, охваченных кризисом, в адрес Германии и лично канцлера А. Меркель, привело к спорам в тандеме «Меркози» (Меркель – Саркози). Но меры, предложенные правительством Германии, дали положительный эффект. В итоге удалось избежать предложенной министром финансов ФРГ В. Шойбле перспективы выхода Греции из еврозоны.

Более того, кризис в еврозоне стал импульсом для укрепления европейской финансовой стабильности и интеграции: в 2012 г. был создан Европейский стабилизационный механизм (ESM).

Германский план реформирования ЕС

Вследствие мирового финансово-экономического кризиса, частью которого стал кризис в еврозоне, европейская интеграция не прекратила своего развития. Более того, ответом на кризис стало дальнейшее осмысление концепций и отдельных предложений по усилению интеграционных процессов в ЕС.

Кризис усилил не только экономическую, но и политическую дифференциацию в ЕС. Страны, готовые к дальнейшему развитию европейской интеграции, будут составлять ядро интеграционных процессов.

По одному из возможных вариантов ядро будет образовано восемью странами: «старой шестеркой» (ФРГ, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург), а также Польшей и Испанией. В таком ядре сконцентрировано больше половины населения и $\frac{3}{4}$ ВВП ЕС. В Лиссабонском договоре 2007 г. прописана возможность углубленного сотрудничества минимум двух стран. Возможно, в этом ядре будут образованы свои мини-институты⁴.

Германия видит развитие европейской интеграции в формате «Европы двух скоростей», ядром которой является «старая шестерка» плюс Польша и Испания. Но при этом Берлин на настоящем этапе выступает за усиление межправительственного подхода.

С середины 2013 г. позиция А. Меркель, ранее являвшейся апологетом политического союза, несколько изменилась. Она осторожно относится к идее прямых выборов председателя Еврокомиссии, так как это ослабит позиции национальных лидеров. Канцлер все чаще и все четче стала высказываться против дальнейшей

передачи полномочий Брюсселю. ФРГ уделяет большое внимание сохранению своих денег. Берлин проявляет большую сдержанность в отношении сроков создания банковского союза (из-за опасений Германии оказаться перегруженной обязательствами перед проблемными банками еврозоны). Особое внимание к политической интеграции со стороны Германии уменьшилось. Она уходит от предлагавшегося ею ранее внесения существенных изменений в договоры ЕС, сместив акцент на ограниченные изменения, допускающие в основном усиление контроля в финансово-экономической сфере.

Отмеченное выше объясняется:

- опасениями, что Брюссель станет распоряжаться немецкими деньгами;
- недостаточной популярностью ЕС у избирателя (снятие европейской политики с предвыборной повестки дня на федеральных выборах 2013 г.);
- личностными мотивами канцлера;
- наконец, тем, что, когда А. Меркель продолжает настаивать на необходимости реформирования ЕС (как в ситуации с подготовкой Германией изменений в учредительных договорах о Евросоюзе, предоставляющих Еврокомиссии право заключать с отдельными членами ЕС договоры о повышении конкурентоспособности и бюджетной дисциплины), то это не встречает понимания ни в большинстве стран ЕС, ни в Брюсселе, ни у партнеров по коалиционному федеральному правительству (Арбатова, Кокеев, 2016).

Германия будет инициатором дальнейшей интеграции в таких сферах, как защита персональных данных, защита прав потребителей, инновации, информационная безопасность.

В правящей с 2013 г. коалиции Христианско-демократический союз (ХДС)

4 Арбатова Н.К. Германия Европы или Европа Германии // Дипкурьер. 31.10.2016. URL: http://www.ng.ru/courier/2016-10-31/10_6848_germany.html (Accessed 15.03.2017)

является «охранителем» германских денег перед лицом Брюсселя, Христианско-социальный союз (ХСС) – блюстителем национальных институтов, а Социал-демократическая партия (СДПГ) – проводником социальной тематики на европейском уровне.

В 2014 г. начался новый легислатурный период в Евросоюзе. При формировании новой Еврокомиссии канцлер Германии А. Меркель активно поддерживала кандидатуру Ж.-К. Юнкера на пост ее председателя, что ей с успехом удалось, несмотря на противодействие некоторых сил, в том числе тогдашнего премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона. Также на пост председателя Европейского совета в 2014 г. был избран Д. Туск. Оба эти назначения можно считать успехом А. Меркель – Д. Туск и Ж.-К. Юнкер являются убежденными сторонниками европейской интеграции, дружественны Германии, а также близки Европейской народной партии (ЕНП), куда входит ХДС А. Меркель.

«Большинство Еврокомиссии» в Европарламенте составляют ЕНП, Прогрессивный альянс социалистов и демократов (СиД) и Альянс либералов и демократов за Европу (АЛДЕ). Это силы политического мейнстрима, противостоящие популистам. Архитектура Европарламента напоминает архитектуру бундестага. В Германии правящую коалицию составляют Союз ХДС/ХСС и СДПГ, что аналогично «большинству Еврокомиссии» в Европарламенте. Основным направлением деятельности Комиссии Юнкера является работа над созданием Энергетического союза ЕС и общего цифрового рынка.

У правящих ХДС/ХСС и СДПГ единое видение основных направлений развития европейской интеграции: обе политические силы выступают за созыв европейского Конвента, чтобы внести изменения и доработки в основополагающие дого-

воры ЕС (Арбатова, Кокеев, 2016). Разница в подходах немецких консерваторов и социал-демократов заключается лишь в том, что создание политического союза в ЕС социал-демократы видят только с одновременным созданием социального союза, а фирменным знаком ХДС/ХСС на пути к политическому союзу остаются меры жесткой экономии. Также СДПГ не отказывается от слова «Конституция», когда речь идет о дальнейшем развитии основополагающих документов ЕС.

В программе ХДС также говорится о создании двухпалатного парламента в ЕС, в котором верхней палатой станет Совет ЕС. Обе палаты (Совет ЕС и Европарламент) должны получить право законодательной инициативы, которой обладают Еврокомиссия и Европейский совет.

Меркель высказала сожаление по поводу решения граждан Великобритании о выходе страны из ЕС. Она предложила действовать по шести направлениям. Во-первых, спокойный и трезвый анализ обстановки. Во-вторых, сохранение дружественных и взаимовыгодных контактов с Лондоном после его выхода из ЕС. В-третьих, предстоящие переговоры между Евросоюзом и Великобританией без нанесения ущерба предыдущим достижениям ЕС. В-четвертых, переговоры без предоставления привилегий стране, покидающей Евросоюз. В-пятых, отстаивание интересов немецких граждан и немецкого бизнеса. В-шестых, развитие ОВПБ в рамках трансатлантического партнерства.

Германский евроскептицизм: истоки и история

Появление и первые годы существования ФРГ совпали во времени с началом процесса европейской интеграции. Участие Западной Германии в европей-

ской интеграции было чуть ли не единственной международной площадкой, на которой Бонн мог чувствовать себя равноправным партнером и участником. Географическое положение в центре Европы и отсутствие колониального направления внешней политики в середине XX в. сделали европейскую интеграцию естественной и гармоничной составной частью политики и самого существования ФРГ.

Однако вступление в благополучное сообщество ЕС-15 стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а также то, что бремя помощи кризисным экономикам еврозоны в значительной мере ложилось на плечи Германии, и неоднозначная реакция на немецкое преобладание в ЕС со стороны многих стран заставили немцев задуматься о соотношении цены, которую Германия платит за развитие интеграции, и отдачи, которую немецкие общество и экономика получают от развития Евросоюза.

До появления партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) в 2013 г. в ФРГ не было партий, чьим профилем был бы, главным образом, евроскептицизм. До 2013 г. в Германии действовали либо еврооптимистические партии, либо националистические, либо левые популисты, которых зачастую можно отнести к мягким евроскептикам.

Таким образом, предыстория немецкого евроскептицизма охватывает период до 2013 г. Тогда речь шла не столько о евроскептицизме, сколько о немецком национализме и неонацизме, базировавшихся на изоляционизме, протекционизме, антиглобализме, антиамериканизме, антисоветизме и антисемитизме.

Основной националистической партией была Национал-демократическая партия Германии (НДПГ). Она основана в 1964 г. Основным содержательным профилем НДПГ был реваншизм, основан-

ный на изоляционизме, антисемитизме, антиамериканизме, антисоветизме и антииммигрантской риторике. Партия не признавала ГДР, границ Германии по Одере-Нейсе, холокост, призывала к выходу из НАТО. В европейской политике НДПГ является проводником концепции «Европы народов», согласно которой к Европе могут быть причислены только «этнические европейские народы». ЕС, по мнению НДПГ, – не Европа. Все компетенции, переданные на общеевропейский уровень, должны быть возвращены национальным государствам (Butterwege, 2002).

Таким образом, НДПГ также является евроскептической партией, выступающей за пересмотр основных позиций европейской интеграции. Однако НДПГ – партия определенного исторического этапа, периода, когда немецкий суверенитет не был восстановлен в полном объеме, когда была актуальна проблема люстрации нацистских преступников, а вопрос европейской интеграции – наоборот, не имел большого значения, так как речь шла только об общем рынке, а не о продвинутых формах объединения. Развитие европейской интеграции в начале XXI в. так и не стало основным фокусом партии. В постбиполярный период главными темами партии являлись иммиграция и глобализация.

Национал-демократическая партия Германии так и не стала сколько-нибудь значимой политической силой. Она никогда не проходила в бундестаг, хотя в 1969 г. была довольно близка к этому – набрала 4,3% голосов на федеральных выборах. В 1960-х гг. НДПГ сумела сформировать фракции в семи земельных парламентах, но только на одну легислатуру. В XXI в. они смогли дважды пройти в ландтаги Саксонии и Мекленбурга – Передней Померании, а в 2014 г. впервые провели своего депутата в Европарламент.

Появление партии «Альтернатива для Германии» в 2013 г. стало началом конца НДПГ. Постепенно избиратели национал-демократов стали голосовать за АдГ, чья повестка более актуальна, чем реваншизм НДПГ. За избирателями в АдГ потянулись спонсоры и функционеры. В 2016 г. НДПГ вылетела из последнего ландтага, соответственно, покинула пул парламентских партий и потеряла государственное финансирование. Таким образом, многолетние неудачные попытки различных политических сил Германии добиться запрета НДПГ Федеральным конституционным судом потеряли свою актуальность.

На очень похожих с НДПГ позициях стоит национал-консервативная партия «Республиканцы», которая в конце 1980-х – 1990-х гг. проходила в земельные парламенты Берлина и Баден-Вюртемберга, а в 1989 г. провела 6 депутатов в Европарламент. Но, как и НДПГ, «Республиканцы» являются сегодня, скорее, умирающей партией.

Партия «Pro Deutschland» выросла из общественно-политических объединений «Pro NRW» и «Pro Köln», которые организовались из неонацистов в Северном Рейне-Вестфалии. «Pro Deutschland» стоит на антиисламских и антииммигрантских позициях. Евроскептический дискурс не является для партии профилирующим. При этом они явно поддерживают «Альтернативу для Германии».

Подобно движению «Pro Deutschland», общественное движение «Pegida» («Прогрессивные европейцы против исламизации Запада») выступает против исламизации и иммиграции из мусульманских государств в Германию. Евроскептическими их позиции можно назвать только из-за их симпатии к правым евроскептикам.

Политическая организация, отражение в общественном мнении, причины роста популярности

Институционально оформленный немецкий евроскептицизм начался в 2013 г., с появлением на политической арене партии «Альтернатива для Германии». Это произошло 6 февраля 2013 г. Партия была создана для участия в выборах в бундестаг в сентябре 2013 г. на базе общественной организации «Избирательная инициатива 2013».

Эта партия – первая в немецкой истории политическая сила, которая акцентировала в своей программе евроскептические положения. Основным импульсом к созданию евроскептической партии в Германии стал долговой кризис в еврозоне 2008–2013 гг. и последующая политика ФРГ по его преодолению (Камкин, 2015).

В 2013–2014 гг. партия заняла свою нишу в немецкой политике. Характерным фактом является то, что до 2013 г. в Германии не было значимой евроскептической партии. Все парламентские партии ФРГ были еврооптимистами. Эту долго не занимаемую нишу и захватила «Альтернатива для Германии». Помимо открытых националистов, голосовавших за НДПГ, АдГ перетянула к себе часть консервативных избирателей ХДС/ХСС, а также тех избирателей «Левых», которые стоят на антилиберальных, этатистских позициях. Совсем незначительная часть избирателей СДПГ и СвДП тоже могла отдать голоса новой политической силе.

Свою роль сыграло то, что при А. Меркель союз ХДС/ХСС в определенной мере полевел. В ХДС усилилось правозащитное крыло, а в политике правительства партии – социальное и экологическое направления. Это освободило поле правее от ХДС/ХСС, чем и воспользовалась «Альтернатива».

Среди избирателей АдГ много латентных националистов. Открыто симпатизировать националистическим силам в Германии неприлично. Поэтому «Альтернатива для Германии» как более евроскептическая, но менее националистическая (чем НДПГ) политическая сила как раз была кстати для «латентно-националистических» избирателей, в том числе и тех, которые раньше не участвовали в выборах.

Стоит еще раз отметить, что Германия является одной из самых еврооптимистических стран в ЕС. Так, АдГ даже не ставит на обсуждение членство Германии в Евросоюзе. Главным вопросом «европейской корзины» АдГ является участие в еврозоне и возврат к немецкой марке⁵. «Альтернатива для Германии» выступает против дальнейшего развития европейской интеграции, но не ставит под сомнение существование ЕС, участие в нем ФРГ и общий рынок (европейское экономическое сообщество).

Помимо европейской проблематики партия выступает за введение института референдума по образцу Швейцарии, ограничение роли политических партий в общественно-политической жизни ФРГ (что противоречит смыслу политической системы ФРГ, задуманной как многопартийная демократия), значительное упрощение налоговой системы, поддержку института семьи и многодетности. Но основной повесткой в деятельности АдГ стала антииммигрантская проблематика. Так, «Альтернатива для Германии» выступает за переход к канадской иммиграционной модели – привлечение квалифицированных и готовых к интеграции мигрантов. Помимо евроскептических партия стоит на националистических, консервативных и антифеминистических позициях.

В 2013 г. партия участвовала в выборах в бундестаг и ландтаг Гессена, набрав в обеих кампаниях по 4% голосов. Это очень серьезный результат для партии-первогодки, который, однако, не позволил ей преодолеть пятипроцентный барьер и войти в парламенты. В следующем, 2014 г. АдГ уверенно проходит в ландтаги Бранденбурга, Саксонии и Тюрингии, а также проводит в Европарламент 7 депутатов.

В 2015 г. партия пережила раскол. «Альтернатива для Германии» начиналась как партия профессоров-экономистов и консервативных интеллектуалов. Ее отцом-основателем является профессор экономики Б. Луке. Причиной раскола стало отношение партии к националистической и антииммигрантской тематике. Руководство партии во главе с Б. Луке считало необходимым дистанцироваться от начавшегося в 2014 г. общественного движения “Pegida”, которое проводило уличные демонстрации антиисламской и антииммигрантской направленности. Б. Луке и часть партийного руководства боялись поддержки националистического движения, что привело бы к восприятию АдГ в немецком обществе как националистической партии. По этому вопросу внутри партии началась борьба между уважаемым экономическим крылом во главе с Б. Луке и националистическим во главе с Ф. Петри. На съезде партии в Эссене в июле 2015 г. председателем партии была избрана Ф. Петри. Сторонники Б. Луке вышли из АдГ и организовали партию “ALFA” («Альянс за прорыв и прогресс»), которая в 2016 г. была переименована в «Либерально-консервативных реформаторов» (ЛКР).

Раскол также произошел среди 7 депутатов АдГ в Европарламенте (Басов, 2016). В 2014 г. «Альтернатива для Гер-

5 Alternative für Deutschland. Europa. Euro. URL: <https://www.alternativefuer.de/euro-europa-2/> (Accessed 15.03.2017)

мании», пройдя в Европарламент, вошла во фракцию Европейских консерваторов и реформистов (ЕКР). Однако позиции партии по многим вопросам расходились с точкой зрения фракции ЕКР. Например, по вопросам санкций в отношении России и Энергетического союза. Так, часть депутатов от АдГ летом 2014 г. голосовала вместе с фракцией ЕКР за санкции против России, чем вызвала большое раздражение у руководства партии АдГ в Германии. Этот пример показывает, что позиции евроскептиков популистского толка как в Германии, так и в ЕС разрозненны. АдГ вступила во фракцию ЕКР во многом по причине обоюдного желания АдГ и Д. Кэмерона уколоть А. Меркель. В результате для АдГ участие во фракции ЕКР в Европарламенте имело до раскола партии много минусов. Двое депутатов, оставшихся в АдГ, вышли из ЕКР и вошли во фракции «Европа за свободу и прямую демократию» (ЕСДД) и «Европа наций и свобод» (ЕНС). Пять депутатов, вышедших из АдГ и основавших «ALFA», остались во фракции ЕКР.

Участие пяти депутатов немецкой партии ЛКР во фракции ЕКР в Европейском парламенте весьма органично. Эта партия в отличие от АдГ является не националистической и право-популистской, а либерально-консервативной силой, более уважаемой и менее маргинальной, чем АдГ. Их позиции в основном совпадают с позицией фракции. Соответственно, немецких «Либерально-консервативных реформистов» можно считать умеренными евроскептиками.

Также раскололась фракция АдГ в бременском парламенте. Из четырех депутатов существовавшей до раскола фракции АдГ трое создали фракцию ЛКР. Единственный член АдГ в бременском парламенте – внефракционный.

После того как экономическая и репутационная часть партии покинула АдГ, антииммигрантская, антиисламская

и националистическая тематика в партии стала превалировать над европейской. В общественном и медийном пространстве Германии АдГ начала ассоциироваться с правым популизмом и национализмом. Все парламентские партии ФРГ объявили о том, что отклоняют любые возможности сотрудничества и тем более создания коалиции с «Альтернативой для Германии».

Имидж АдГ как националистической партии усиливался связями партийной организации АдГ в Сааре с НДПГ, а также избирательными плакатами НДПГ на выборах в ландтаги Саксонии-Ангальт, Баден-Вюртемберга и Рейнланд-Пфальца в марте 2016 г., на которых избирателям предложили голосовать за прямого кандидата от АдГ (первым голосом), но за партийный список НДПГ (вторым голосом).

К апрелю 2017 г. АдГ вошла в одиннадцать из шестнадцати земельных парламентов Германии. На всех выборах после 2013 г. партия набирала от 5 до 24% голосов.

Либерально-консервативные реформаторы представляют более умеренную позицию, нежели АдГ. Но основные направления их критики такие же – валютный союз и мягкая миграционная политика федерального правительства. Однако в национализме и исламофобии партия не замечена и за это не критикуется. Можно отметить, что ЛКР заметно менее популярны, чем АдГ. Их поддержка, согласно опросам, составляет 1–2%. Партия почти не имеет шансов войти в бундестаг или земельные парламенты.

Интересной является реакция немецких евроскептиков на Брекзит. В АдГ представлены две позиции: максималистов, которые очень рады Брекзиту, и умеренных, которые высказывают сожаление по поводу выхода Великобритании из ЕС. Яркий максималист Б. Хеке, председатель фракции АдГ в тюрингском

ландтаге, даже призвал к проведению подобного референдума в Германии. Умеренную позицию в АдГ демонстрирует А. Гауланд – англофил и руководитель фракции в ландтаге Бранденбурга. По его мнению, ЕС потерял англичан, которые очень помогли Европе своим прагматизмом⁶. Политики ЛКР демонстрируют, разумеется, умеренную позицию по поводу выхода Великобритании из ЕС. Так, депутат ЕП от ЛКР Х.-О. Хенкель полагает, что ЕС потерял людей, ведущих здравую политику в сферах миграции и финансов.

Перспективы евроскептиков в Германии

В последние годы обозреватели гадали, изменит ли АдГ политический ландшафт ФРГ, подобно тому как это удалось «зеленым» в 1980-е гг., или же, наоборот, подобно немецким «пиратам»⁷, сформировав фракции в нескольких земельных парламентах, уйдет с политической сцены.

Судя по данным социологических исследований, можно с уверенностью предположить, что АдГ в 2017–2018 гг. войдет в бундестаг и в оставшиеся земельные парламенты, став, таким образом, третьей политической силой в стране после народных партий ХДС/ХСС и СДПГ (Кузнецов, 2016). При этом федеральный рейтинг партии с осени 2016 г. не растет. Уже полгода он колеблется на отметках в 9–12%. Это обстоятельство позволяет части экспертного сообщества говорить о том, что пик поддержки АдГ, а возможно, и евроскептицизма в Германии,

пройден⁸. И если не случится каких-либо чрезвычайных происшествий, то вряд ли поддержка правых популистов из АдГ будет расти.

В Германии существует так называемая 2,5-партийная система. Это многопартийная система, но с двумя доминирующими силами, которые в совокупности составляют 60% мест в парламенте. Психологическим барьером для немецких народных партий является 30% поддержки избирателей. Такими партиями в Германии являются союз ХДС/ХСС и СДПГ. Остальные парламентские партии – малые. АдГ может стать даже сильнейшей малой партией, но вряд ли будет народной, достигнув на федеральных выборах планки в 20% голосов.

Резкий за первые четыре года существования рост поддержки новой политической силы обеспокоил традиционные партии. Силы мейнстрима (ХДС, ХСС, СДПГ и СвДП), а еще больше – «зеленые» и «левые» объединились в критике АдГ и обвинении их в национализме. В определенной степени это имело успех. В медийном пространстве и общественном мнении за АдГ прочно закрепилась такая слава, от которой руководство этой партии все время безуспешно пытается отделаться.

В предвыборном соперничестве и в ходе борьбы с миграционным кризисом правящие партии ХДС/ХСС и СДПГ приняли решение вернуться к своему традиционному профилю. Союз ХДС/ХСС берет курс вправо, ужесточая миграционное законодательство, а СДПГ возвращается влево, развивая социальную проблематику. И социал-демократы, и консерваторы

6 Weiland S. Und dann weinte Beatrix von Storch – vor Freude. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-und-brexite-alexander-gauland-will-keine-eu-austritts-kampagne-a-1099617.html> (Accessed 15.03.2017)

7 Партия пиратов Германии – политическая партия в Германии, основанная в 2006 г. Своей целью ставит содействие свободному распространению знаний, реформе законов об авторском праве, борьбе за сохранение прав и свобод в Интернете.

8 См.: Augstein J. AfD, ade? URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-ade-kolumne-von-jakob-augstein-a-1136842.html> (Accessed 15.03.2017)

заявили, что продолжение большой коалиции (ХДС, ХСС и СДПГ) является для них не самым приемлемым вариантом. Традиционное позиционирование народных партий в предвыборной борьбе, активные усилия, прилагаемые СвДП для возвращения в бундестаг, яростная критика АдГ «Левыми» и «зелеными» – все это не позволяет «Альтернативе для Германии» укрепить свои позиции.

Отвечая на вопрос, поставленный в монографии «Современная Германия: экономика и политика» (Белов, 2015): ««Альтернатива для Германии» – партия-однодневка или серьезная сила?», можно со значительной долей уверенности сказать «нет» и «нет». АдГ прочно заняла свою нишу в политическом спектре ФРГ, но, вероятно, пространство в ней уже исчерпано.

Руководство АдГ, понимая, что они нерукопожатны для остальных парламентских партий Германии, также утверждает, что исключает возможность создания коалиции с кем-либо из них. Партия делает ставку на противопоставление простых граждан и далеких от их проблем представителей политической элиты. Неся негативную повестку дня, АдГ публично отказывается брать на себя груз политической ответственности и готова только к роли непримиримой оппозиции.

В новых федеральных землях (бывшая ГДР) поддержка АдГ выше, чем в среднем по стране. Самое большое представительство партия имеет в ландтагах Саксонии-Ангальт (почти 30% мест) и Мекленбурга-Передней Померании (около 25% мест). Хотя есть вероятность, что на земельном уровне на Востоке страны может быть создана коалиция с участием АдГ, но она ничтожно мала. Противники АдГ готовы создавать широкие, ранее немыслимые коалиции, чтобы исключить возможность проникновения в исполнительную власть националистически настроенной АдГ. Так, по итогам выбо-

ров в ландтаг Саксонии-Ангальт в марте 2016 г., несмотря на то, что премьер-министр земли Р. Хазеллофф отмечал, что у ХДС в Саксонии-Ангальт больше общих позиций с АдГ, чем с «зелеными», была образована коалиция ХДС, СДПГ и «зеленых».

Германия имеет особый статус в ЕС не только как абсолютный и безоговорочный лидер европейской интеграции, но и как страна, где проявления евроскептицизма значительно слабее, чем в большинстве других государствах – членах Евросоюза.

Именно Германия была инициативным лидером в решении самых важных вопросов в истории европейской интеграции: подготовке Лиссабонского договора, создании Европейского стабилизационного механизма, выходе из долгового кризиса экономик еврозоны, расширении Евросоюза и других. При этом все ведущие политические силы Германии демонстрируют единство по основным вопросам европейской повестки дня. Это объясняется тем, что существование и развитие ЕС является важнейшим интересом Германии, от которого зависит благополучие и безопасность ФРГ и ее соседей.

Вместе с развитием интеграции возросло значение европейской проблематики в политической и общественной жизни стран – членов ЕС. До 2013 г. евроскептического дискурса в Германии по большому счету не существовало. В последние четыре года эту пустующую нишу заняла партия «Альтернатива для Германии». Однако немецкий евроскептицизм очень умеренный и не подвергает сомнению существование Евросоюза и основополагающих свобод общего рынка.

Наличие евроскептической партии консолидирует силы политического мейнстрима и заставляет Германию уча-

ствовать в интеграции более обдуманно и дальновидно. Европейский союз выходит из полосы кризисов, продолжая интеграционные процессы. Лидирующую роль в этом играет ФРГ.

Пик популярности немецких евроскептиков, вероятно, пройден. А сами они раздираемы в Германии внутренними противоречиями между умеренным евроскептическим крылом, с одной стороны, и националистическим – с другой. Это обстоятельство снижает поддержку евроскептических сил в ФРГ.

Список литературы

- Антюшина В. В., Баранова К. К., Белов В. Б. (ред.) [и др.]. (2015). *Современная Германия. Экономика и политика*. Москва: Весь мир. 720.
- Арбатова Н. К., Кокеев А. М. (ред.). (2016). *Европейский Союз на перепутье: нерешенные проблемы и новые вызовы (политические аспекты)*. Москва: ИМЭМО РАН. 232.
- Арбатова Н. К., Кокеев А. М. (ред.). (2013). *Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты)*. Москва: ИМЭМО РАН. 204.
- Басов Ф. А. (2016). Германия, Европарламент и политика санкций в отношении России. *Мировая экономика и международные отношения*, 60 (12). 62–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-12-62-68
- Басов Ф. А. (2015). Политика Германии по вопросу расширения ЕС. *Мировая экономика и международные отношения*, (4). 18–22.
- Белов В. Б. (ред.), Абрамова С. В., Баранова К. К. [и др.]. (2009). *Германия. Вызовы XXI века*. Москва: Весь мир. 788.
- Камкин А. К. (2015). «Альтернатива для Германии» как новый элемент партийного ландшафта. *Современная Европа*, (2). 118–122.
- Кузнецов А. В. (2016). Германия: насколько стабильно положение лидера ЕС? *Год планеты: ежегодник*. Москва: Идея-пресс (2016). 187–196.
- Павлов Н. В., Новиков А. А. (2005). *Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера*. Москва: Московские учебники – СиДиПресс. 605.
- Шредер Г. (2007). *Решения. Моя жизнь в политике*. Москва: Европа. 552.
- Albertin L. (Hrsg.). (2010). *Deutschland und Frankreich in der Europäischen Union*. Tübingen. 225.
- Baumann R. (2007). Multilateralismus: Die Wandlung eines vermeintlichen Kontinuitätselements der deutschen Außenpolitik. Jäger T., Höse A., Oppermann K. (Hrsg.). *Deutsche Aussenpolitik: Sicherheit, Wohlfahrt, Institutionen und Normen*. Wiesbaden: VS Verlag. 442–461.
- Butterwege C., Meier L. (2002). *Rechtsextremismus*. Freiburg: Herder Verlag. 191.
- Elzer H. (2008). *Konrad Adenauer, Jakob Kaiser und die «kleine Wiedervereinigung»*. St. Ingbert: Röhrig Universitätsverlag. 1037.
- Hellmann G., Roos U. (2007). Das deutsche Streben nach einem ständigen Sitz im UN-Sicherheitsrat. Analyse eines Irrwegs und Skizzen eines Auswegs. *INEF-Report 92/2007*. Duisburg: Institut für Entwicklung und Frieden. 88.
- Müller-Brandeck-Bocquet G. (2011). Deutschlands bilaterale Beziehungen im Rahmen der EU. Jäger T., Höse A., Oppermann K. (Hrsg.). *Deutsche Aussenpolitik: Sicherheit, Wohlfahrt, Institutionen und Normen*. 2-e Ausgabe. Wiesbaden: VS Verlag. 605–630.
- Peggy S. (2012). *Der EU-Beitritt der Türkei: eine unüberwindbare Hürde?* Hamburg: Diplomica Verlag. 108.
- Scheffler J. (2010). *Die Europäische Union als rechtlich-institutioneller Akteur im System der Vereinten Nationen*. Heidelberg: Springer-Verlag. 918.
- Schöllgen G. (2004). *Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland*. München: C.H. Beck. 278.

References

- Albertin L. (Hrsg.). (2010). *Deutschland und Frankreich in der Europäischen Union*. Tübingen. 225.
- Antyushina V. V., Baranova K. K., Belov V. B. (ed.) [et al.]. (2015). *Modern Germany. Economics and Politics*. Moskva: Ves' mir. 720.
- Arbatova N. K., Kokeev A. M. (ed.). (2013). *Crisis of the EU and the perspectives of the European Integration (political aspects)*. Moskva: IMEMO RAN. 204.
- Arbatova N. K., Kokeev A. M. (ed.). (2016). *European Union at the crossroads: Unresolved Problems and New Challenges (Political Aspects)*. Moskva: IME-MO RAN. 232.
- Basov F. A. (2015). German Politics on the EU enlargement. *World Economy and International Relations*, (4). 18–22.
- Basov F. A. (2016). Germany, European Parliament and the Politics of Sanctions against Russia. *World Economy and International Relations*, 60 (12). 62–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-12-62-68
- Baumann R. (2007). Multilateralismus: Die Wandlung eines vermeintlichen Kontinuitätselements der deutschen Außenpolitik. Jäger T., Höse A., Oppermann K. (Hrsg.). *Deutsche Aussenpolitik: Sicherheit, Wohlfahrt, Institutionen und Normen*. Wiesbaden: VS Verlag. 442–461.
- Belov V. B. (red.), Abramova S. V., Baranova K. K. [et al.]. (2009). *Germany. The Challenges of the 21st Century*. Moskva: Ves' mir. 788.
- Butterwegge C., Meier L. (2002). *Rechtsextremismus*. Freiburg: Herder Verlag. 191.
- Elzer H. (2008). *Konrad Adenauer, Jakob Kaiser und die «kleine Wiedervereinigung»*. St. Ingbert: Roehrig Universitätsverlag. 1037.
- Hellmann G., Roos U. (2007). Das deutsche Streben Nach Einem Ständigen Sitz im UN-Sicherheitsrat. Analyse eines Irrwegs und Skizzen eines Auswegs. *INEF-Report 92/2007*. Duisburg: Institut für Entwicklung und Frieden. 88.
- Kamkin A. K. (2015). “Alternative for Germany” as a New Element of the Political Landscape. *Contemporary Europe*, (2). 118–122.
- Kuznetsov A. V. (2016). *Germany: how Stable is the Status of the Leader*. Moskva: Ideya-press. 187–196.
- Muller-Brandeck-Bocquet G. (2011). Deutschlands Bilaterale Beziehungen im Rahmen der EU. Jäger T., Höse A., Oppermann K. (Hrsg.). *Deutsche Aussenpolitik: Sicherheit, Wohlfahrt, Institutionen und Normen*. 2-e Ausgabe. Wiesbaden: VS Verlag. 605–630.
- Pavlov N. V., Novikov A. A. (2005). *Foreign Policy of Federal Republic of Germany from Adenauer to Schröder*. Moskva: Moskovskie uchebniki – SiDiPress. 605.
- Peggy S. (2012). *Der EU-Beitritt der Türkei: Eine Unüberwindbare Hürde?* Hamburg: Diplomica Verlag. 108.
- Scheffler J. (2010). *Die Europäische Union als Rechtlich-Institutioneller Akteur im System der Vereinten Nationen*. Heidelberg: Springer-Verlag. 918.
- Schöllgen G. (2004). *Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland*. München: C.H. Beck. 278.
- Shreder G. (2007). *Decisions. My Life in Politics*. Moskva: Evropa. 552.

Информация об авторе

Федор Алексеевич Басов, кандидат политических наук, научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва,
Профсоюзная ул., 23
fabasov2@mail.ru

About the author

Fedor A. Basov, Cand. Sci. (Pol.), researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
fabasov2@mail.ru

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-53-68

Павел Петрович ТИМОФЕЕВ

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
p.timofeyev@gmail.com

Французский евроскептицизм: истоки и современность

АННОТАЦИЯ. В работе анализируется феномен евроскептицизма во Франции. Рассмотрено участие Франции в ключевых проектах европейского строительства. В этом контексте описаны модели совмещения наднациональных инициатив с национальными интересами Франции. Показаны основные различия между федералистскими проектами Ж. Монне и Р. Шумана и конфедералистскими планами Ш. де Голля и Ф. Миттерана.

Изучены позиции французских партий и движений евроскептического толка второй половины XX в. Особенности эволюции левых евроскептиков проанализированы на примерах французской компартии, троцкистских сил, левых суверенистов и антилиберальных левых Ж.-Л. Меланиона. Специфика развития правых евроскептиков изложена с опорой на позиции голлистских партий, правых суверенистов-неоголлистов, ультраправых консервативных и антиглобалистских сил, включая Национальный фронт. Показаны различные и сходные черты в повестках левых и правых евроскептиков, включая референдум 2005 г.

Рассмотрены современные тенденции в развитии французских евроскептиков, их позиции и социальная опора на президентских выборах 2017 г. Автор при-

ходит к выводу о том, что, несмотря на подъем левых и правых евроскептиков, электоральные союзы между ними могут быть сугубо тактическими, выдвижение ими единого кандидата на выборах 2022 г. видится малореалистичным, а выход Франции из ЕС в краткосрочной перспективе слабо прогнозируем. Тем не менее евроскептики, являясь носителями протестных настроений, продолжат оказывать значительное влияние на общество, вынуждая истеблишмент реагировать на злободневные вопросы, входящие в их повестку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Франция, Европейский Союз, европейская интеграция, евроскептицизм, политические партии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тимофеев П. П. (2017). Французский евроскептицизм: история и современность. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (1). 53–68. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-53-68

Pavel P. TIMOFEEV

Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
p.timofeyev@gmail.com

French Euroscepticism: History and the Present Time

ABSTRACT. *The phenomena of euroscepticism in France is analyzed in the paper. The participation of France in key projects of the European construction is examined. The models combining supranational initiatives with French national interests are described in this context. Main differences between federalist project of J. Monnet and R. Schumann and confederalist plans of Ch. de Gaulle and F. Mitterrand. The positions of French eurosceptical parties and movements and second half of XX century are researched. The particularities of evolution for leftish eurosceptics are analyzed in the cases of the French Communist party, Trotskyist forces, left souverenists and antiliberal left of J-L. Mélenchon. The specifics of development for right-side eurosceptics is outlined by the examples of Gaullist parties, right neo-gaullist souverenists, ultra-right conservative and antiglobalist forces including the National Front. Common and different features in the agendas of leftish and right-wing eurosceptics are shown, the referendum agenda of 2005 is among them.*

Contemporary trends in the development of French eurosceptics, their positions and social base in the presidential elections of 2017 are examined. The author concludes that despite the rising of leftish and right-wing eurosceptics, electoral alliances between them could be just tactical. The promotion of common candidate

by both leftish and right-wing eurosceptics seems to be unrealistic in the near future – as well as the French “exit” from EU. Nevertheless eurosceptics – the ones who reflect protest sentiments – will keep influencing the French society: they will force the establishment reacting to urgent issues promoted by eurosceptic agenda.

KEYWORDS: *France, European Union, European integration, euroscepticism, political parties*

FOR CITATION: Timofeev P. P. (2017). French Euroscepticism: History and the Present Time. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (1). 53–68. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-53-68

Расположенная в центре Западной Европы, на перекрестке основных европейских коммуникаций, Франция – от Римской Галлии до «концерта держав» XIX в., всей своей историей связана с развитием Старого Света. Неудивительно, что уже начиная с XVII в. («Великий проект» европейской конфедерации, предложенный герцогом де Сюлли) во Франции начинают появляться сочинения, посвященные теме единения Европы. (Буторина, 2011, с. 68). В то же время соперничество европейских держав делало подобные про-

екты чисто умозрительными, а попытки объединить Старый Свет в рамках универсалистских империй, включая наполеоновскую, терпели крах. Катаклизм Первой мировой войны, в ходе которой погибло около 9,5 млн человек – больше, чем за все войны XIX столетия (5,6 млн человек) (Горохов, 2004, с. 7), – заставил европейцев задуматься о формировании прочного мира на континенте: 1920-е гг. стали в Европе не только «эрой пацифизма», но и рождением панъевропейского движения.

Пожалуй, наиболее активную роль в нем приняла Франция, в полной мере испытывавшая на себе ужасы войны. Уже в 1919 г. писатель Р. Роллан создает журнал «Европа». Когда в 1922–1923 гг. австро-венгерский публицист граф Р. Куденхове-Калерги предложил свой план «Панъевропейского союза», предполагавшего поэтапное слияние европейских государств с помощью «федеральных уз» в «единое государство», это не осталось незамеченным во Франции. В 1926 г. в Вене был учрежден неправительственный «Панъевропейский союз», почетным председателем которого стал известный французский политик А. Бриан (Горохов, 2004, с. 158). В том же году Франция вместе с Германией, Бельгией и Люксембургом учредила Международный сталелитейный картель (фр. *Entente Internationale de l'Acier*), который вкупе с франко-германским торговым договором 1927 г. должен был создать экономическую основу для сближения Парижа и Берлина. Но наиболее известным шагом Франции стал проект «Пан-Европа», предложенный А. Брианом с трибуны Лиги Наций 5 сентября 1929 г. «Думаю, что между народами, географически близкими друг к другу, такими, как народы Европы, должно существовать нечто вроде федеральных уз. Эти народы должны иметь возможность в любой момент контактировать между собой,

обсуждать свои интересы, принимать общие резолюции, формировать между собой связи солидарности, которые позволят им противостоять тяжелым обстоятельствам, если те наступят», – заявил Бриан (Peyronnard, Delpin, 2015). В 1930 г. Париж разослал во все столицы Европы. «Меморандум об организации режима Федеративного европейского союза», предполагавшего упразднение таможенных пошлин; создание общего рынка товаров и услуг и других мероприятий (Горохов, 2004, с. 158; Allain, 2005, р. 326). Тем не менее единственным следствием этого проекта стало создание в недрах Лиги Наций комиссии по изучению вопроса о Европейском союзе, которая не принесла практических результатов. Как справедливо отмечает В. Н. Горохов, «Европа в конце 1920-х гг. ни экономически, ни тем более политически не была готова к объединению, поскольку разъединявшие ее межгосударственные противоречия преобладали над интеграционными тенденциями» (Горохов, 2004, с. 158). Приход в Германии к власти нацистов с реваншистской повесткой и развязанная ими Вторая мировая война отложили интеграционные проекты до 1945 г. Но и в самой Франции шла борьба между леволиберальными сторонниками равноправных соглашений с Германией и правоконсерваторами, настаивавшими на жестком выполнении Германией разорительных для нее условий Версальского договора под лозунгом «Боши за все заплатят». В 1923 г. французская армия оккупировала Рурский угольный бассейн – «промышленное сердце» Германии, откуда предполагалось черпать ресурсы для французской индустрии, ослабляя при этом соседнюю страну, а в 1930 г. французский парламент одобрил проект о строительстве оборонительной линии Мажино на франко-германской границе (Ферро, 2015, с. 421).

Если после окончания Первой мировой войны по Франции прошла мощная волна национализма, то итоги Второй мировой войны принципиально изменили ее положение. Страна никак не могла конкурировать с родившимися сверхдержавами ни с военной, ни с экономической точек зрения. Восстановление национальной экономики, предложенное крупным финансистом и комиссаром по планированию Ж. Монне («план Монне» 1947–1950 гг.), требовало значительных инвестиций в тяжелую промышленность. Как и после 1918 г., французам казалось естественным с моральной точки зрения использовать немецкие ресурсы и восстанавливать экономику за счет максимального ослабления соседа. По данным опросов 1945 г., 78% французов желали раздробления Германии (Allain, 2005, p. 362). В то же время резкое усиление СССР и коммунистического движения в Европе вызвало беспокойство правых кругов Франции, которые в деле противодействия коммунистам могли опираться лишь на поддержку США (план Маршалла 1947 г.). Из четырех стран-победительниц нацизма Франция оказалась в наиболее уязвимом положении: ее проекты превращения Германии в конфедерацию не были поддержаны союзниками, а начавшаяся холодная война означала отдаление Парижа от Москвы. Понимая, что Великобритания и США не пойдут на отделение от Германии Рейнской области, Саара и Рура, Франция во главе с премьером-социалистом Л. Блюмом пошла на компромисс с англосаксонскими союзниками (Allain, 2005, p. 381, 384). В этих условиях создание в 1949 г. НАТО полностью устраивало Париж: в отличие от 1919 г. Франция теперь могла иметь от США гарантии безопасности в свете возможного столкновения не только с СССР, но и с Германией (Allain, 2005, p. 381). К этому времени в 1947 г. главой совета министров Фран-

ции стал Р. Шуман, представлявший христианско-демократическую партию «Народно-республиканское движение» (МРП) с программой создания «Соединенных штатов Европы» (Allain, 2005, p. 366). С точки зрения Шумана, Франция не имела ресурсов, чтобы продолжать оказывать влияние на мир в одиночку: она могла это делать, лишь выступая от имени европейских государств, а это требовало, прежде всего, налаживания отношений с Германией (Allain, 2005, p. 385). Участие французских политиков в Европейском конгрессе в Гааге в 1948 г., как и в создании Совета Европы в Страсбурге в 1949 г., не являлось выходом из тупика.

Решить эту проблему Франции позволил рабочий тандем Ж. Монне и Р. Шумана, имевших видение европейской политики. Предпринимателя Монне интересовал контроль Франции над Сааром и Руром для возрождения французской экономики. Монне понимал: рост добычи угля в Германии мог восстановить ее экономику и вернуть на реваншистский путь. Чтобы избежать этого, требовалось объединить производство угля (основа германской экономики) и стали (одна из главных отраслей экономики Франции), сделав невозможным новый военный конфликт между французами и немцами. (Ферро, 2015, с. 502). Таким стал проект Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Монне и Шуман вместе подготовили текст, озвученный 9 мая 1950 г. и известный как «декларация Шумана» (Allain, 2005, p. 385). «Французское правительство предлагает поставить франко-германское производство угля и стали под эгиду общего Высшего органа в рамках организации, открытой для сотрудничества других стран Европы. (...) Это предложение позволит установить первые конкретные основы Европейской федерации, необходимой для

сохранения мира», – отмечал Шуман¹. Поскольку Лондон уклонился от участия в проекте, в основу ЕОУС лег союз Франции, Германии и Италии, а во главе стояли три христианских демократа². В апреле 1951 г. шесть стран подписали договор о создании ЕОУС, а Монне стал первым председателем Высшего органа. В рамках «шестерки» начались отмена таможенных пошлин и создание общего рынка угля и стали.

Успешный запуск ЕОУС вдохновил Монне на другие проекты. Когда в связи с начавшейся Корейской войной США подняли вопрос о перевооружении германских войск, чтобы поставить их под контроль НАТО, Монне предложил премьеру Франции Рене Плевену альтернативную мысль: включить немецкие силы в европейские дивизии, которые будут подчиняться новому наднациональному органу – под контролем Парижа. Этот замысел, окрещенный «планом Плевена» или проектом Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), был озвучен 24 октября 1950 г. (Allain, 2005, р. 389–390; Смирнов, 2001, с. 208–209). Договор о ЕОС глава МИД Франции Ж. Бидо подписал 27 мая 1952 г. – по нему верховный контроль над «евроармией» получали США. За день до этого Франция подписала Боннские соглашения, почти полностью восстанавливавшие суверенитет ФРГ³. Но если проект ЕОУС был принят французами, то идея ЕОС столкнулась с ожесточенным со-

противлением коммунистов, голлистов, части социалистов и умеренных правых («радикалов»), которых возмущала идея утраты национальной армии, особенно вкупе с перевооружением ФРГ. Партия МРП оказалась в меньшинстве. Дальнейшие переговоры Парижа с союзниками не принесли результатов (Allain, 2005, р. 394)⁴, и 30 августа 1954 г. французский парламент отклонил проект ЕОС. Между западными союзниками наступил кризис доверия, слабой компенсацией которого стали Парижские соглашения октября 1954 г.⁵ Тогда же премьер Франции П. Мендес-Франс и канцлер К. Аденауэр обсудили проблему Саара, который в 1957 г. после проведенного референдума вернулся в состав Германии. По словам Ж.-А. Суту, «настоящий франко-германский союз начался именно тогда» (Allain, 2005, р. 399). Провал проекта ЕОС стал значимым ударом по идее федерализации Европы. После этого Монне и руководители стран Бенилюкса предложили возобновить интеграцию через экономику, создав общий рынок и Европейское агентство по атомной энергии. Контекст переговоров в 1955–1957 гг. оказался непростым: французы ожидали от них модернизации экономики и в то же время опасались, как бы новые проекты не нанесли удар по социальному государству. Тем самым переговоры по созданию Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Евратома во многом проходили за закрытыми дверями (Ферро,

1 La déclaration Schuman du 9 mai 1950. European Union. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/symbols/europe-day/schuman-declaration_fr (Accessed 10.04.2017)

2 Помимо Шумана речь идет о канцлере ФРГ К. Аденауэре и премьер-министре Италии А. де Гаспери.

3 Соглашения подписали Франция, США, Великобритания и ФРГ. По ним ФРГ обрела суверенитет во всем, кроме контроля над Восточной Германией (ГДР) и прав на Берлин.

4 В ходе переговоров на Бермудах (декабрь 1953 г.) премьер Франции Ж. Ланьель и глава МИД Ж. Бидо потребовали в обмен на ратификацию договора по ЕОС следующие условия: сохранение американских и британских войск в Европе – в пропорции достаточной для противодействия немцам; руководящую роль Франции в НАТО; координацию усилий трех стран в ядерном вопросе. Как отмечает Ж.-А. Суту, «трудно как-либо лучше проиллюстрировать страхи, требования и задние мысли, существовавшие во Франции относительно ЕОС и НАТО». Ланьель и Бидо не получили согласия ни по одному из вопросов (Allain, 2005, р. 394).

5 По ним ФРГ перевооружалась, но не в рамках ЕОС, а в рамках НАТО, и вступала в Западный союз.

2015, с. 582; Allain, 2005, р. 401)⁶. 25 марта 1957 г. Франция вместе с пятью другими странами ЕОУС подписала Римские договоры, учреждавшие Европейские сообщества, включая общий рынок. Высший орган ЕОУС стал Комиссией Европейских сообществ (КЕС), усилив свою роль. Консультативная ассамблея ЕОУС превратилась в Европарламент. Так «под слоем политической борьбы зарождалось и крепло ядро экономических интересов, принимавших все более наднациональный характер, которое под эгидой строительства объединенной Европы представлялось не как сообщество государств, а как государство-сообщество, которое вскоре начало угрожать суверенитету государства-нации» (Ферро, 2015, р. 503–504).

Принятие новой конституции в 1958 г. ознаменовало рождение во Франции Пятой – президентской – республики. Ее основателем и первым президентом стал генерал Ш. де Голль (1958–1969 гг.). Его позиция в отношении евростроительства резко отличалась от позиций Монне или Шумана. Если Монне и Шуман продвигали интеграцию на наднациональной основе в сторону федерации, то для де Голля единственной возможной формой существования народов было национальное государство. Поэтому взаимодействие Франции с другими странами «шестерки» де Голль видел в форме межправительственных консультаций, то есть конфедерации (Молчанов, 1988, с. 298, 301; Арзаканян, 2012, с. 345). «Сотрудничество в формате «концерта держав» остается для него идеальной конструкцией, чтобы примирить требования национальной внешней политики с международной об-

становкой», – пишет Ж.-А. Суту (Allain, 2005, р. 431). Добившись власти, генерал не отказался от созданных евроинститутов (1 января 1959 г. Франция ратифицировала Римские договоры), но начал борьбу за их превращение в мультипликатор могущества Франции «путем создания политического блока стран под французским руководством» (Молчанов, 1988, с. 417–418). Разумеется, это не могло устроить других членов «шестерки», что вылилось в прения на совещании ЕЭС в Париже в феврале 1961 г. и в провал в 1962 г. «плана Фуше» по учреждению конфедеративной политической комиссии для общего рынка. В вопросе общей сельскохозяйственной политики де Голль, найдя союзника в лице КЕС, вынудил партнеров покупать зерно у Франции, а не у третьих поставщиков (Allain, 2005, р. 449).

Не сумев навязать «шестерке» план конфедерации, де Голль попытался осуществить это в двустороннем формате, подписав с ФРГ Елисейский договор 1963 г. об углубленном сотрудничестве. Но федералисты не без помощи Монне провалили этот проект (Allain, 2005, р. 441; Арзаканян, 2012, с. 346–349)⁷. Другим их успехом стало решение Европейского суда 1964 г. о приоритете права ЕЭС над национальным правом отдельных стран (Шевенман, 2015, с. 43). В этом контексте усиление полномочий КЕС и Европарламента, предполагавшее принятие решений в Совете министров ЕЭС большинством, совершенно не устроило де Голля, который не побоялся пойти на прямую конфронтацию с партнерами. Шесть месяцев в 1965 г. Франция не принимала участия в заседаниях Совета, проводя политику «пустого кресла», и до-

6 Как пишет М. Ферро, по словам главного представителя Франции на переговорах в Риме Мориса Форы, его задача облегчалась тем, что он «мог действовать за пределами дискуссий общественности», которая в то время занималась проблемой Алжира. Переговоры по атомным вопросам в 1957–1958 гг. также проходили на фоне запуска СССР спутника и создания межконтинентальных баллистических ракет.

7 Преамбула, которой бундестаг снабдил договор, поставил его в зависимость от НАТО и, по сути, обесценил.

билась «люксембургского компромисса»: полномочия КЕС сокращались, а во всех решениях, кроме наиболее важных (принимавшихся единогласно), вводился принцип квалифицированного большинства. К 1969 г. генерал остановил превращение ЕЭС в федерацию, сохранив для Франции известную свободу рук.

Президент Ж. Помпиду (1969–1973 гг.), голлист и сподвижник генерала, также был сторонником конфедерации. В этом он опирался на финансы: в 1972 г. в ЕЭС была создана «европейская валютная змея», зафиксировавшая паритет среди валют сообщества и ограничившая поле колебаний (Allain, 2005, р. 449–450, 476). Президент В. Жискара д'Эстен (1974–1981 гг.), не являясь голлистом, балансировал между федерацией и конфедерацией. В 1974 г. по его инициативе появился Европейский совет – межправительственный орган для встреч глав государств, на которых президент старался объединять партнеров по ЕЭС вокруг французской позиции⁸. С другой стороны, в 1976 г. после долгих дискуссий Евросовет решил избирать Европарламент прямым голосованием. В 1978 г. лидер голлистов Ж. Ширак, критикуя федералистские уступки Жискара, выступил со знаменитым призывом к французам из больницы «Кошен»: «Нет политике наднациональности!» (Allain, 2005, р. 489). Аналогичный курс продолжил и Ф. Миттеран (1981–1995 гг.), лавировавший между федеративной и конфедеративной концепциями. Франция приняла Единый европейский акт 1986 г., который отменял таможенные границы и визовый режим между странами ЕЭС, усиливал полномочия Европарламента и вводил в Евросовете в ряде сфер голосование квалифицированным большинством. Другим шагом к федерации стало подписание Францией

Маастрихтского договора 1992 г., учредившего экономический и валютный союз⁹, а также политический союз (Смирнов, 2001, с. 309–310; Allain, 2005, р. 523). Но для Миттерана все это было ценой за привязку вновь объединенной Германии (1990 г.) к «единой Европе». Референдум по договору вызвал раскол страны, но с минимальным большинством (50,8% «за») победили европейцы. В дальнейшем при президентах Ж. Шираке (1995–2007 гг.), Н. Саркози (2007–2012 гг.) и Ф. Олланде (2012–2017 гг.) Франция продолжила балансировать между федерацией и конфедерацией.

Итоги евроинтеграции для Франции неоднозначны. С одной стороны, этот путь способствовал модернизации французской экономики, повысил продуктивность сельского хозяйства, активизировал промышленность, а финансовая помощь ЕЭС помогла развивать малообеспеченные территории. С другой – сегодня налицо постепенная эрозия государственного суверенитета и идентичности, анонимность и оторванность решений, принимаемых институтами ЕС, от рядовых французов, а также практика планов, спускаемых из Брюсселя в Париж в самых разных сферах и обязательных к исполнению (Ферро, 2015, с. 584). Далеко не все французы оказались довольны такими итогами, что породило феномен евро-скептиков.

Левый и правый евроскептицизм во Франции

Как в Четвертой, так и в Пятой Республике европейскую интеграцию поддерживали умеренные право- и левоцентристские силы. В Четвертой Республике

⁸ Например, в 1980 г. по его инициативе ЕЭС приняло Венецианскую декларацию по ближневосточному конфликту, которая отражала позиции Франции.

⁹ Включая Европейский центробанк (ЕЦБ) и единую валюту – евро.

(1946–1958 гг.) силы, находившиеся на левом (Французская компартия – ФКП) и правом флангах системы (голлистское «Объединение французского народа» – РПФ, а также ультраправые пужадисты), систематически оказывались в оппозиции коалиции «Третьей силы», критикуя ее европейскую политику. После 1958 г. в стране постепенно сформировался биполярный центр, состоящий из голлистов (ЮНР/ЮДР/ОПР) и социалистов (ФСП). На крайне левом фланге долгое время доминировала ФКП, но кроме нее появились троцкистские партии, левые суверенисты, а в XXI в. – левые антиглобалисты. Справа по мере эволюции голлизма и неоголлизма от него откалывались правые суверенисты, еще более правую нишу заняли ультраправые консерваторы.

Главным критиком евроинтеграции слева с конца 1950-х до начала 2000-х гг. являлась ФКП – одна из самых влиятельных компартий в западном мире. На пике влияния в 1946 г. за нее голосовали 28,6% населения (Рубинский, 2007, с. 395), но к 2000 г. она превратилась в одну из маргинальных левых групп. Электорат партии составляли, прежде всего, рабочие и отчасти служащие. Коммунисты воспринимали ЕЭС негативно – как международное объединение, действующее в интересах монополий и капитала США, что ставило под вопрос права национальных парламентов и демократические свободы. При этом речь шла не о выходе Франции из ЕЭС, а о «демократизации» Сообществ. ФКП участвовала в выборах

в Европарламент для защиты интересов трудящихся и социального законодательства, выступала против расширения общего рынка как капиталистической экспансии. В 1973 г. в Европарламенте сформировалась фракция коммунистов, куда вошла и ФКП (Княжинский, 1986, с. 183–190). С 1979 по 2009 г. ФКП по итогам евровыборов проходила в Европарламент. Упадок партии, связанный с оттоком электората к социалистам после 1972 г., распадом соцлагеря, СССР и переходом Франции к постиндустриальной эпохе, превратил ее во второстепенную силу.

После мая 1968 г. на политическую арену вышли троцкисты, среди которых наиболее заметны организации «Рабочая борьба» (РБ), Коммунистическая революционная лига (КРЛ), ставшая в 2009 г. Новой антикапиталистической партией (НАП), а также троцкистами-«ламбертистами». «Рабочая борьба» была и остается маргинальной¹⁰. Она воспринимает ЕЭС/ЕС как объединение монополий, где сильные доминируют над слабыми. При этом партия не призывает Францию выходить из ЕС, провозглашая борьбу с капитализмом в интересах «по-настоящему единой Европы»¹¹. КРЛ имела примерно такой же вес¹², как РБ. К ЕЭС она относится как к либеральному капиталистическому проекту, «эмбриону континентального общественного пространства», но, как и РБ, призывает не выходить из него, а бороться за права трудящихся в противовес монополиям¹³.

10 Ее наивысшие успехи – 5%, полученных на евровыборах 1999 г. (3 депутатских места) и 5,7% голосов, набранных лидером А. Лагилье на президентских выборах 2002 г.

11 L'Europe/ Lutte Ouvrière (site national). URL: <https://www.lutte-ouvriere.org/qui-sommes-nous/europe> (Accessed 10.04.2017)

12 Лучший результат – 5%, полученных на евровыборах 1999 г. (2 места в Европарламенте) и 4,25%, полученных О. Безансо на президентских выборах 2002 г. Всего альянс двух троцкистских партий позволил провести в 1999 г. в Европарламент 5 депутатов.

13 Le monde doit changer de base. Manifeste de la Ligue Communiste Révolutionnaire (2006). URL: http://lcrangers.free.fr/spip/IMG/pdf/Manifeste_fevrier_2006.pdf (Accessed 10.04.2017)

Наиболее негативно из троцкистов к ЕС относятся «ламбертисты»¹⁴, считающие ЕС «антидемократичным и реакционным институтом» и предлагающие выйти из него и взамен создать «свободный союз» народов Европы¹⁵.

Третье течение среди левых евроскептиков – левые суверенисты, появившиеся в 1993 г. как «Движение граждан» (MDC)¹⁶. Основателем движения стал известный во Франции экс-социалист Ж.-П. Шевенман, нынешний лидер – Ж.-Л. Лоран. В отличие от троцкистов суверенисты не оспаривают европейскую идею как таковую. Критикуется лишь принцип федерализма и либеральная глобализация: суверенисты выступают за учет мнения европейских наций и превращение ЕС в конфедерацию по голлистскому принципу «Европы отечеств»¹⁷.

Четвертое течение, вышедшее на арену в 2010-х гг. – антилиберальные левые, связано с именем Жан-Люка Меланшона, еще одного экс-социалиста. Именно он сегодня является основным критиком евроинтеграции слева. В 2008 г. Меланшон создал Левую партию, объединившую вокруг себя ФКП и другие антикапиталистические группировки (но не троцкистов): их альянс получил название Левый фронт (ЛФ). Результаты не заставили себя ждать¹⁸. Харизматичный

оратор, Меланшон использует антиглобалистскую и антилиберальную фразеологию, призывая к демократизации страны. Меланшон обвиняет евробюрократию в том, что она способствует обеднению трудящихся, призывает Францию выйти из ЕС, «вернув» себе независимость и суверенитет. «Европа наших грехов мертва. Современный союз – это лишь единый рынок, а его народы подчиняются диктатуре банков и финансов». Выйдя из ЕС, Франция, по мысли Меланшона, сможет развивать сотрудничество с любыми народами¹⁹.

На правом фланге Франции – иная ситуация. В годы Четвертой Республики основным критиком евроинтеграции выступала голлистская партия РПФ, чья идеология строилась на сочетании национал-патриотических лозунгов, социал-популизма и консервативных ценностей, что привлекало к ней разные сегменты электората. Пиком влияния партии стал 1951 г., когда на выборах в парламент она получила 21,7% голосов (Рубинский, 2007, с. 356). Вслед за позицией генерала голлисты критиковали евроинтеграцию и выступали за Европу на конфедеративных началах. Придя к власти в 1958 г. под новыми названиями (ЮНР, ЮДР)²⁰, голлисты продолжили этот курс. Но постепенно партия эволюционировала,

14 Группа сторонников троцкиста П. Ламбера. Основанная как Движение за партию трудящихся (MPPT), она несколько раз меняла названия, сейчас называется Демократическая независимая рабочая партия (POID). На общенациональных выборах почти не замечена.

15 Le manifeste de fondation du Parti Ouvrier Indépendant (2008). Parti Ouvrier Indépendant. URL: <https://parti-ouvrier-independant.fr/le-manifeste-de-fondation-du-parti-ouvrier-independant/> (accessed 10.04.2017)

16 В дальнейшем движение меняло название и с 2003 г. называется Республиканское и гражданское движение (MRC). Наиболее успешным результатом движения стали 5,3% голосов, поданных за Шевенмана на президентских выборах 2002 г.

17 Déclaration de Principe. Mouvement Républicain et Citoyen. URL: http://www.mrc-france.org/Declaration-de-Principe_a29.html (Accessed 10.04.2017)

18 На европейских выборах 2009 г. Левая партия в союзе с ФКП собрала 6% голосов и получила 4 депутатских места, на президентских выборах 2012 г. за Меланшона проголосовали 11%, на парламентских выборах ЛФ завоевал почти 7% голосов и 10 мест в Национальном собрании; на президентских выборах 2017 г. Меланшон, создав движение «Непокоренная Франция», получил уже 19,6% голосов.

19 Mélenchon J.-L. (2016). L'Europe en question. Sortir des traités européens. L'Avenir en commun. Le programme de la France insoumise et de son candidat Jean-Luc Mélenchon. URL: <https://laec.fr/chapitre/4/sortir-des-traites-europeens> (Accessed 10.04.2017)

20 Union pour la nouvelle République (ЮНР) – «Союз за новую республику», Union pour la défense de la République (ЮДР) – «Союз в защиту республики», Union des démocrates pour la République (ЮДР) – «Союз демократов за республику».

принимая евростроительство как данность. Как показал Л. де Буассье, если в 1950-е гг. голлисты подавляющим большинством голосовали против договоров о ЕОУС, ЕОС, ЕЭС, то Единый европейский акт 1986 г. был одобрен ими почти единогласно, далее большинство поддерживало евроинтеграционные проекты (Boissieu, 2009, p. 721). Последним крупным антиевропеистским заявлением партии, уже носившей название ОПР²¹, стал призыв Ширака из больницы «Кошен» в 1978 г. При этом в 1992 г. он лично призвал партийцев поддержать подписание Маастрихтского договора, вызвав раскол внутри партии.

С этого времени от нее откалываются те, кого можно назвать «голлистами-суверенистами» – Ш. Паскуа, Ф. де Вилье и другие. В 1994 г. де Вилье создал Движение за Францию (МПФ), которое в 1999 г. слилось со сторонниками Паскуа в Объединение за Францию (ОЗФ), но затем вновь отделилось. Пиком влияния для них стали евровыборы 1999 г., на которых МПФ и ОЗФ получили 13% голосов и 13 мест в Европарламенте. Оба политика близки к конфедерализму: они критикуют технократизм Брюсселя и защищают национальную идентичность, но не предлагают выйти из ЕС. Позже это дробление продолжилось: в 1999 г. из ОЗФ вышел Н. Дюпон-Эньян, основавший собственную партию «Вперед, Республика!» (ДЛР)²². Он предлагает «по-

рвать с химерами наднациональности» и заменить ЕС «сообществом европейских государств» или выйти из ЕС²³. В 2007 г. по его пути последовал Ф. Асселино, учредивший Народно-республиканский союз (ЮПР). Предложив выход Франции из ЕС и еврозоны во имя возвращения в страну «свободы и демократии»²⁴, Асселино на выборах 2017 г. получил менее 1% голосов. В 2011 г. П.-М. Куто также покинул ОЗФ, зарегистрировав партию «Суверенитет, независимость и свободы» (SIEL)²⁵, выступающую с конфедералистскими лозунгами²⁶.

Второе, более радикальное течение на этом фланге составляют ультраправые консерваторы. Первопроходцем здесь стало движение пужадистов, созданное коммерсантом Пьером Пужадом в 1954 г.²⁷ в защиту мелких предпринимателей, разорявшихся в условиях наступления крупного бизнеса и увеличения налогов. «Фискальный бунт» Пужада сделал его популярным: в 1956 г. пужадисты набрали 11,6% голосов и завоевали 51 депутатское место. Пужадисты выступали против Римских договоров, опасаясь конкуренции со стороны иностранных товаров. В 1958 г. пужадисты потеряли влияние, но их идейным наследником стал Национальный фронт (НФ), созданный в 1972 г. (Васильева, 2003, с. 273–290). Лидерство в нем быстро обрел один из соратников Пужада – яркий оратор Ж.-М. Ле Пен. «Коньком» НФ оказались

21 Объединение в поддержку республики (ОПР).

22 В 2014 г. партия сменила название на «Вперед, Франция!» (ДЛФ). На президентских выборах 2012 г. Н. Дюпон-Эньян набрал 1,8% голосов, на выборах 2017 – 4,7%.

23 *Debout la France! Le projet de Nicolas Dupont-Aignan pour l'élection présidentielle 2017*. URL: <http://www.nda-2017.fr/themes/nda/file/projet-nda-20170324.pdf> (Accessed: 10.04.2017)

24 *Le programme de libération*. Union Populaire Républicaine. URL: <https://www.upr.fr/programme-elections-presidentielles-france> (Accessed 10.04.2017)

25 Позже переименована в «Суверенитет, идентичность и свободы».

26 *Les trois défis français. Souveraineté, identité et libertés*. URL: <http://www.siel-souverainete.fr/profession-de-foi.html> (Accessed: 10.04.2017)

27 Первоначально движение называлось Союз защиты ремесленников и торговцев (UDCA), в 1956–1958 гг. его представители, войдя в парламент, взяли название Союз и французское братство. Затем Пужад баллотировался на евровыборах 1979 и 1984 гг., но без успеха.

антииммигрантские лозунги, отражавшие наплыв во Францию иммигрантов и проблемы занятости. В 1984 г. НФ прошел в Европарламент (11%), получив 10 мест. Его список показательно назывался «Фронт национальной оппозиции во имя Европы отечеств». Высшим успехом Ле Пена стал выход в 2002 г. во 2-й тур президентских выборов. Программа Ле Пена 2002 г. включала ликвидацию КЕС, отказ Франции от договоров ЕС, выход из шенгенской зоны и отказ допустить иностранцев к голосованию на выборах²⁸. Речь не шла о выходе Франции из ЕС, этот тезис появляется в программе его дочери М. Ле Пен, участвовавшей в президентских выборах в 2012 г. Вместо ЕС она предложила французам создать «Панъевропейский союз». В 2014 г. НФ выиграл европейские выборы во Франции и создал в Европарламенте целую фракцию из идейно близких течений. В 2017 г. М. Ле Пен вышла во второй тур президентских выборов, где набрала 33,9% голосов. Ее программа включала референдум по выходу Франции из ЕС, выход из еврозоны и возврат франка и протекционизм²⁹. Именно НФ сегодня является главной евроскептической партией Франции.

К третьему течению среди правых скептиков можно отнести правого антиглобалиста Ж. Шеминада, представлявшего вначале Европейскую рабочую партию, а затем создавшего движение «Солидарность и прогресс». Как и НФ, Шеминад обличает англо-американский ультралиберализм, наднациональную Европу и евро, предлагает выход из ЕС и воссоздание «Европы отечеств»³⁰. Ше-

минад – маргинальный политик: он несколько раз участвовал в выборах (последний раз – в 2017 г.), но не набирал и 1% голосов.

Сравнивая дискурсы левых и правых евроскептиков, в них можно обнаружить как различные, так и общие черты. Прежде всего, налицо ряд различий. Скептики по-разному позиционируют себя: левые именуют себя «трудящимися» или «гражданской нацией», правые используют термины «нация», «народ», «страна». Различается их набор ценностей. Для левых это «социальная», «солидарная», «светская» Европа, «гражданский контроль», защита социального законодательства, равенство полов, разоружение. Для правых – Европа, в основе которой лежит «тысячелетняя идентичность народов», христианство, принцип разделения властей, суверенные государства с национальным правом, валютой и границами, «свобода и могущество». Если левые скептики чаще апеллируют к Жоресу, то правые – к генералу де Голлю. Показательны и антиценности – то, что скептики чаще всего критикуют в институтах ЕС. Для левых это капитализм со всеми его пороками – неравенством, жесткой экономией, эксплуатацией трудящихся, а также национализм, ксенофобия, «империалистические и неоколониалистские интервенции». ЕС рисуется ими как империалистический мир, созданный европейской буржуазией, диктатура банков, финансовых групп и транснациональных корпораций, антинародные договоры, которые навязали народам Европы конкуренцию вместо сотрудничества, негуманное отношение к мигрантам и

28 Programme de M. Jean-Marie Le Pen, président du Front national et candidat à l'élection présidentielle 2002. Vie Publique. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/023001406.html> (Accessed: 10.04.2017)

29 Engagements présidentiels Marine-2017. Marine Présidente. URL: <https://www.marine2017.fr/programme> (Accessed: 10.04.2017)

30 OTAN, UE, Euro: le courage de dire non. Solidarité & progrès. URL: <http://www.solidariteetprogres.org/orientation-strategique-47/otan-ue-euro-le-courage-de-dire.html> (Accessed: 10.04.2017)

Таблица 1. Евроскептики на референдуме 2005 г.

Голосующие	%	Крайне левые	ФКП	Правые суверенисты	Крайне правые
Всего	100	100	100	100	100
За	44	14	8	36	17
Против	56	86	92	64	83
Воздержались или испортили бюллетень	2	1	1	4	1

Источник: соцопрос CSA от 29.05.2005, URL: <http://collectifnon.free.fr/analyse/csaanalyse.pdf>, p. 4³¹

т.д. Правые же бичуют ЕС за ослабление государств, необдуманное включение в свой состав стран с «очень разными» экономикой и менталитетом, неясные границы и угрозу принять в ЕС культурно чужеродную Турцию, недобросовестную конкуренцию, экономическую неэффективность, «миграционную анархию» и проч. В целом в своей критике евроинтеграции правые скептики апеллируют к прошлому (концерт сильных национальных государств), тогда как левые – к будущему («постнациональная» социальная Европа).

В то же время ряд вещей критикуется как правыми, так и левыми скептиками: это, во-первых, наднациональные, технократические институты, символизирующие собой федерализацию ЕС, в частности КЕС и ЕЦБ, и никак не контролируемые народом, и во-вторых, это гегемония США – прежде всего, военно-политическая в лице НАТО и торгово-экономическая в виде трансатлантических договоров о свободной торговле. Сходны и рецепты решения проблемы – французам предлагается, как правило, выход из ЕС, еврозоны и НАТО и учреж-

дение некоего свободного сообщества европейских государств – от конфедерации до «свободной ассоциации», хотя есть и предложения изменить ЕС изнутри, не выходя из союза (позиция ФКП). Данные проекты лишены какой-либо конкретики – возможно, потому, что сами евроскептики пока слабо представляют, по каким законам будет развиваться «постинтеграционная» Европа.

Первым успехом французских евроскептиков можно считать провал проекта Конституции ЕС на референдуме 29 мая 2005 г. За одобрение договора, укреплявшего наднациональные структуры, высказались 45% населения (12,8 млн человек), против – 54,7% (15,5 млн)³². Как показывает соцопрос CSA, левые и правые скептики в подавляющем большинстве голосовали против (см. Таблицу 1).

При этом мотивация левых и правых евроскептиков различалась. Если для электората ФКП основными причинами сказать «нет» были чересчур либеральное экономическое содержание договора и недовольство социально-экономической ситуацией во Франции (по 57%), а также

31 Немного другие цифры, но примерно то же соотношение показывает и опрос IPSOS от 29.05.2005. Référendum 29 mai 2005: Le sondage sorti des urnes. URL: <http://collectifnon.free.fr/analyse/analysesvotesipsos.pdf> (Accessed: 10.04.2017), p. 3–4

32 Référendum du 29 mai 2005. Ministère de l'Intérieur. URL: [http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Referendums/elecresult__referendum_2005/\(path\)/referendum_2005/000/000.html](http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Referendums/elecresult__referendum_2005/(path)/referendum_2005/000/000.html) (Accessed: 10.04.2017)

возможность провести пересогласование условий проекта (44%)³³, то для избирателей НФ и близких ей сил первоочередным мотивом стал шанс заблокировать вступление в ЕС Турции (56%), затем – недовольство социально-экономической ситуацией во Франции (54%) и неприятие «угрозы для идентичности Франции» (44%)³⁴. При этом на вопрос о поддержке дальнейшего хода евроинтеграции коммунисты в основном высказались положительно (56% «за», 37% «против»), тогда как фронтисты – отрицательно (65% «против», 32% «за») ³⁵. Как показывают Д. Буа и Ж. Шиш, электорат евроскептиков на референдуме составили бывшие рабочие, рабочие и безработные – в основном лица с невысоким уровнем образования (незаконченное среднее). Тем самым электорат левых и правых скептиков на референдуме представлял собой протестные массы – бедные слои, недовольные своим экономическим положением и общей ситуацией в стране (Boу, Chiche 2005, р. 107–109). И провал референдума стал для них возможностью донести до власти свои тревоги и опасения по вопросу евроинтеграции.

Евроскептики во Франции сегодня

Современная Франция является одним из лидеров ЕС по уровню евроскептицизма. По данным 2016 г., она уступала в этом лишь

Греции: по данным Pew Research Center, положительно к ЕС относились 27% греков и 38% французов, тогда как в среднем в европейских странах этот показатель достигал 51%. Это принято связывать с экономическим и миграционным кризисом, который сейчас переживает «единая Европа»³⁶. В этом контексте неслучайной видится победа НФ на евровыборах 2014 г. – партия получила около 25% голосов и завоевала 24 места в Европарламенте из 74 по французской квоте (32%). Если же учесть электорат, поддерживавший ЛФ (Меланшона), то эти показатели достигают более 30% голосов и 27 мест (36% мест по французской квоте)³⁷. Тем самым в 2014 г. свыше трети французов поддерживали силы, отвергающие евроинтеграцию и ЕС в их нынешнем виде.

На президентских выборах 2017 г. из 11 кандидатов, представленных в списке, евроскептицизм олицетворяли семеро: М. Ле Пен (НФ), Н. Дюпон-Энъян (ДЛФ), Ф. Асселино (ЮИП) и Ж. Шеминад (СИП) справа и Ж.-Л. Меланшон (ЛФ), Ф. Путу (НАП) и Н. Арто (КРЛ) слева. В совокупности в первом туре они на всех набрали примерно 48,5% голосов, то есть немногим менее половины. Во втором туре М. Ле Пен проиграла, но преодолела планку в 33,9%³⁸. Все это подтверждает тот факт, что евроскептики уже не являются маргиналами, и то, что многие голосовали за них – прежде всего, за М. Ле Пен и Ж.-Л. Меланшона, олицетворяющих левый и правый дискурс скептиков, необходимо учитывать руководству Франции.

33 Référendum du 29 mai 2005. Ministère de l'Intérieur. URL: [http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Referendums/elecresult_referendum_2005/\(path\)/referendum_2005/000/000.html](http://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Referendums/elecresult_referendum_2005/(path)/referendum_2005/000/000.html) (Accessed: 10.04.2017)

34 Там же.

35 Там же.

36 UE: les Français champions de l'euroscepticisme, juste derrière la Grèce.(2016, 08 juin). L'Express. URL: http://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/ue-les-francais-champions-de-l-euroscepticisme-juste-derriere-la-grece_1800119.html (Accessed: 10.04.2017)

37 Élections européennes de 2014 en France. France-politique. URL: <http://www.france-politique.fr/elections-europeennes-2014.htm> (Accessed: 10.04.2017)

38 М. Ле Пен – 21,4%, Ж.-Л. Меланшон – 19,6%, Н. Дюпон-Энъян – 4,7%, Ф. Путу – 1,1%, Ф. Асселино – 0,9%, Н. Арто – 0,6%, Ж. Шеминад – 0,2%. Élection présidentielle de 2017. – Premier tour. France-politique. URL: <http://www.france-politique.fr/election-presidentielle-2017.htm> (Accessed 10.04.2017)

На кого же опираются французские евроскептики? По данным соцопроса, проведенного Ipsos/Sopra Steria, электорат левых скептиков – это молодежь в возрасте 18–24 лет, правых – люди среднего возраста 35–59 лет. За скептиков голосуют рабочие, служащие, «бюджетники», многие из них – безработные. Живут они, как правило, в небольших городах или деревне, имеют невысокий уровень образования (незаконченное среднее, среднее или бакалавриат), с низким уровнем дохода – до 2500 или даже менее 1250 евро в месяц, оценивают свою финансовую ситуацию как сложную или очень сложную³⁹.

По ЕС и евроинтеграции евроскептические партии занимают следующие позиции. Во-первых, в контексте проблем безработицы во Франции почти все из них, за исключением Ф. Путу, отрицательно относятся к праву граждан ЕС на временный заработок в другой стране, сохраняя при этом зарплату в стране происхождения (введено в 1996 г.). Негативно воспринимают скептики и европейский бюджетный пакт, предполагающий строгую экономию. Левые скептики в основном поддерживали гармонизацию налогового законодательства в странах ЕС, так как ее серьезный разброс благоприятствует делокализации производства – перемещению предприятий из Франции и потере французами рабочих мест. Позиции правых более радикальные – введение протекционизма. Отрицательное отношение к евро выразилось в том, что часть кандидатов высказалась за сосуществование евро и франка (Меланшон, Дюпон-Энъян, М. Ле Пен в ходе дебатов во 2-м туре), а часть прямо требует выхо-

да из еврозоны и введения франка (М. Ле Пен, Асселино, Шеминад). Все скептики единодушно выступили против проектов договоров о трансатлантической зоне свободной торговли (договоры TAFTA и CETA). Говоря о будущем ЕС, левые скептики (Меланшон, Путу, Арто), скорее, настаивали на трансформации ЕС в антикапиталистический союз («Европу трудящихся и народов» словами Путу) или в крайнем случае за выход («Мы меняем ЕС или мы выходим из ЕС» словами Меланшона). Правые (М. Ле Пен, Дюпон-Энъян, Асселино, Шеминад) предложили выход из ЕС и формирование новой конфедерации суверенных государств⁴⁰.

Смогут ли евроскептики одержать победу во Франции на следующих выборах – в 2022 г.? Вопрос непростой, ибо многое будет зависеть от хода социально-экономических реформ, которые должен запустить президент Э. Макрон, и от общего развития ЕС. Лучшим подарком для евроскептиков стала бы дальнейшая деградация французской экономики и наступление на социальное государство, а также политические неудачи Макрона, воплощающего в себе умеренную левоцентристскую и правоцентристскую повестки. В то же время выход Франции из ЕС в краткосрочной перспективе слабо прогнозируем по ряду причин. Во-первых, страна продолжает оставаться одним из ключевых акторов «единой Европы», крупнейшим военно-политическим игроком в Западной Европе, чьи торгово-экономические связи (более 40% экспорта и импорта) к тому же ориентированы, прежде всего, на соседей – в большинстве своем членов ЕС, даже без учета Великобритании⁴¹. По-

39 1er tour Présidentielle 2017: sociologie de l'électorat. IPSOS. URL: <http://www.ipsos.fr/decrypter-societe/2017-04-23-1er-tour-presidentielle-2017-sociologie-l-electorat> (Accessed 10.04.2017)

40 Comparez les programmes des candidats à l'élection présidentielle. Le Monde. Available at: <http://www.lemonde.fr/programmes/#europe> (Accessed: 10.04.2017)

41 Errard G. (2016, 2 mars). La France n'est plus le premier partenaire commercial de l'Allemagne. Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2016/03/02/20002-20160302ARTFIG00114-la-france-n-est-plus-le-premier-partenaire-commercial-de-l-allemande.php> (accessed: 10.04.2017)

казательно, что в ходе кампании 2017 г. М. Ле Пен не настаивала на безусловном выходе Франции из ЕС, подчеркнув, что этот вопрос должны решить сами французы на референдуме. Но даже это не помогло ей обогнать кандидата умеренных сил Макрона, набравшего 66% голосов. Во-вторых, несмотря на то, что ряд позиций левых и правых скептиков пересекается, складывать их голоса воедино можно лишь условно, так как на практике раздирающие их противоречия, связанные с различными ценностями (как правило, борьба с капитализмом и защита социальных прав у левых и защита национальной идентичности и традиционных ценностей у правых), делают электоральные союзы между ними сугубо тактическими. Поэтому выдвижение левыми и правыми скептиками единого кандидата видится мало-реалистичным.

Представляется, что даже в случае прихода к власти М. Ле Пен или Ж.-Л. Меланшона в 2022 г. им придется столкнуться с сопротивлением истеблишмента, опирающегося на деловые круги и умеренный электорат, который вряд ли позволит реализовать радикальную повестку. Скорее, именно президенту-скептику придется умерять свою повестку, адаптируя желаемое к французской реальности и встраиваясь в систему Пятой Республики. Не исключено, что приход к власти евроскептика способен вызвать политический кризис и свержение существующего строя, но для этого нужен целый ряд факторов. Пока что евроскептики остаются носителями протестных настроений, особенно среди молодежи, выдвигая ряд злободневных вопросов относительно места Франции в ЕС, на которые придется отвечать администрации Макрона в ближайшие пять лет.

Список литературы

- Арзаканян М. Ц. (2012). *Великий де Голль*. Москва: Яуза; Эксмо. 512.
- Буторина О. В. (ред.), Ершова Т. М., Дынкин А. А., Богатуров А. Д. (2011). *Европейская интеграция*. Москва: Деловая литература. 720.
- Васильева Н. Ю. (2003). Национальный фронт вчера и сегодня. Чудинов А. В. (ред.). *Французский ежегодник 2003: Проблемы во Франции*. Москва: Едиториал УРСС. 273–290.
- Горохов В. Н. (2004). *История международных отношений. 1918–1939*. Москва: Издательство Московского Университета. 285.
- Княжинский В. Б. (ред.). (1986). *Западноевропейская интеграция: проекты и реальность*. Москва: Международные отношения. 207.
- Молчанов Н. Н. (1988). *Генерал де Голль*. Москва: Международные отношения. 480.
- Рубинский Ю. И. (ред.). (2007). *Франция. В поисках новых путей*. Москва: Весь Мир. 622.
- Смирнов В. П. (2001). *Франция в XX веке*. Москва: Дрофа. 352.
- Ферро М. (2015). *История Франции*. Москва: Весь Мир. 830.
- Шевенман Ж.-П. (2015). *1914–2004: Европа выходит из истории?* Москва: АСТ. 352.
- Allain J.-C. (2005). *Histoire de la diplomatie française, T.2. De 1815 à nos jours*. Paris: Perrin. 640.
- Boissieu L. de. (2009). L'intégration des partis politiques français dans le système partisan européen. *Revue internationale de politique comparée*, 16 (4). 721. DOI: 10.3917/ripc.164.0721
- Boy D., Chiche J. (2005). Les structures politiques et sociales du vote "Non". Laurent A., Sauger N. (éditeur). *Les cahiers du CEVIPOF. 42: Le référendum de ratification du Traité constitutionnel européen du 29 mai 2005: comprendre le "«Non»" français*. 107–109.

References

- Arzakanyan M. C. (2012). *Great de Gaulle*. Moskva: Yauza; Eksmo. 512.
- Allain J.-C. (2005). *Histoire de la diplomatie française, T.2. De 1815 à nos jours*. Paris: Perrin. 640.
- Boissieu L. de. (2009). L'intégration des partis politiques français dans le système partisan européen. *Revue internationale de politique comparée*, 16 (4). 721. DOI: 10.3917/ripc.164.0721
- Boy D., Chiche J. (2005). Les structures politiques et sociales du vote "Non". Laurent A., Sauger N. (éditeurs). *Les cahiers du CEVIPOF. 42: Le référendum de ratification du Traité constitutionnel européen du 29 mai 2005: comprendre le «Non» français*. 107–109.
- Butorina O. V. (ed.), Ershova T. M., Dynkin A. A., Bogaturov A. D. et al. (2011). *European Integration*. Moskva: Delovaya literatura. 720.
- Vasil'eva N. Yu. (2003). National Front: Yesterday and Today. Chudinov A. V. (ed.). *French Yearbook 2003: The Right in France*. Moskva: Editorial URSS. 273–290.
- Gorokhov V. N. (2004). *History of International Relations. 1918—1939*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta. 285.
- Knyazhinskii V. B. (ed.). (1986). *Western European Integration: Projects and Realities*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 207.
- Molchanov N. N. (1988). *General de Gaulle*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 480.
- Rubinskii Yu. I. (ed.). (2007). *France: in Search of New Routes*. Moskva: Ves' Mir. 622.
- Smirnov V. P. (2001). *France in the XX century*. Moscow: Drofa. 352.
- Ferro M. (2015). *History of France*. Moskva: Ves' Mir. 830.
- Shevenman Zh.-P. (2015). *1914–2004. Is Europe Leaving History?* Moskva: AST. 352.

Информация об авторе

Павел Петрович Тимофеев, кандидат политических наук, научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

17997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
p.timofeyev@gmail.com

About the author

Pavel P. Timofeev, Cand. Sci. (Pol.), researcher, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
p.timofeyev@gmail.com

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-69-86

Александр Александрович ВЕРШИНИН

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ломоносовский просп., 27-4, Москва, 119991, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5206-8013

Французская общественно-политическая мысль о кризисе современной евроинтеграции

АННОТАЦИЯ. В центре внимания автора статьи находится современный общественно-политический дискурс во Франции о проблемах евроинтеграции. Анализируется один из его важнейших срезов – дискуссия, ведущаяся видными мыслителями, историками и философами. Французские интеллектуалы традиционно уделяли большое внимание проблематике построения единой Европы, видя в ней поле для политической, экономической и культурной экспансии Франции. Во второй половине XX в. видение французских перспектив стало неотделимо от оценки успешности проекта евроинтеграции. С точки зрения французских мыслителей, европейское сообщество стало некоей надстройкой над либерально-демократическими государствами, которая купировала риски их взаимодействия и открывала перед ними новые возможности для совместного развития. В то же время общие институты возникли как во многом временная конструкция. Французские комментаторы указывают на то, что под них не был подведен прочный политический фундамент. Это предопределило нынешний кризис. Проблема легитимности европейских институтов стала неразрешимой. Курс на их формирование вне поля единой

гражданственности с опорой на латентные процессы экономической интеграции фактически закрыл возможность создания супергосударства в виде федерации. «Постэтанитаристская» модель, базирующаяся на представлении о европейском гражданском обществе, осталась абстракцией. Механизмов перераспределения с целью образования единого социального поля в рамках Европы также не возникло. Выбор был сделан в пользу «ценностной легитимности», которая, по мнению французских комментаторов, создала лишь иллюзию стабилизации европейских институтов, действительно создав предпосылки для их демонтажа в будущем. Большинство французских интеллектуалов солидарны в критических оценках перспектив ЕС. Их оценки последних кризисных явлений внутри сообщества разнятся лишь в точке зрения на проблему. Еврооптимисты остаются в меньшинстве, в то время как евроскептики ведут дискуссию о том, какие меры необходимо предпринять для перестройки ЕС. Некоторые из них приходят к выводу, что этот вопрос необходимо рассматривать в увязке с реформированием современного либерально-демократического государства как такового.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Франция, французская общественно-политическая мысль, Европейский Союз, евроскептицизм, Брекзит, миграционный кризис в Европе, конституция ЕС

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вершинин А.А. (2017). Французская общественно-политическая мысль о кризисе современной евроинтеграции. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (1). 69–86. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-69-86

Under Discussion

Alexander A. VERSHININ

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

27-4, pr. Lomonosovskiy, Moscow, Russian Federation, 119192

ORCID: 0000-0001-5206-8013

French Political Thought about the Crisis of the Modern Model of Eurointegration

ABSTRACT: *The primary focus of the paper is on the contemporary sociopolitical discussion in France about the problems of European integration. One of its key aspects, the debate among the eminent thinkers, philosophers and historians, is analyzed. The French intellectuals always emphasized the problem of the united Europe building considering the continent as the field for the France's economic, political and cultural expansion. Since the second half of the XXth century the vision of the country's future has been inherent in the European project's realization. From the French thinkers' point of view the European community turned into a kind of superstructure over the liberal democratic states that neutralized the risks of their interaction as well as opened the prospects for mutual development. At the same times these institutes were a sort of temporary construction. The French commentators point out that from the very beginning they had no the firm political foundation. This preconditioned the current crisis. The problem of the legitimacy of the European institutions turned out to be insoluble.*

The idea to construct them beyond the field of the common nationhood on the ground of latent economic integration removed the possibility to create a kind of superstate in the form of federation. The post-statist model based on the idea of European civil society remained nothing but the abstraction. The mechanisms of the redistribution that could help creating the united social field are absent. The choice in favor of the so called value legitimacy was made that to the French thinkers' mind produced an illusion that the European institutions can be stabilized. In fact this laid the groundwork for their deconstruction in the future. The most of the French intellectuals are united in the pessimism as of the EU's prospects. Their evaluations of the latest signs of the crisis only vary in what concerns the point of view on the problem. The eurooptimists remain in minority while the eurosceptics are debating the measures that should be taken in order to reconstruct the EU. Some of them come to conclusion that this question should be regarded as part of the reforming of the contemporary liberal democratic state as such.

KEYWORDS: *France, French political thought, European Union, euroscepticism, Brexit, European migrant crisis, European Constitution*

FOR CITATION: Vershinin A.A. (2017). French Political Thought about the Crisis of the Modern Model of Eurointegration. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (1). 69–86. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-69-86

В начале XXI в. тема перспектив евроинтеграции стала одной из ключевых проблем для французских мыслителей. «Европейский горизонт», собственно, всегда оставался для них важным ориентиром. О европейском единстве писали едва ли не все те, кто во Франции за последние три столетия рассуждал о политике, – от аббата де Сен-Пьера и Вольтера до Наполеона и де Голля. По точному замечанию современного автора, «французы верят, что обязаны думать не только за себя, но и за весь остальной мир» (Hazareesingh, 2015, p. 6). Национальные рамки слишком узки для французского мышления. Его неизменно тянет к универсальным обобщениям, и Европа здесь именно тот «уровень», на котором оно максимально раскрывает свой потенциал.

Но кроме этого существует и еще одно обстоятельство. Мысля универсалистски, французы тем не менее остаются под мощным влиянием национальной идеи. Франция, выражаясь словами Ж. д'Ормессона, – «это больше, чем нация»¹, однако национальное измерение отнюдь не снимается в рамках присущего французскому мышлению глобального взгляда на мир. Напротив, оно наполняет его особым ценностным содержанием

и формирует основу того, что можно назвать «французскостью» (francité). Француз одновременно и национален, и универсален. Возникающее здесь противоречие порождает особое отношение к окружающей социальной и политической реальности. Как отметил тот же д'Ормессон, «стремиться оставаться собой, пытаясь одновременно открыться другим, – нелегкая задача».

Отсюда вытекают две крайности, присущие французскому взгляду на мир – мессианство и декаданс. Франция может либо доминировать, играя особую роль в мировых делах, либо деградировать. Французский XX в. наглядно отразил эту дилемму. Страна вступила в новое столетие, будучи уверенной в собственном высоком предназначении. Париж был столицей мира. Управляемая из него колониальная империя занимала обширные территории в Африке и в Азии. Достижения французской науки и культуры имели мировое значение. Оптимизм «прекрасной эпохи» во всей своей полноте проявился в 1914 г., когда тысячи молодых людей в порыве патриотизма отправились на фронт «ради славы Франции, хранительницы чести цивилизованного мира» (Winock, 2006, p. 136).

Все изменилось в межвоенный период. Победа в Первой мировой войне оказалась пирровой. Ее последствия нанесли сильнейший удар по самосознанию французов. Накануне 1914 г. патриотизм был общим чувством, вдохновлявшим интеллектуалов. После 1918 г. он не просто вышел из моды. Пришедший ему на смену национализм фактически закрывал для Франции глобальную перспективу. Универсализм Просвещения, неотъемлемая часть французской политической культуры на протяжении всего XIX в., прино-

¹ Être Français, selon Jean d'Ormesson. URL: http://www.lepoint.fr/societe/etre-francais-selon-jean-d-ormesson-13-01-2011-129480_23.php (Accessed 31.03.2017)

http://www.lepoint.fr/societe/etre-francais-selon-jean-d-ormesson-13-01-2011-129480_23.php

сился в жертву узкому пониманию национального интереса. «Мы судим обо всем с точки зрения Франции» (Barrès, 1925, p. 84), – эти слова М. Барреса прозвучали как кредо мощного течения в общественно-политической мысли. Альтернативой ему выступало новое издание универсалистской парадигмы в виде коммунизма. Однако в рамках этой идеологии на роль «хранительницы чести цивилизованного мира» претендовала совсем другая страна.

Катастрофа 1940 г. стала для французских интеллектуалов моментом истины. Многих из них мышление «с точки зрения Франции» привело к коллаборационизму и как следствие – к полному моральному фиаско. Другие начали искать пути выхода из тупика и пришли к выводу о том, что новый поворот к универсализму неизбежен. Речь шла о формировании интеллектуального конструкта, в рамках которого Франция могла бы преодолеть кризис идентичности. «Не будем себя обманывать, – написал в 1947 г. Р. Арон, – идея европейского единства в первую очередь является концепцией рационального человеческого выбора, а не порождением массового чувства» (Larrarent, 2009, p. 40). Этот выбор напрашивался уже в годы Второй мировой войны. На философском уровне его обосновывали левые мыслители, яснее других понимавшие причины краха 1940 г. Л. Блюм, политик и интеллектуал, в застенках режима Виши писал, что «будущая Европа, если она не хочет вновь погрузиться в хаос войны, непременно должна организоваться в рамках образования, более широкого, чем нация» (Blum, 1971, p. 160).

Франция, пояснял Блюм, не должна опасаться за свой суверенитет: «Если нации объединятся и организуются в сообщество, то останутся такими, какие они есть, такими, какими их создала история и традиции, с их особыми вкусами, предпочтениями, оригинальным темперамен-

том и спецификой». Более того, французы будут иметь здесь важное преимущество, ибо «это сочетание патриотизма и общечеловеческого духа более естественно и привычно для француза, чем для любого другого гражданина мира. Франция со своим особым характером всегда видела и сейчас видит благородную необходимость думать и действовать ради достижения всеобщих целей» (Blum, 1971, p. 162). Объединенная Европа будет неизбежно нести на себе отпечаток «французскости», а сам французский дух обретет новую форму для реализации. В XVIII в. говорили, что «каждый европеец сегодня является французом» (Hampson, 1968, p. 146). Проект послевоенной евроинтеграции должен был вернуть эту идею к жизни.

Во второй половине XX в. судьбы Франции и объединенной Европы срослись воедино. Париж поставил на карту евроинтеграции гораздо больше, чем экономические и политические расчеты. Самосознание французов, их представление о своем месте в мире оказались неразрывно связаны с успехом европейского проекта. Неудивительно, что его сегодняшний кризис, который, видимо, является наиболее глубоким за всю историю единой Европы, тревожно отзывается в дискуссиях французских интеллектуалов. Все они, вне зависимости от политических предпочтений, признают наличие проблемы. Однако кризис рассматривается ими на разных уровнях: антропологическом, философском, институциональном. Различна и трактовка дальнейших перспектив интеграционного проекта. Целью данной статьи является обзор и обобщение этих мнений. В фокусе внимания находятся авторы, позиции которых наиболее репрезентативны с точки зрения понимания всей совокупности взглядов на нынешний кризис, сформулированных во французском интеллектуальном поле.

Корни проблемы

В 1992 г. на страницах французской академической печати произошел примечательный обмен мнениями по поводу перспектив европейской интеграции. В дискуссию вступили философы П. Тибо и Ж.-М. Ферри. Тогда евроскептицизм еще не вошел в моду. Напротив, после краха социалистического лагеря и подписания в 1992 г. Маастрихтского договора об учреждении Европейского союза (ЕС), как казалось, имелись все основания для оптимистического взгляда на будущее Старого Света. Тем более громко прозвучал тогда диагноз, который П. Тибо поставил проекту современной евроинтеграции: в том виде, в котором идея европейского единства реализовывалась после Второй мировой войны, она не имеет перспектив. Подход к строительству общих институтов, предложенный Ж. Монне, страдал, с точки зрения Тибо, важным недостатком. Акцент на экономической интеграции привел к перекосу всей модели в сторону поощрения «современного индивидуализма в ущерб гражданскому чувству» (Gilles, Ferry, Thibaud, 1992, p. 950).

Благодаря объединению экономик европейцы стали лучше жить. Их социальные и экономические права наполнялись новым содержанием: они могли рассчитывать на лучшую работу с более высокой заработной платой, свободно перемещались и инвестировали, качество их жизни заметно выросло. Однако эти новые права и возможности не порождали общих гражданских обязанностей. Без обязанностей нет ответственности, а без ответственности и единого гражданского чувства деградирует политика. Тибо рассуждал в старой токвилевской традиции.

Экономика сама по себе не работает на консолидацию демократического общества. Она генерирует мощные центробежные тенденции, которые необходимо купировать (Токвиль, 1992, с. 390–392). Применительно к Америке Токвиль говорил об особой роли религии как механизма общественной консолидации. Тибо в 1992 г. специально подчеркивал: Европа до сих пор не нашла за пределами отдельных наций того фундамента гражданственности, на который бы могло опираться ее единство.

Эти мысли тогда прозвучали как элемент «красивой философской дискуссии», как выразился ее модератор П. Розанваллон. Однако десятилетие спустя они получили совсем иную коннотацию. В преддверии референдума по вопросу о принятии Конституции ЕС в 2005 г. идеи, некогда высказанные Тибо, оказались включены в контекст острых политических дебатов, которые разделили французских интеллектуалов. За 1990-е гг. они не только не ушли в прошлое, но оформились с большей определенностью. Лагерь сторонников «Европы наций» пополнился теми, кто не хотел дальнейшего расширения ЕС, включения в него стран Восточной Европы и Турции. Сторонники углубления евроинтеграции упрекали своих оппонентов в косности мышления, нежелании «выйти из парадигмы холодной войны ради осмысления реалий глобализации»². Французское «нет» на референдуме 2005 г. поставило и тех, и других в новые условия. Споры, до сих пор остававшиеся в той или иной степени отвлеченными, перешли в политическую сферу. Перед интеллектуалами встала новая задача – объяснить причины кризиса проекта евроинтеграции, в существовании которого теперь не оставалось никаких сомнений.

2 Les intellectuels français entre un oui critique et un non hésitant. URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2005/03/29/les-intellectuels-francais-entre-un-oui-critique-et-un-nonhesitant_632679_3214.html (Accessed 31.03.2017)

На сегодняшний день французская общественно-политическая мысль предлагает ряд ответов на этот вопрос. Они не столько по-разному трактуют предпосылки сбой в проекте создания единой Европы, сколько высвечивают несколько уровней проблемы. Ключевым из них остается тот, о котором еще в 1992 г. говорил П. Тибо. Кризис сегодняшнего ЕС – это, прежде всего, кризис легитимности всей той социально-политической модели, которая сформировалась в Старом Свете после краха коммунизма, а в основе своей – после Второй мировой войны. Этот сюжет в ряде работ подробно разбирали политические философы, которые развивают подходы, обозначенные еще 150 лет назад А. де Токвилем. Помимо П. Тибо среди них выделяются имена уже упомянутого П. Розанваллона и М. Гоше. Перипетии евроинтеграции они предлагают рассматривать в связке с большой темой упадка современной европейской демократии.

В свое время запуск процесса европейского объединения стал ответом на глубокую деградацию демократических институтов в межвоенный период. М. Гоше так определил ее смысл: «Представительный режим не поспевал за изменениями общественного организма, которым он должен управлять и волю которого выражать» (Gauchet, 2007, p. 170). П. Розанваллон поясняет: «Первоначальное представление о парламенте как о средоточии общественного разума, в котором гласно обсуждались бы вопросы общественной пользы, фактически свелось к системе торга по поводу частных интересов» (Розанваллон, 2015, с. 7). Со второй половины XIX в. после перехода ведущих стран Запада к всеобщему избирательному праву парламентские политические системы прочно опирались на демократическую санкцию. Но они категорически не справлялись с теми вызовами, которые перед ними ставила эпоха современного социально-

экономического развития. Общественные отношения усложнились настолько, что их стало невозможно полноценно регулировать в рамках затянутых непрозрачных парламентских процедур. Зависимые от партий правительства не могли оперативно реагировать на проблемы принципиально нового свойства, будь то необходимость решения рабочего вопроса или контроль над целыми отраслями промышленности.

Дилемма «демократия или эффективность» казалась неразрешимой для западных представительных режимов. «Никто не мог сомневаться в том, – отмечает М. Гоше, – что привлекательность тоталитарных режимов во многом основывалась на их противопоставлении лжи и бессилию анонимного либерального представительства» (Gauchet, 2010, p. 624). Преодолеть это противоречие, грозившее самому существованию либеральной демократии, можно было лишь одним способом – разведя институционализирующую и регулирующую функции современного демократического государства, сохранив при этом его политическое единство. Это удалось сделать в рамках современного европейского социального государства.

Послевоенный либерально-демократический синтез фактически создал новую государственность, опиравшуюся на двойную легитимность. Демократическая санкция закрепляла императив коллективной воли нации в виде волеизъявления ее большинства, на который в своей деятельности опирались парламентские политики. При этом государство брало на себя новую управленческую функцию, которой до сих пор избегало. Государство-регулятор отныне задавало те рамки, в которых развивались социально-экономические процессы, что-то администрируя непосредственно, но в основном формулируя общие правила игры. Исполнительная власть не толь-

ко серьезно усилилась, обретая самостоятельную субъектность. Под нее был подведен фундамент новой легитимности – содержательной, как ее определил П. Розанваллон. «Речь шла, – пишет он, – о достижении общей полезности на основе преимуществ научного управления. Таким образом, были модернизированы и возвращены в демократическую сферу давние идеалы рационального правления и позитивной политики, в соответствии с которыми, со времен Просвещения и Огюста Конта, общественное благо рассматривалось отдельно от партийных пристрастий» (Розанваллон, 2015, с. 8).

При этом под ударом оказалось узкое понимание нации как антипода демократии, которое пустило корни в Европе после Первой мировой войны. Националисты активно использовали бессилие представительных режимов в политических целях, а их наиболее экстремистски настроенный отряд, нацисты, под соответствующими лозунгами пришел к власти в Германии и, развязав войну, вверг Старый Свет в катастрофу. Именно поэтому перестройка европейской государственности после 1945 г. шла рука об руку с преодолением последствий национализма в политике. «Опустошение, постигшее Европу в результате разгула национальных страстей, – пишет П. Манан, – естественным образом породило желание окончательно похоронить национализм, вырвать его корни, постепенно отменив национальную форму, слив европейские нации в новое политическое тело – Европейское сообщество или Европейский союз» (Манан, 2004, с. 101).

Таким образом, современная европейская либеральная демократия и проект евроинтеграции возникли одновременно и имели во многом общие предпосылки. На национальном уровне исполнительная и законодательная власти эффективно уравнивали друг друга. В рамках Европы единые институты дополни-

тельно купировали бы разрушительные импульсы, которые мог породить новый кризис либерально-демократической государственности. Однако, как подчеркивают французские мыслители, изначально не было понятно, что в политическом смысле должна представлять собой единая Европа и в принципе целесообразно ли превращать ее в единое политическое тело. П. Тибо считает, что, по мнению инициаторов евроинтеграции, политическая составляющая должна была возникнуть естественным путем, «сама собой»: «Политическое единство Европы считалось не самостоятельной задачей, а естественным продуктом рыночной «механики». Архитекторы объединенной Европы неизменно полагали рынок исходной точкой проектов, выходящих за рамки экономики» (Тибо, 2007, с. 45).

П. Манан развивает эту мысль. В рамках проекта интеграции европейцам изначально предложили специфическую модель, которая предполагала примат идеи индивида над идеей гражданина. Объединение «снизу» расширяло права индивида и те возможности для самореализации, которые перед ним открывались. Однако это размывало его национальную идентичность. П. Манан констатирует: «В результате элементы, из которых складывается конечный результат, становятся все более разнородными и чуждыми гражданам всех заинтересованных стран... Индивид имел бы, таким образом, набор идентичностей, в их числе и национальную, подобно тому как он имеет портфель акций; у каждого была бы палитра идентичностей, как у художника – палитра красок» (Манан, с. 103–104). Таким образом, возникало представление о «Европе-цивилизации» как о пространстве правил, «предоставляющих огромные возможности индивидам». Однако здесь же возникал вопрос, который в 1992 г. прямо поставил П. Тибо: как долго человеческие суще-

ства могут жить вместе, не принадлежа к одному политическому телу? Ведь физическое сближение равных индивидов не обязательно означает ликвидацию некогда разделявших их противоречий. Без наличия некоего общего знаменателя оно может привести и к усилению трений между людьми и целыми нациями.

Проблема легитимности

Идея о простой «полезности» общеевропейской надстройки над национальным либерально-демократическим государством понятна на теоретическом уровне, но трудно совмещается с принципом легитимности власти. Ставка на то, что экономическая интеграция сделает всю работу, выглядела достаточно спорной. Современный германский философ Н. Больц отмечал: «Экономика современного общества чрезвычайно сложна и абстрактна; ей не хватает чувствительности, именно поэтому ее невозможно полюбить. Известный тезис Фридриха фон Хайека о том, что свободный рынок является величайшим изобретением в истории человечества, оставляет всех равнодушными. Наблюдается острая потребность в чувствительности, необходимость в эмоциональном насыщении современного общества» (Больц, 2014, с. 6–7). Речь идет о давней проблеме, которую концептуализировал еще М. Вебер. Принцип рационального доминирования, которое воплощается в том числе через рыночные механизмы, сам по себе не порождает необходимой легитимности. Ему необходима «подпорка» в виде традиционной или харизматической власти (Гайденок, Давыдов, 2010, с. 90–91).

Нация обладает харизмой, которая выражается через ее коллективную волю. На уровне национального государства она обеспечивает бюрократии необходимую ей санкцию, дополняющую императив общего блага. Однако для того, чтобы возникла коллективная воля, необходим ее субъект – сама нация как сообщество равных индивидов, осознающих себя политическим единым целым. В Европе она возникла далеко не сразу. От теоретических построений Ж.-Ж. Руссо до формирования прочных национальных государств XX в. был пройден большой путь. Важнейшей ипостасью нации, поясняет П. Розанваллон, является демос – сообщество граждан, равных перед законом, ощущающих себя равными друг другу и объединенных этим эгалитарным чувством (Розанваллон, 2014, с. 322). Для его формирования необходимо не только чувство единства проживания на одной территории и формальное равенство гражданских статусов. Ключевую роль играет фактическое равенство в доступе к благам, создающимся нацией. Европейские нации консолидировались лишь после того, как государству удалось ликвидировать наиболее вопиющие проявления неравенства за счет перераспределения национального дохода в пользу обездоленных слоев населения. Финальная стадия этого процесса пришлась на все те же послевоенные десятилетия, когда «завоевание социальных прав оказалось тесно связанным с реконструкцией чувства национальной принадлежности»³.

Европейского демоса не существует, и едва ли он может возникнуть. Создание общеевропейского механизма перераспределения не входило в задачи единых институтов сообщества, но даже если бы такая цель была поставлена, едва ли они

3 Balibar E. Un nouvel élan, mais pour quelle Europe? URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2014/03/BALIBAR/50208> (Accessed 31.03.2017)

смогли бы достичь ее с большей эффективностью, чем национальные государства (Rosanvallon, 2002, p. 96). П. Бурдьё в 1999 г. видел залог будущего единства Старого Света в создании общеевропейского движения за защиту социальных прав граждан⁴. Однако проект «Социальной Европы», предложенный на заре 1990-х гг. Еврокомиссией под руководством Ж. Делора, так и остался благим пожеланием. Выбор был сделан в пользу поощрения экономической интеграции и движения в сторону единой валюты. Оно должно было консолидировать европейское гражданское общество как некую сферу, которая заменит собой нацию в качестве формы развития политической жизни.

Это предположение опиралось на идеи Ю. Хабермаса, которые разделяла и часть французского интеллектуального сообщества. Ж.-М. Ферри, оппонент П. Тибо по дискуссии 1992 г., предлагал вообще отказаться от рассмотрения ЕС как политического сообщества. Европейское гражданское общество, по его мнению, представляет собой новую рамку для развития демократии, альтернативную национальному государству: между «расширением сферы [гражданских] обменов и более полной реализацией демократического идеала» не существует принципиального противоречия (Gilles, Ferry, Thibaud, p. 950). Для Ж.-М. Ферри власть не тождественна суверенитету. Он вообще выступает против того, чтобы описывать желаемую политическую реальность ЕС с помощью соответствующих категорий. Европа не должна рассматриваться как некое потенциальное супергосударство. Наоборот, в ее рамках будет изжит старый этатизм и возникнет новая, «постэтатистская»

перспектива развития, смысл которой точно отразил П. Манан – «организация без управления» (*s'organiser sans se gouverner*) (Manent, Paoli, Crépu, 2011, p. 70). Граждане европейских стран по умолчанию являются гражданами Европы, поэтому общеевропейская политика не только возможна, но и должна реализовываться вне рамок национальных государств, причем при минимальном участии наднациональной бюрократии⁵. Европейская политика – это политика децентрализации и диверсификации, субъекты которой – автономные элементы единого гражданского общества.

Большинство современных французских мыслителей скептически относятся к идее постэтатистской Европы. Еще на заре 2000-х гг. П. Розанваллон резко критиковал тезис о «новом гражданском обществе, которое наконец заменит собой политическую сферу»: «В трогательной апологетике международного гражданского общества вместе сходятся наивные представители неправительственных организаций, леваки, обращенные в гуманизм, и владельцы транснациональных компаний. К сожалению, утопии одних не отличить от лжи других» (Rosanvallon, p. 95). Понятие гражданского общества неотделимо от категории общего интереса. Но каково реальное содержание последней в европейских условиях? В ситуации отсутствия единого политического поля и представления о коллективной воле ее можно описать лишь в виде самых общих принципов. Таким образом, в европейскую политику входит категория «универсальных ценностей».

Ценностное измерение европейской интеграции возникло с началом самой интеграции. Идея поддержания мира, соб-

4 Bourdieu P. Pour un mouvement social européen. URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/1999/06/BOURDIEU/3080> (Accessed 31.03.2017)

5 Entretien avec Jean-Marc Ferry: autour de la République crépusculaire. URL: <http://actuphilosophia.com/spip.php?article307> (Accessed 31.03.2017)

ственно, была ее мировоззренческой основой и достаточно долго служила целям легитимации интеграционного проекта. Во имя мира можно сотрудничать, но едва ли – объединяться. На определенном этапе развития европейского проекта, а именно с момента подписания Маастрихтских соглашений, его ценностная составляющая начала не только сильнее акцентироваться, но и значительно усложняться. Был дан старт процессу формирования европейской идеологии как всеохватывающей системы символических императивов и самого фундамента легитимности сообщества. Положенные в ее основу «общечеловеческие ценности» казались настолько очевидными, что сами по себе должны были обосновывать историческую безальтернативность интеграции.

Э. Балибар сетует на то, что на рубеже 1980–1990-х гг. евроинтеграция свернула в неверном направлении. Приняв на вооружение неолиберальный дискурс, ее операторы подорвали тот фундамент, на котором после Второй мировой войны начало возводиться здание объединенной Европы. Балибар отмечает: «Возможность преодоления исторического антагонизма в рамках постнациональной конструкции и принципа разделения суверенитета предполагала слияние государств, по крайней мере ситуационное, в трех отношениях: в том, что касалось объединения их потенциалов, уравнивания шансов на доступ к ресурсам и взаимного признания их прав. Между тем триумф принципа конкуренции привел к постоянному росту диспаритетов»⁶.

По мнению Э. Морена, этот поворот был закономерен в ситуации краха социалистического лагеря, который десятилетиями воплощал собой альтернативу проекту европейской интеграции⁷. В любом случае начавшаяся после 1991 г. идеологизация европейского проекта стала важнейшим фактором его нынешнего кризиса.

П. Манан пишет об одном из ее последствий: «Адепты [европейской] идеологии, действующие лица или комментаторы за реальностью наций якобы видят «реальность» Европы. И они преисполнены искреннего негодования против тех, кто отказывается видеть эту «реальность». Но этой «реальности» не существует»⁸. «Общечеловеческие ценности», к которым активно апеллируют сторонники углубления евроинтеграции, пытаясь сделать их фундаментом легитимности всего проекта, представляют собой чисто умозрительную конструкцию, практически не укорененную в социальной действительности европейских обществ. Однако за них цепляются тем отчаяннее, чем более очевидным становится вакуум власти в рамках сообщества. Отрицать существование «общечеловеческих ценностей» как политического ориентира – недопустимая ересь.

Но это далеко не все. Европейцам предлагается не просто оторванный от реальности ценностный катехизис. «Универсальность», которая выдается за центральный фактор его легитимности, фактически обезоруживает Европу перед лицом внешнего мира. «Европа, – отмечает П. Манан, – считает себя началом человеческого единства и путем к

6 Balibar E. Un nouvel élan, mais pour quelle Europe? URL: <https://www.mondediplomatique.fr/2014/03/BALIBAR/50208> (Accessed 31.03.2017)

7 Que reste-t-il de l'universel europeen? Edgar Morin et Paul Thibaud. URL: http://www.liberation.fr/planete/2009/11/27/que-reste-t-il-de-l-universel-europeen-edgar-morin-et-paul-thibaud_595941 (Accessed 31.03.2017)

8 Pierre Manent: "Les gouvernants ne nous représentent plus, ils nous surveillent". URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/07/31/31002-20160731ARTFIG00107-pierre-manentles-gouvernants-nous-representent-plus-ils-nous-surveillent.php> (Accessed 31.03.2017)

преодолению всех традиционных форм [политического] посредничества, в частности нации... Речь идет о своего рода неизменном человечестве, объединяющем всех и каждого без различия особенностей, которое не дает никакого основания для политического посредничества... В результате мы получаем Европу, которая с политической точки зрения сегодня меньше представлена в мире, чем Англия или Франция 50 лет назад» (Manent, Paoli, Gréru, p. 71). При этом ухудшение международных позиций объединенной Европы – не единственное последствие этой опоры на «универсальные ценности». «Претендуя на универсальность, мы не в состоянии ответить на вызов со стороны иных, – констатирует П. Тибо. – Эта претензия приводит к тому, что мы сами себя делаем обвиняемыми: китайцы могут упрекать нас в протекционизме, мусульмане – в нетолерантности, причем не ощущая себя обязанными практиковать те принципы, которые мы сделали для себя обязательными к соблюдению»⁹.

Пытаясь укоренить свою легитимность в «универсальных ценностях», Европа загоняет себя в ловушку. Потуги выйти из тупика за счет акцентирования внимания на идее культурного единства европейского пространства также не имеют эффекта. На поверку категория европейской культуры оказывается гораздо более разнородной, чем принято считать. «Мы в этом убедимся, если разложим понятие «европейская культура» на его составляющие. Тогда мы увидим, что либо рассматриваемое явление, скорее, разделяет европейцев, чем объединяет их, либо действительно объединяет европейцев между собой, но одновременно также и с многочисленными народами за пределами Европы» (Манан, с. 107).

Европейская наука и искусство, христианская религия, даже сама демократия в том ее виде, в каком она зародилась в Старом Свете, уже не являются исключительно достоянием Европы. Роль авангарда всего «свободного мира» европейцы давно уступили Соединенным Штатам Америки.

В результате приходится констатировать, что «Европа – это субстанция, которая существует под покровом национальных фактов, это вещь-в-себе, постоянно присутствующая под покровом национальных феноменов» (Манан, с. 107). Сколь бы ни желали адепты углубления евроинтеграции преодолеть влияние национального фактора, им это не удастся. Само понятие единой Европы до сих пор является результатом национальных коллективных волей, а сам ЕС по-прежнему тесно связан с политическим процессом в странах-членах. Однако французские политические философы указывают на то, что и здесь единая Европа сталкивается с мощным вызовом: на рубеже XX–XXI вв. под ударом оказалась легитимность либерально-демократического национального государства.

П. Розанваллон пишет о процессах «денационализации демократических государств» – набирающем темп распаде единой социальной ткани, которая в XX в. связала воедино европейские общества. «Рост разного рода неравенств является одновременно признаком и движущей силой этого раскола. Действуя исподволь, неравенство приводит к незаметному распаду не только социальных связей, но и солидарности», – отмечает он (Розанваллон, с. 8). Более или менее масштабный отказ западного государства от тех регулирующих функций, которые оно взяло на себя после окон-

9 Que reste-t-il de l'universel europeen? Edgar Morin et Paul Thibaud. URL: http://www.liberation.fr/planete/2009/11/27/que-reste-t-il-de-l-universel-europeen-edgar-morin-et-paul-thibaud_595941 (Accessed 31.03.2017)

чания Второй мировой войны, привел к резкому росту социального неравенства, который, в свою очередь, запустил «различные механизмы обособления, сепаратизма» внутри общества. Демос в европейских странах стал быстрыми темпами распадаться на отдельные фракции со своим собственным публичным интересом. Под ударом оказалась нация как политическое единое целое.

Эти тенденции имеют множество проявлений, однако центральная из них – деградация представления о политике как процессе практической реализации коллективной национальной воли. 15 лет назад тот же Розанваллон говорил об этом в более нейтральных выражениях: «Эмансипация и рост влияния гражданского общества вызывают сегодня чувство упадка политического» (Rosanvallon, p. 89). В преддверии избирательной кампании 2017 г. во Франции философ вынужден говорить о глубоком кризисе самой демократической модели. Между обществом, вернее, тем конгломератом социальных идентичностей, который сейчас определяется этим понятием, и элитами возник широкий разрыв. Схожим образом, но под углом зрения левой общественно-политической мысли причины кризиса современной европейской демократии поясняет Э. Балибар: «Гражданское измерение нации разрушается (или деградирует до состояния популизма с его идеей отвержения чужаков), когда государство в действительности начинает функционировать не как средоточие социальной гражданственности, а как бессильный зритель ее упадка или как активно используемый инструмент ее демонтажа»¹⁰.

Нация перестает видеть в своих избранных из рядов элиты, будь то отдельные политики или целые партии, легитимных операторов власти. Более того, происходит обратный процесс: вперед выдвигаются фигуры, вокруг которых происходит социальная консолидация: «Их личность формирует социальную базу... В центре их кампании находится не программа, но личность, которая в обществе индивидов помогает избирателям самоидентифицироваться»¹¹. Понятие популизма возникает здесь вполне закономерно: либеральная демократия приходит в упадок, но демократическая политическая культура сохраняется. Под ударом популизма оказывается не только исполнительная власть на национальном уровне, которая утратила представление об общем благе и демократическую санкцию на управление, но и ее «второй этаж» в виде единых европейских институтов, и без того испытывавших серьезные проблемы с легитимностью.

«Кризис демократической легитимности в Европе сегодня, – пишет Э. Балибар, – это, таким образом, одновременно результат того, что у национальных государств больше нет ни средств, ни воли для того, чтобы защищать или обновлять «социальный контракт», и следствие того, что институты Европейского союза не имеют никакого желания искать форму и содержание социальной гражданственности на более высоком уровне»¹². Правые популисты не только реагируют на вызов «одержимости идентичностью», которую испытывает современное европейское общество. В ответ на

10 Balibar E. Un nouvel élan, mais pour quelle Europe? URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2014/03/BALIBAR/50208> (Accessed 31.03.2017)

11 Pierre Rosanvallon: les propos de Fillon «marquent un tournant populiste dans la campagne». URL: http://www.lemonde.fr/affaire-penelope-fillon/article/2017/03/02/pierre-rosanvallon-les-propos-de-francois-fillonmarquent-un-tournant-populiste-dans-la-campagne-presidentielle_5088104_5070021.html (Accessed 31.03.2017)

12 Balibar E. Un nouvel élan, mais pour quelle Europe? URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2014/03/BALIBAR/50208> (Accessed 31.03.2017)

быструю деполитизацию общественной жизни они выдвигают лозунги «сильной власти», предполагая возвращение к государственности в ее идеально-типической форме как к механизму всеохватывающего контроля над территорией и проживающим на ней населением.

Как выйти из тупика?

Даже самые еврооптимистично настроенные представители современной французской интеллектуальной элиты признают наличие глубокого кризиса современного проекта евроинтеграции. Все они живо реагируют на те бурные события, которые сопровождают его на протяжении последних лет. Провал референдума по вопросу о принятии конституции ЕС резко поднял градус дискуссии. Французские сомнения по поводу перспектив евроинтеграции тогда хорошо обобщил П. Розанваллон: «Проект, на который сделал ставку Франсуа Миттеран, столкнувшись с уменьшением международной роли Франции, [объединенная] Европа в конце концов стала символизировать исчезновение самой политической воли». Хотя философ, тогда еще в целом еврооптимист, делал важные оговорки, отмечая, что ЕС для французов выполнял функцию своего рода зеркала, в котором они видели недостатки собственной общественно-политической системы, ряд его коллег во францужско-европейском споре встал на сторону Франции.

В своей книге, опубликованной через год после провального референдума, П. Манан выступил с развернутой критикой проекта евроинтеграции. Бессильно-му универсализму европейского сообще-

ства, потерявшего почву под ногами, он противопоставлял динамизм маленького национального государства, находящегося за пределами Европы. «Факт существования еврейского государства, – писал Манан, – заставляет европейцев признать следующее: тщетным и бессмысленным является тот гуманизм, который основан на идее полного освобождения от какой-либо ответственности перед конкретным народом» (Manent, 2006, p. 92). Израиль воплощает собой все те атрибуты национального государства, от которых отказываются в Старом Свете: силу, легитимное насилие, национальный дух, политическую власть. Европа прячется от ответственности, «теряясь в толпе, сама превращаясь в толпу». Риторический вопрос Манана звучит приговором современной евроинтеграции: «Кто может жить в человеческом мире, лишенном всякой формы?»

Провал референдума 2005 г. привел к настоящему взлету евроскептицизма левых интеллектуалов. В отличие от либералов П. Розанваллона и П. Манана их в первую очередь волновало превращение ЕС в механизм углубления глобализации. Историк и демограф Э. Тодд непосредственной причиной победы противников европейской Конституции назвал «отчуждение рабочих и народных масс от господствующего класса»¹³. С острой критикой единой европейской валюты выступил экономист Ж. Сапир. Впрочем, на перспективы евро неоднозначно смотрят едва ли не все французские интеллектуалы. Умеренный евроскептик П. Манан констатирует, что «Франция стала узницей евро, принятие которого является фундаментальным недостатком европейской конструкции. Мы создали единую валюту для сообщества, которое не

13 Emmanuel Todd: "Rien ne sépare les enfants d'immigrés du reste de la société". URL: http://www.lemonde.fr/societe/article/2005/11/29/emmanuel-todd-rien-ne-separe-les-enfants-d-immigres-du-restede-la-societe_709613_3224.html#9arEFFPFsObOUAxb.99 (Accessed 31.03.2017)

существовало, рассчитывая, что факт ее наличия заставит нас это сообщество построить. Но евро, скорее, разделяет нас, так как связывает, но не объединяет»¹⁴.

Политические и экономические трудности евроинтеграции привели к знаменитому явлению – фактическому смыканию во Франции правого и левого евроскептицизма интеллектуалов. В 2012 г. греческий финансовый кризис вновь накалил дискуссию. Крупнейший левый философ Э. Балибар утверждал, что Греция является наглядным примером банкротства современного европейского проекта: вместо выравнивания экономических условий и равноправной интеграции страну ввергли в хаос. «Столь упорное заблуждение, – отмечал Балибар, – может быть вызвано только абсолютной некомпетентностью, идеологическим ослеплением и фанатизмом, противостоянием очень мощных интересов, макиавеллиевским расчетом той выгоды, которую удастся извлечь из «стратегии катастрофы»... или, скорее, комбинацией всего этого» (Balibar, 2012/3, p. 50).

К началу миграционного кризиса в 2015 г. французское интеллектуальное сообщество в массе своей уже было мобилизовано против ЕС в его нынешнем виде. Конкретная позиция того или иного интеллектуала в вопросе о мигрантах не играла роли: поводы для критики в адрес европейского сообщества находились везде. Тот же Э. Балибар был достаточно лоялен к мерам, принятым лидерами ЕС для приема беженцев, однако не замедлил напасть на политическую верхушку сообщества и, в частности, на руководство Франции, обвинив их в пассивности и передаче решения проблемы в руки Германии. П. Манан смотрел на проблему под другим углом зрения, однако

также оставался пессимистом: вторжение ислама в лице сотен тысяч мигрантов лишь усугубляет те хронические болезни, которыми страдает единая Европа. Главная в их числе – «всеобщая дезориентация, растущая неспособность осмыслить и воспринять общий проект [развития]»¹⁵.

Литератор А. Финкелькраут, член Французской академии, в своем нашумевшем эссе «Неудачная идентичность» (*L'Identité malheureuse*) указывал на ключевую предпосылку миграционного кризиса. В ее трактовке он соглашался с П. Мананом: «Характеристика Европы состоит в том, что в ней нет ничего характерного. Она не видит себя в той истории, из которой вышла, ее истоки не имеют ничего общего с ее предназначением, ее предназначение состоит в том, чтобы избавиться от памяти о своих истоках, избавиться от самой себя» (Finkelkraut, 2013, p. 96). Приняв универсальные ценности в качестве фундамента политической легитимности, открывшись, таким образом, остальному миру, Европа утратила самосознание и оказалась беззащитной перед вызовом со стороны исламской культуры.

На этом фоне одобренное на референдуме решение Британии выйти из состава ЕС было воспринято во вполне определенном ключе. Сразу после того, как Брекзит стал фактом, двадцать французских интеллектуалов-евроскептиков, в их числе Ж. Сапир и П. Тибо, подписали коллективную петицию. Уже первая ее фраза раскрывала смысл их послания: «Британский народ высказал суверенную волю сохранить за собой последнее слово в решениях, которые его касаются. Это смелое и массовое волеизъявление – очевидный удар по той ложной технократической перспективе, пленником ко-

14 Pierre Manent: "Les gouvernants ne nous représentent plus, ils nous surveillent". URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/07/31/31002-20160731ARTFIG00107-pierre-manent-les-gouvernants-nous-representent-plus-ils-nous-surveillent.php> (Accessed 31.03.2017)

15 Alain Finkelkraut – Pierre Manent: la France au défi de l'islam. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2015/10/12/31003-20151012ARTFIG00232-alain-finkelkraut-pierre-manent-lafrance-au-defi-de-l-islam.php> (Accessed 31.03.2017)

торой на протяжении, по меньшей мере, трех десятилетий остается Европейский союз»¹⁶. Открыто выдвигалось требование полного пересмотра нынешнего проекта евроинтеграции в сторону усиления полномочий национальных государств.

П. Манан, также не демонстрируя сочувствия в адрес ЕС, писал о глубоких причинах Брекзита. Помимо миграционного кризиса он отмечал роль особого ценностного ряда, укоренившегося среди британцев, основой которого являлся сильный национальный дух. Сказались и особые настроения британских элит: «На европейские реалии они всегда смотрели с политической и рациональной точки зрения, а не с позиции идеологии и эмоций»¹⁷. Даже если официальный Лондон выступил против Брекзита, многолетняя сдержанная политика британских элит в значительной степени подготовила общественное мнение.

Велико искушение усматривать в Брекзите торжество демократического начала, и левые интеллектуалы охотно ему поддаются. П. Розанваллон предупреждает о том, что популизм – это во многом антипод демократии, а референдум как форма прямого волеизъявления масс может повлечь за собой самые серьезные последствия для стабильности политических институтов. Плебисцит не должен превращаться в выплеск негативной энергии. Он полезен в том случае, если является частью демократической процедуры, осуществляющейся с опорой на институты. В любом случае Брекзит не оставил никаких

сомнений в том, что ЕС болен, и исход болезни может быть фатальным.

Вариантов спасения единой Европы осталось немного. П. Манан говорит о том, что единственное средство, которое может помочь, – это коренная реформа Союза. С его точки зрения, не остается никакой альтернативы упразднению евробюрократии. Еврокомиссия является институцией, которая в рамках многонационального сообщества в принципе не может обладать необходимой легитимностью. По его мнению, «место, где формируется общий европейский интерес, где его можно обрести, – это Европейский совет»¹⁸. Иными словами, не обойтись без децентрализации, усиления роли национальных государств, которые в диалоге могут решить наиболее насущные проблемы, стоящие перед сообществом. Фактически речь идет о том, чтобы сделать шаг назад в развитии евроинтеграции. К этой мысли склоняются и те, кто до сих пор остается умеренным еврооптимистом. Еще в 2002 г. П. Розанваллон предостерегал от форсированного углубления интеграционных процессов. Он резонно предполагал, что европейцы вряд ли готовы к принятию Конституции, и предлагал ограничиться одобрением лишь общей хартии: «Логика Конституции состоит в том, чтобы создать институты, в то время как логика хартии – это фиксация регулирующих принципов» (Rosanvallón, p. 98).

В то же время Розанваллон говорит о том, что объединенную Европу не спасти без коренного переосмысления той модели демократии, которая возникла в Старом Свете после Второй мировой войны

16 Brexit: Vingt intellectuels eurocritiques lancent un appel pour un nouveau traité. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/06/30/31002-20160630ARTFIG00290-brexit-vingt-intellectuels-eurocritiques-lancent-un-appel-pour-un-nouveau-traite.php> (Accessed 31.03.2017)

17 Pierre Manent: "Les gouvernants ne nous représentent plus, ils nous surveillent". URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/07/31/31002-20160731ARTFIG00107-pierre-manentles-gouvernants-ne-nous-representent-plus-ils-nous-surveillent.php> (Accessed 31.03.2017)

18 Pierre Manent: "Les gouvernants ne nous représentent plus, ils nous surveillent". URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/monde/2016/07/31/31002-20160731ARTFIG00107-pierre-manentles-gouvernants-ne-nous-representent-plus-ils-nous-surveillent.php> (Accessed 31.03.2017)

и дала сбой в последнее время. Не только евробюрократия оказывается под ударом массового протеста. Критике подвергается вся представительная политическая система, в том числе и на национальном уровне: «Граждане все менее склонны просто голосовать и предоставлять свободу действий избранным представителям. Они хотят, чтобы их мнения и интересы учитывались в более конкретном и цельном виде. Чтобы упрочить свою легитимность, власть имущие ищут новые пути для обмена мнениями и обратной связи с электоратом. Ни одно правительство не считается легитимным, если оно не готово спорить и отстаивать правоту своей политики... Идея вездесущего государства, способного всем управлять сверху с опорой на рациональное начало, рассматривается как утопическая и более недостоверная» (Rosanvallon, 2008, p. 296).

Европейцам сегодня нужно пройти по тонкой грани между скатыванием в популизм и созданием новой, открытой системы демократии участия, в которой массы будут играть более активную роль, чем в недавнем прошлом. Альтернативы у них нет. Э. Балибар ставит ЕС в его нынешнем виде окончательный диагноз – Союз не спасти без его полной перестройки. Метод Монне, основная идея которого заключается в использовании «общих экономических интересов, чтобы добиться создания политической постнациональной формы», больше не действует. Без формирования политической общности или хотя бы ее прообраза единая Европа не выживет. И Балибар приходит к тому же выводу, что и Розанваллон: «Необходимо создать политическую (а не только юридическую) форму, которая соединяла бы социальную власть и дееспособность правительства в условиях неопределенности с максимальным расширением

сферы реализации демократической конфликтности и возможности выражения разнонаправленных тенденций внутри европейского общества – самим условием легитимности» (Balibar, p. 59).

Один из британских комментаторов назвал Брекзит «английским делом Дрейфуса». Если эта аналогия верна, то ее можно применить и к французам. Большинство французских интеллектуалов сегодня окончательно разошлись в вопросе об отношении к проекту евроинтеграции, который успел превратиться в один из аспектов их политической самоидентификации. Не случайно нашумевший в свое время манифест историка и философа Д. Линденберга, в котором значительная часть французских интеллектуалов обвинялась в реакционизме и отступлении от идеи «открытого общества равных», специально акцентировал европейскую проблематику (Lindenberg, 2002). В глазах части интеллектуалов и ведомой ими общественности ЕС, несмотря на все неудачи проекта, до сих пор является безальтернативным для Франции ответом на вызовы эпохи глобализации. Евроинтеграция для них тождественна прогрессу, а вне прогресса у современного общества нет перспективы. Нет ничего хуже отказа от включения в процессы глобального развития. Весь пафос возмущения французских еврооптимистов через два дня после Брекзита выразил главный редактор газеты «Либерасьон» Л. Жоффрен: «Британцы говорят, что хотят стать свободной нацией, но они хотят быть закрытой нацией»¹⁹.

Их оппоненты в массе своей разочарованы современным прогрессом и тем, что он принес Франции. Подрыв экономических сил страны, деградация политической элиты, активно стремящейся

19 Joffrin L. Brexit: l'écran de fumée souverainiste. URL: http://www.liberation.fr/planete/2016/06/27/brexit-l-ecran-defumee-souverainiste_1462431 (Accessed 31.03.2017)

«глобализироваться», распад общественного организма, который больше не в силах сохранять культурное единство и интегрировать мигрантов, размывание самого «французского образа жизни» – все это является олицетворением для них нынешнего Европейского союза во главе с брюссельскими технократами. «Можно сделать вывод, – отмечает С. Хазаринг, – что новое размежевание между уверенной нацией и встревоженной нацией заменило собой старые разделения на классы, конфессии, идеологии и различные варианты региональной идентичности» (Hazareesingh, p. 265). Франция стоит перед судьбоносным историческим выбором, который определит траекторию развития страны в XXI в. Сможет ли интеллектуальное сообщество страны, которое сегодня расколото, консолидироваться перед лицом этого вызова? Этот вопрос остается открытым.

Список литературы

- Больш Н. (2014). *Размышление о неравенстве. Анти-Руссо*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 272.
- Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. (2010). *История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс*. Москва: URSS. 368.
- Манан П. (2004). *Общедоступный курс политической философии*. Москва: Московская школа политических исследований. 336.
- Розанваллон П. (2015). *Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость*. Москва: Московская школа гражданского просвещения. 304.
- Розанваллон П. (2014). *Общество равных*. Москва: Московская школа гражданского просвещения. 416.
- Тибо П. (2007). Безвольный прагматизм (Какой курс нужен Европе?). *Свободная мысль*, (1). 45–48.
- Токвиль А. де. (1992). *Демократия в Америке*. Москва: Прогресс. 554.
- Balibar E. (2012). De la crise grecque à la refondation de l'Europe? *Lignes*, 39 (3). 48–59. DOI: 10.3917/lignes.039.0048
- Barrès M. (1925). *Scènes et doctrines du nationalisme*. Vol. 1. Paris: Plon. 294.
- Blum L. (1971). *A l'échelle humaine*. Paris. 191.
- Finkelkraut A. (2013). *L'Identité malheureuse*. Paris: Stock. 240.
- Gauchet M. (2010). *A l'épreuve des totalitarismes. 1914–1974*. Paris. 672. DOI: 10.14375/np.9782070786244
- Gauchet M. (2014). *La crise du libéralisme. 1880–1914*. Paris. 320. DOI: 10.14375/np.9782070458844
- Gilles D. (1992). Jean-Marc Ferry et Paul Thibaud. Discussion sur l'Europe. *Compète rendu. Politique étrangère*, 57 (4). 949–950.
- Hampson N. (1968). *The Enlightenment*. London: Penguin. 304.
- Hazareesingh S. (2015). *How the French Think: An Affectionate Portrait of an Intellectual People*. New York: Basic Books. 352.
- Lapparent O. de (2009). L'identité européenne selon Raymond Aron: entre mythe et réalité. *Relations internationales*, 140 (4). 37–51. DOI:10.3917/ri.140.0037
- Lindenberg D. (2002). *Le Rappel à l'ordre: Enquête sur les nouveaux réactionnaires*. Paris: Le Seuil. 94.
- Manent P. (2006). *La Raison des nations. Réflexions sur la démocratie en Europe*. Paris: Gallimard. 112.
- Manent P., Paoli P.-F., Crépu M. (2011, Janvier). L'Europe évoque un empire sans empereur. *Revue des Deux Mondes*. 51–83.
- Rosanvallon P., Goldhammer A. (2008). *Counter-democracy. Politics in an Age of Distrust*. Cambridge: Cambridge University Press. 350. DOI: 10.1017/CBO9780511755835.020
- Rosanvallon P. (2002). Le déficit démocratique européen. *Esprit*, 288 (10). 87–100.
- Winock M. (1997). *Le siècle des intellectuels*. Paris: Le Seuil. 695.

References

Bol'c N. (2014). *Thoughts on Inequality. Anti-Russo*. Moskva: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki. 272.

Balibar E. (2012). De la crise grecque à la refondation de l'Europe? *Lignes*, 39 (3). 48–59. DOI: 10.3917/lignes.039.0048

Barrès M. (1925). *Scènes et doctrines du nationalisme*. Vol. 1. Paris: Plon. 294.

Blum L. (1971). *A l'échelle humaine*. Paris. 191.

Finkelkraut A. (2013). *L'Identité malheureuse*. Paris: Stock. 240.

Gajdenko P.P., Davydov Ju.N. (2010). *History and Rationality: Max Weber's sociology and Weber Renaissance*. Moskva: URSS. 368.

Gauchet M. (2010). *A l'épreuve des totalitarismes. 1914–1974*. Paris. 672. DOI: 10.14375/np.9782070786244

Gauchet M. (2014). *La crise du libéralisme. 1880–1914*. Paris. 320. DOI: 10.14375/np.9782070458844

Gilles D. (1992). Jean-Marc Ferry et Paul Thibaud. Discussion sur l'Europe. *Compète rendu. Politique étrangère*, 57 (4). 949–950.

Hampson N. (1968). *The Enlightenment*. London: Penguin. 304.

Hazareesingh S. (2015). *How the French Think: An Affectionate Portrait of an Intellectual People*. New York: Basic Books. 352.

Lapparent O. de (2009). L'identité européenne selon Raymond Aron: entre mythe et réalité. *Relations internationales*,

140 (4). 37–51. DOI:10.3917/ri.140.0037

Lindenberg D. (2002). *Le Rappel à l'ordre: Enquête sur les nouveaux réactionnaires*. Paris: Le Seuil. 94.

Manan P. (2004). *Public Course in Political Philosophy*. Moskva: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanii. 336.

Manent P. (2006). *La Raison des nations. Réflexions sur la démocratie en Europe*. Paris: Gallimard. 112.

Manent P., Paoli P.-F., Crépu M. (2011, Janvier). L'Europe évoque un empire sans empereur. *Revue des Deux Mondes*. 51–83.

Rosanvallon P., Goldhammer A. (2008). *Counter-democracy. Politics in an Age of Distrust*. Cambridge: Cambridge University Press. 350. DOI: 10.1017/CBO9780511755835.020

Rosanvallon P. (2002). Le déficit démocratique européen. *Esprit*, 288 (10). 87–100.

Rosanvallon P. (2015). *Democratic Legitimacy. Impartiality, Reflexivity, Proximity*. Moskva: Moskovskaya shkola grazhdanskogo prosveshcheniya. 304.

Rosanvallon P. (2014). *The Society of Equals*. Moskva: Moskovskaya shkola grazhdanskogo prosveshcheniya. 416.

Tibo P. (2007). Absolute Pragmatism (What Kind of Policy does Europe Need?). *Svobodnaya mysl'*, (1). 45–48.

Tokvil' A. de. (1992). *Democracy in America*. Moskva: Progress. 554.

Winock M. (1997). *Le siècle des intellectuels*. Paris: Le Seuil. 695.

Информация об авторе

Александр Александрович Вершинин, кандидат исторических наук, преподаватель, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119192, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский просп., 27-4
averchinine@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5206-8013

About the author

Alexander A. Vershinin, Cand. Sci. (Hist.), lecturer, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

27-4, pr. Lomonosovskiy, Moscow, Russian Federation, 119192
averchinine@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5206-8013

Социальные трансформации

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-87-105

Наталья Валерьевна ЕРЕМИНА

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, 199034,
Российская Федерация

Корни Брекзита: конфликт идентичностей в Соединенном Королевстве

АННОТАЦИЯ. Соединенное Королевство развивается благодаря периодически достигаемому политическому компромиссу, способному смягчить главное противоречие британской политической системы – дихотомию принципов верховенства парламента и регионального самоуправления. Оба принципа во многом связаны с самоидентификационными процессами, отражающими значение «британскости» и региональной (этнонациональной) идентичности в сознании и политической культуре граждан. Ситуация борьбы или примирения этих двух идентичностей была усложнена появлением общеевропейской идентичности после вступления Британии в общий рынок. Очевидно, что европейская идентичность усилила региональные идентичности, продемонстрировав этнонациональным сообществам преимущество «быть еще одним народом Европы», нежели просто национальным меньшинством внутри государства. Тем не менее «британскость» сохраняет позиции благодаря глобальному британскому проекту, подпитываясь от него, что и было доказано Брекзитом. Он тем не менее указал на очевидные разделительные

линии внутри государства, основанные на идентичностях, и на угрозу территориальной целостности Британии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идентичность, этнонациональные политические силы, конфликт, регионализация, деволюция, европейская интеграция, Брекзит, Великобритания, Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия, Англия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Еремина Н. В. (2017). Корни Брекзита: конфликт идентичностей в Соединенном Королевстве. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (1). 87–105. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-87-105

Social Transformations**Natalia V. EREMINA**

Saint Petersburg University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russian Federation, 190034

The Roots of Brexit: Conflict of Identities in the United Kingdom

ABSTRACT. *The United Kingdom has been developing due to political compromise that has a positive impact over British political system to solve dichotomy between the principles of Parliament sovereignty and regional home rule. These principles seriously depend on self-identification processes that reflect significance of Britishness and ethno-national (regional) identities in consciousness and political culture of citizens. Struggle or reconciliation of the identities was complicated after Great Britain had become a member of European Common market. It is evident that European identity has enforced regional ones, for it is better to be a people among other peoples in Europe than just an ethno-national minority in the state. However, Britishness keeps its positions due to British global project, and it was proved by Brexit. Anyway, Brexit revealed demarcation lines, based on identities, and the threat of territorial integrity of the United Kingdom.*

KEYWORDS: *identity, ethno-national political forces, conflict, regionalization, devolution, European integration, Brexit, Great Britain, Scotland, Wales, Northern Ireland, England*

FOR CITATION: Eremina N. V. (2017). The Roots of Brexit: Conflict of Identities in the United Kingdom. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (1). 87–105. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-87-105

Введение: особенности политического развития Соединенного Королевства

Государственность и политическая система Соединенного Королевства исторически развивается в контексте дихотомии «англосаксы и кельты» или «центр – этническая (кельтская) периферия» (Hechter, 1999, p. 4–8; Leoussi, 2006, p. 21–24). Этнонациональные (кельтские) регионы прошли эволюцию независимой государственности до формирования единого политического пространства, соединившись с Англией, после чего их общественно-политическое развитие оказалось интегрировано в единую британскую политическую систему. Тем не менее ее нельзя назвать унифицированной, так как этнонациональные регионы сохранили собственную политическую культуру, базирующуюся на существующих культурно-территориальных дифференциациях.

Поэтому кельтский национализм и реализация права на гомруль (самоуправление) этнонациональных регионов стали важнейшими для государственного развития Соединенного Королевства. При этом, если в Ирландии речь шла о самостоятельности и независимости, в Уэльсе – о широкой автономии, в Шотландии происходила постепенная ради-

кализация умонастроений и требований – от автономии до сецессии. Вопрос противостояния культур и интересов центра с кельтскими регионами отчетливо проявляется и в настоящее время. Перед центром встала дилемма: продолжать централизацию или признать существующие регионализмы. Данная дилемма сформировала главное противоречие британской политической системы: противостояние принципа парламентского верховенства и регионального самоуправления, которую стали решать этнорегиональные партии.

Идентичности Соединенного Королевства: «шотландскость», «валлийскость», «(северо) ирландскость», «английскость», «британскость»

Соединенное Королевство исторически развивалось как централизованное государство, что предполагало формирование общегосударственной идентичности («британскость») и максимальное ослабление кельтских этнонациональных (региональных) идентичностей в стране, что, однако, не уничтожило этнонациональную идентичность населения кельтской периферии. В настоящее время «шотландскость», «валлийскость», «ирландскость» существуют и развиваются как осознаваемые идентичности, которые разделяет большая часть населения кельтских регионов. При этом важно, что те, кто идентифицирует себя, прежде всего, как шотландцев, валлийцев, ирландцев, также подчеркивают свою «европейскость» в противовес «британскости».

Например, довольно симптоматично, что респонденты по всему Соединенному Королевству связывают свою идентичность именно со страной проживания (регионом), а не с Британией в целом (60% против 25%), или заявляют о равнозначности этих понятий, но не ассоциируют себя исключительно с Соединенным Королевством. В Шотландии, по данным 2014 г., только 8% респондентов заявили о своей британской идентичности (для сравнения: в Уэльсе таких набралось 17%, в Англии – 19%, а в Северной Ирландии – 40%); 18% шотландцев рассказали о двойной самоидентификации (для сравнения: в Уэльсе об этом заявили 7%, в Англии – 9%, а в Северной Ирландии – 8%)¹. Важно, что эти показатели практически не меняются на протяжении времени.

Если говорить отдельно по кельтским регионам, то 83% жителей Шотландии чувствуют себя, прежде всего, шотландцами. При этом 94% рожденных в Шотландии выбирают шотландскую идентичность как единственную или как наиболее важную среди других идентичностей. При этом респонденты описывают «шотландскость» в очень положительных терминах, указывая на открытость и лояльность общества².

Помимо этого довольно часто британские исследователи, сравнивая шотландскую и английскую идентичности, традиционно отмечают силу шотландской и слабость английской. Кроме того, шотландцы ассоциируют себя с Европой, а не с Британией, притом что в корреляции «шотландцы»-«европейцы» нет ничего вызывающего споры или вопросы, в то время как они возникают при упоминании связки «шотландцы»-«британцы»³.

1 National identity and ethnicity in Scotland. ESRC Centre on dynamics of ethnicity. URL: <http://www.ethnicity.ac.uk/medialibrary/briefings/dynamicsofdiversity/code-census-briefing-national-identity-scotland.pdf> (Accessed 23.03.2017)

2 Ibid.

3 Weber V. Scottish, English, British, European identities: a literature review. PP.1-2. URL: http://www.sociology.ed.ac.uk/youth/docs/v_webers_lit_rev.pdf (Accessed 23.03.2017)

Если говорить об Уэльсе, то 58% населения идентифицируют себя исключительно как валлийцы и только 7% называют себя и валлийцами, и британцами одновременно. При этом определение «валлийскости» связано и базируется на знании валлийской культуры и гэльского языка. Поэтому те, кто знает и разделяет валлийскую культуру и язык, в большей степени выбирают только валлийскую идентичность и не называют себя британцами. Валлийцы также полагают, что они, прежде всего, европейцы, а уже потом британцы⁴.

В Северной Ирландии идеи «британскости» исключительно важны для протестантской части населения, а североирландских протестантов можно назвать большими британскими патриотами, нежели англичан. Но при этом большинство жителей Северной Ирландии также называют себя европейцами. И в этом смысле протестанты и католики имеют общие позиции. Парадоксальным образом выясняется, что «британскость» североирландца отличается от «британскости» англичанина. В 2011 г. пятая часть населения региона определила свою идентичность как североирландскую. В этом отношении ситуация улучшилась и с точки зрения связей между протестантами и католиками, так как в 1998 г. только лишь 10% католиков заявили о своей «британскости» (Ward, 2004). На период 2014–2015 гг. североирландцами себя называли 29% населения, четверть – ирландцами (25%), 2/5 – британцами (40%)⁵.

Важно то, что «британскость» уже не разделяют даже сами англичане. Из них 3/5 говорят, что они англичане, а не британцы. Меньше десятой доли населения Англии выбирают двойную идентичность⁶. 72% называют себя исключительно англичанами, а 58% – скорее англичанами, нежели британцами⁷. И вот как раз «английскость» в отличие от «шотландскости», «валлийскости» и «ирландскости» связана уже с евроскептицизмом (Kumar, 2003).

Очевидно, что «британскость» переживает трансформацию, поскольку на нее одновременно воздействуют некоторым образом объединенные европейская и этнонациональные идентичности. «Британскость» связана с историей страны, с экспансией и мировым лидерством. Она основывается на уникальном географическом положении Британии, неписаной конституции, богатой истории со статусом морской сверхдержавы, тесных связях со всем миром. Эти факторы и конструируют британскую идентичность, а в кризисные моменты они всегда звучат наиболее сильно.

Сами британцы, раскладывая «британскость» на элементы, указывают, что ее опорами являются протестантизм, империя, тяжелая промышленность, уходящие в прошлое, притом что новых скреп не появляется (Mann, 2014, p. 151–173)⁸.

Именно в стремлении сохранить «британскость», основанную на демократических ценностях и единстве четырех наций (англичан, шотландцев, валлийцев

4 Welsh identity. URL: <http://www.ethnicity.ac.uk/medialibrary/briefings/dynamicsofdiversity/code-census-briefing-national-identity-wales.pdf> (Accessed 23.03.2017)

5 Northern Ireland identity. URL: http://www.niassembly.gov.uk/globalassets/documents/raise/knowledge_exchange/briefing_papers/series4/northern_ireland_identity_garry_mcnicholl_policy_document.pdf (accessed 23.03.2017)

6 British identity. URL: <http://www.ethnicity.ac.uk/medialibrary/briefingsupdated/who-feels-british.pdf> (Accessed 23.03.2017)

7 English national identity. URL: <http://www.walesonline.co.uk/news/wales-news/rise-english-national-identity-threatening-4880115> (Accessed 23.03.2017)

8 Hunt T. Labour must embrace Englishness // The Guardian. 5 February 2016. URL: <https://www.theguardian.com/commentis-free/2016/feb/05/labour-embrace-englishness-proud-patriotism> (Accessed 23.03.2017)

и ирландцев), были выработаны деволюционные модели. Они и должны были на практике подтвердить крепость британского союза и готовность политической системы к демократическим преобразованиям.

Этнонациональные политические силы в Соединенном Королевстве

Тем не менее главным фактором в проведении деволюции стали национальные силы регионов. В Северной Ирландии проблема этнического национализма выражается в противостоянии католической и протестантской общин, поэтому данный сюжет мы рассмотрим ниже, сконцентрировавшись, прежде всего, на ситуации в Уэльсе и Шотландии. Там позиции населения, желающего «переформатирования», выражают две национальные партии: Шотландская национальная партия и П. Камри.

Шотландская национальная партия (ШНП) 6 мая 2016 г. в третий раз подряд одержала победу на выборах в парламент региона. Во многом именно благодаря шотландским националистам можно отметить постоянный рост положительного отношения к деволюции жителей региона (McTavish, 2016). Более того, население Шотландии воспринимает ШНП как выразителя интересов шотландцев, что прямо согласуется с самоидентификационными процессами в регионе.

Так, согласно данным BBC, уже в 2009 г. 41% опрошенных шотландцев по-

лагали, что деволюция – это положительный фактор в жизни региона, при этом 46% считали, что она не принесла серьезных изменений, но только 9% выступали против нее⁹. Вопрос независимости оказывается наиболее сложным для населения региона. Согласно опросам 2009 г., 58% населения региона поддержали идею проведения референдума о независимости, хотя при этом 54% не желали немедленного получения независимости, а 38% выступали за обретение независимости в течение двадцати лет¹⁰.

Однако накануне референдума о независимости Шотландии 18 сентября 2014 г. число тех, кто выступал за независимость, практически сравнялось с числом тех, кто отстаивал идею единства с Соединенным Королевством. Тем не менее около 55% граждан проголосовали за статус-кво, в то время как 45% высказались в поддержку идеи независимости¹¹.

Несмотря на итоги, данный референдум можно считать большой политической победой шотландских националистов. Во-первых, они подтвердили значимость своей повестки дня в регионе. Более того, после референдума многократно возросло число членов партии. И сейчас это третья по численности партия в Соединенном Королевстве¹². Во-вторых, шотландские националисты добились уступок со стороны центрального правительства для углубления деволюции (Mitchell, 2014, p. 300)¹³.

Соответственно, референдум 2014 г. подтвердил расстановку политических сил в регионе. А шотландские националисты восприняли его итоги как под-

9 June 2009. Devolution backed 41 % of Scots. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/in_depth/scotland/2009/devolution_decade/default.stm (Accessed 23.03.2017)

10 Scots want an independence vote. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/in_depth/scotland/2009/devolution_decade/default.stm (Accessed 23.03.2017)

11 Scottish referendum 2014 results. URL: <http://www.bbc.com/news/events/scotland-decides/results> (accessed 23.03.2017)

12 SNP Manifest 2015. URL: <http://votesnp.com/docs/manifesto.pdf> (Accessed 23.03.2017)

13 Scottish independence: Cameron, Miliband and Clegg sign 'No' vote pledge. URL: www.bbc.com/news/uk-scotland-scotland-politics-29213418 (Accessed 23.03.2017)

готовку к следующему референдуму о независимости Шотландии, в то время как консерваторы и лейбористы были напуганы его результатами. Поэтому данный референдум можно считать фактором, влияющим на возможность осуществления следующего референдума о независимости региона, так как он подтвердил на практике легитимность идеи независимости Шотландии. Помимо этого неготовность центрального правительства согласиться с идеей федерализации государства также можно считать обстоятельством, поддерживающим националистические устремления жителей Шотландии. Дополнительным фактором, благоприятствующим новому референдуму о независимости, стал Брекзит, поскольку 62% шотландцев поддержали идею членства в ЕС и только 38% высказались за выход из Евросоюза¹⁴. Разрыв в пользу сохранения членства в ЕС оказался наибольшим среди всех британских регионов.

В Уэльсе ситуация с поддержкой как деволюции, так и идеи независимости противоречива. Дело в том, что на региональных выборах победу неизменно получают лейбористы, а не националисты из П. Камри, которые идут вторыми в списке партий, заседающих в ассамблее Уэльса. Это довольно четко характеризует позиции граждан.

При этом важно отметить постепенный, хотя и медленный рост поддержки деволюции со стороны населения региона. Первоначально в 1997 г. в Уэльсе идея деволюции не встретила максимальной

поддержки, как это было в Шотландии (50,1% в Уэльсе и 74,3% в Шотландии)¹⁵. В 2000 г. чуть больше 8% полагали, что Уэльс должен стать независимым от Соединенного Королевства, но остаться в рамках ЕС. Почти 3% высказалось за независимость. Таким образом, в совокупности только 11% населения желало независимости региона¹⁶.

Постепенно данные позиции изменились. Население региона стало воспринимать ассамблею как инструмент, эффективно решающий местные проблемы. В феврале 2009 г. был впервые достигнут значительный перевес голосов «за» над голосами «против». При этом 39% опрошенных поддержали полноценный парламент, но в составе Соединенного Королевства, 10% выступили за парламент без налоговых компетенций, 8% – за самостоятельный парламент в ЕС, но вне Соединенного Королевства, 5% – за собственный парламент вне Соединенного Королевства и ЕС¹⁷. В дальнейшем рост поддержки полноценного парламента достиг 53%¹⁸.

Однако по-прежнему деволюционная модель Уэльса остается до конца неурегулированной, поэтому деволюция здесь будет получать все более и более актуальное значение. Одновременно с этим все больший вес будут приобретать партии, настаивающие на политических изменениях, что позволяет прогнозировать усиление позиций либеральных демократов и лейбористов, не говоря уж о националистах.

Притом что в настоящее время, на период весны 2017 г., только 6% жителей Уэльса выступают за выход из состава

14 EU Referendum. Results. URL: http://www.bbc.com/news/politics/eu_referendum/results (Accessed 23.03.2017)

15 Devolution Referendum in Scotland and Wales. URL: <http://openlearn.open.ac.uk/nod/resource/view.php?id=177045> (Accessed 23.03.2017)

16 Andersen R. National Identity and Independence Attitudes: Minority Nationalism in Scotland and Wales. P.2. URL: <http://www.crest.ox.ac.uk/papers/p86.pdf> (Accessed 23.03.2017)

17 Majority Back Law-Making Assembly. February 2009. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/wales/wales_politics/8541797.stm (Accessed 23.03.2017)

18 Labour Extends Wales Poll Lead Over Tories // http://www.southwalesargus.co.uk/news/5043765.Labour_extends_Wales_poll_lead_over_Tories/ (Accessed 23.03.2017)

Соединенного Королевства, Уэльс может рассмотреть вопрос о проведении референдума о независимости в случае, если Шотландия все же отделится от Великобритании, как полагает лидер П. Камри Л. Вуд. В то же время 44% опрошенных валлийцев считают необходимым наделение Национальной ассамблеи Уэльса большими полномочиями в упреждение этой проблемы¹⁹. Огромную роль в обсуждении данного вопроса сейчас играет Брекзит, так как валлийское общество разделилось почти поровну в ходе референдума: 53% поддержали Брекзит, а 47% проголосовали за то, чтобы остаться в составе ЕС. И именно районы, расположенные дальше всего от английской границы и в которых высока поддержка националистов, голосовали за то, чтобы остаться в составе ЕС. При этом благодаря отсутствию валлийских массмедиа английская повестка легко превращается в валлийскую, что в основном и обеспечило Брекзит в Уэльсе²⁰.

В Северной Ирландии вопросы как деволюции, так и независимости оказывают серьезное воздействие на межобщинное согласие.

Крупнейшими соперничающими партиями региона, вынужденными вступать в диалог друг с другом, являются Ольстерская юнионистская (ОЮП), Демократическая юнионистская партии (ДЮП) и партия «Шинн Фейн» (ШФ), представляющие, соответственно, интересы протестантского (юнионистские партии) и католического населения (Wolff, 2007, p. 168–169).

Хотя формально североирландская ассамблея выглядит, согласно документам, более независимой по сравнению с валлийской моделью, на практике она оказывается весьма неустойчивой и зависимой не столько от законодательных распоряжений центра и региональных органов власти, сколько от психологических ожиданий населения. Однако сама идея деволюции была признана в качестве важного инструмента поиска согласия. Так, опросы общественного мнения в Северной Ирландии показали, что подавляющее большинство граждан полагает, что деволюция – это лучшее средство для управления в регионе²¹. Тем не менее в 2002 и 2006 гг. ассамблея периодически переставала работать из-за межпартийных конфликтов.

Согласно данным 2014 г., большинство населения поддерживало сложившийся статус-кво и деволюционные институты. И только 21% выступил за независимость региона и воссоединение с Республикой Ирландия²².

После Брекзита «Шинн Фейн» получила новые возможности для призывов к независимости. Ведь в июне 2016 г. за сохранение Соединенного Королевства в составе ЕС проголосовали 56% жителей Северной Ирландии²³. При этом Северная Ирландия экономически тесно связана с Республикой Ирландия. Сначала о независимости заявил М. Макгиннесс, заместитель первого министра, представитель партии «Шинн Фейн». Сейчас новый лидер партии, М. О'Нил, обосновала задачу провести вслед за Шотландией

19 Международная панорама. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4092284> (Accessed 23.03.2017)

20 Referendum Vote. URL: <http://www.independent.co.uk/voices/brexit-wales-eu-referendum-vote-leave-uk-ignored-by-westminster-a7102551.html> (Accessed 23.03.2017)

21 Lawther S., Evans K. Public Perceptions of the Executive. 2010. URL: <http://northernireland.gov.uk/opinion-poll.pdf> (Accessed 23.03.2017)

22 Tannem E. Brexit and the Future of the United Kingdom. 12 July 2016. URL: <https://www.tcd.ie/ise/news/Rome-paper.pdf> (Accessed 23.03.2017)

23 Ирландские националисты призвали к референдуму об отделении Северной Ирландии от Британии. 14 марта 2017. URL: <http://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKBN16L050-ORUTP> (Accessed 23.03.2017)

референдум о выходе Северной Ирландии из Соединенного Королевства. И действительно, именно после Брекзита выросло число тех граждан, кто поддерживает «Шинн Фейн», хотя не менее 60% жителей Северной Ирландии желают остаться в составе Соединенного Королевства²⁴.

Брекзит нарушил согласие между партиями и способствовал политическому кризису в регионе. На мартовских выборах 2017 г. победила ДЮП, но ШФ отстала от нее всего на одно место. Поэтому очень многое зависит от компромисса между этими политическими силами. Но они имеют радикально полярное мнение о будущем региона, что не дает возможности надеяться на политическую стабильность.

Брекзит поставил вопрос не только о «британскости» в соотношении с региональными идентичностями, но и о необходимости дальнейших конституционных преобразований в стране в контексте углубления деволюции.

Деволюционные модели как признание этнонациональных идентичностей: региональные особенности

Ответ на вопрос этнического национализма могла дать только деволюция, которая должна была иметь определенные сходства с федерализмом, чтобы решить проблемы управления эффективно (Еремина, 2011а, 2011b) и избежать этнополитических конфликтов. При этом эксперты полагали, что деволюция не обязательно ведет к развалу государства. Так, Дж. П. Макинтош доказывает, что деволюция вовсе не означает немедлен-

ную независимость этнонациональных регионов (Mackintosh, 1968, p. 181).

В 1999 г. начали свою работу законодательные и исполнительные органы власти в кельтских регионах. Однако это событие не стало финальным в длительной деволюционной истории, напротив, торжественное открытие региональных институтов власти оказалось отправной точкой для новой дискуссии, в процессе которой для обсуждения возникало множество вопросов, начиная от проблемы их должного функционирования и заканчивая законодательной деятельностью и эффективностью работы исполнительной власти.

В отношении шотландского парламента отметим, что он получил больший набор возможностей для самостоятельного принятия решений, нежели ассамблея в Уэльсе, включая активные инструменты влияния на развитие регионального бизнеса и привлечение инвестиций. Помимо этого численность парламента в 129 человек, объединенных для работы в комитетах, и тесная рабочая кооперация парламента с правительством, обеспеченная поддержкой членами парламента первого министра, создают условия для стабильной законодательной деятельности на благо региона. Таким образом, здесь формируется стиль управления, характерный для самостоятельной нации.

В Уэльсе представители ассамблеи вынуждены прибегать к процедуре согласования своих позиций с соответствующими министерствами страны и общегосударственным парламентом для окончательного принятия решений, а значит, часто апеллируют к государственному министру по делам Уэльса. Помимо этого состав ассамблеи из 60 человек признан недостаточным для пол-

24 Северная Ирландия не сформировала правительство. 27 марта 2017. URL: <https://ria.ru/world/20170327/1490894472.html> (Accessed 23.03.2017)

ноценной законодательной деятельности по всем сложным вопросам, стоящим перед регионом. Это формирует управленческий стиль, свойственный локальному периферийному политическому институту, где существенным становится поиск баланса интересов между центром и регионом и между законодательной и исполнительной властью.

Компетенции шотландского парламента в большей степени сравнимы только с полномочиями североирландской ассамблеи, хотя они и не идентичны, так как исполняются в разных институциональных условиях. Деволюция в Северной Ирландии отличается своими механизмами пропорционального правительства и сотрудничеством с Республикой Ирландия.

Процесс деволюции в Шотландии можно разделить на два этапа: первый этап, обозначенный изданием Акта о Шотландии, начинается практическую реализацию деволюционных идей с 1998 г.²⁵ Данный этап продлился до 2007 г. А с 2007 г. был открыт новый этап деволюции, связанный с приходом к власти в регионе шотландских националистов, со стартом общественного диалога в отношении существующей модели деволюции и с поиском новых путей ее реформирования.

Новая модель законодательной власти имеет значительные отличия от Вестминстера: парламент состоит из одной палаты и избирается на основе смешанной мажоритарно-пропорциональной системы. Парламент Шотландии был наделен полномочиями по законодательному, а подотчетное ему правительство – по административному регулированию сво-

ей политики в таких областях, как здравоохранение, образование, отношения с органами местного самоуправления, социальное обслуживание, жилищное строительство, экономическое развитие и транспорт, охрана окружающей среды, сельское хозяйство, рыболовство, спорт, культура и искусство, частично наука и статистика. Парламент также получил право менять налоговую ставку на три пенса.

На втором этапе были разработаны идеи развития деволюции шотландскими националистами и Комиссией Калмана. Если будущее Шотландии в докладе Национальной партии связано с формированием самостоятельного и независимого государства в составе Европейского союза, то доклад Комиссии Калмана говорит о компромиссе региона и центра. После референдума о независимости Шотландии в 2014 г. новая комиссия – Комиссия Смита – подготовила рекомендации по делегированию властных полномочий от Вестминстера парламенту и правительству Шотландии. В число таких рекомендаций входили положения, связанные со сбором налогов и налогообложением, избирательным правом, регулированием безработицы, лицензированием деятельности по добыче нефти и газа, вопросами социального обеспечения²⁶.

Вместе с тем их довольно сложно реализовать на практике. Так, идеи фискального федерализма, столь важные для улучшения качества работы шотландского парламента, невозможно осуществить без параллельных изменений на уровне Соединенного Королевства в целом и признания состоявшейся федерализации в стране²⁷, что, очевидно, не будет сдела-

25 Scotland Act 1998. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/46/contents> (Accessed 23.03.2017)

26 The Implementation of the Smith Agreement – Scottish Affairs Contents. URL: www.publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmscotaf/835/83504.htm#a1 (Accessed 23.03.2017)

27 Atkin K. Fiscal Federalism needed to implement Smith's reforms // Public Finance. 30 April 2015. URL: <http://www.publicfinance.co.uk/news/2015/04/fiscal-federalism-needed-implement-smith-reforms-says-cuthbert> (Accessed 23.03.2017)

но. При этом деятельность законодательной и исполнительной власти Шотландии ограничена многочисленными проверками на предмет конституционности выносимых на обсуждение биллей, и в любое время эта деятельность может быть отменена или отменена Вестминстером.

В Уэльсе деволюция весьма существенно отличается от шотландской, представляя так называемую модель исполнительной деволюции, которая была заложена в Акте об управлении Уэльсом 1998 г. Здесь практически не стояла проблема организации тесной связи с центром, поскольку Уэльс и население региона не выделяли себя из сложившейся системы управления, рассматривая деволюцию как новый вариант упрочения взаимоотношений с центром и повышения их эффективности.

Однако нельзя не отметить: со стороны Национальной партии Уэльса высказывалось мнение, что существует необходимость пересмотреть меморандум понимания между администрацией Уэльса и Уайтхоллом. Более того, председатель ассамблеи лорд Д. Элис-Томас подчеркивал, что проблема деволюционного развития в Уэльсе (и не только там) заключается в том, что в Вестминстере еще не осознают, что Соединенное Королевство – это федеративное государство, помимо этого, с его точки зрения, центру необходимо в большей степени уделить внимание деволюционным вопросам²⁸.

В отношении развития деволюционной модели Уэльса можно выделить две фазы деволюции: первый этап начался в 1998 г., когда были учреждены основы Национальной ассамблеи и правительства ассамблеи, которые, по сути, не были разделены.

Второй этап деволюции был открыт новым Актом 2006 г., когда произошел пересмотр основных позиций, приведший к признанию правительства валлийской ассамблеи и ее исполнительных функций, ее отличия от законодательного института (Национальной ассамблеи Уэльса). Однако пересмотр позиций отношений «центр-регион» оказался более сложным. Вестминстер в основном продолжает издавать первичное законодательство для Уэльса. При этом у Уэльса несколько зон ответственности – сельское хозяйство, образование, окружающая среда, социальные службы, спорт, туризм, городское и загородное планирование, транспорт, языковая политика, но без точного разделения компетенций, как это свойственно федеративным системам (Alistair, 2006, p. 63).

Тем не менее Акт 2006 г. стал важным шагом вперед, отделив правительство от ассамблеи и сделав первое подотчетным второму²⁹. При этом острота дискуссии о развитии деволюции, о степени, в которой Уэльсу были делегированы компетенции, остается.

Совершенно иной, уникальный случай деволюционного развития представляет собой пример Северной Ирландии, так как здесь она выступила органичным продолжением политики установления мира между протестантским юнионистским большинством и республиканским католическим меньшинством. С 1994 г., а затем и после прекращения огня в 1997 г. возникли новые возможности для установления мира и, соответственно, для деволюции.

Деволюционные постановления для Северной Ирландии стали частью более грандиозных по замыслу и характеру ре-

28 Whitehall lacks devolution understanding, say MPs // BBC News. 26 March 2010. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/wales/wales_politics/8587536.stm (Accessed 23.03.2017)

29 Government of Wales Act 2006. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/32/> (Accessed 23.03.2017)

шений, известных как Белфастское соглашение (или Соглашение Страстной Пятницы) (McGowan and Murphy, 2003). Именно благодаря этому в Северной Ирландии начала действовать ассамблея. Согласно Акту 1998 г. были установлены три категории функций для североирландской ассамблеи: делегируемые (transferred), сохраненные (reserved) и исключенные (excepted).

Делегируемые функции означают фактически те сферы, в рамках которых ассамблея может принимать независимые решения (здравоохранение, общественная безопасность, социальное развитие, торговля, предпринимательство, инвестиции, окружающая среда, культура, искусство, занятость, региональное развитие, сельское хозяйство и периферийное развитие, финансы). Сохраненные компетенции – это те компетенции, которые могут быть в случае необходимости переданы ассамблее. Сохраненные компетенции представляют широкий спектр сфер, в отношении которых обязательны консультации с центром. Исключенные компетенции остаются только за парламентом Соединенного Королевства.

Компетенции североирландской ассамблеи и правительства получили дальнейшее развитие в рамках Акта 2006 г. (Акт св. Андрея)³⁰. Он усилил права и обязанности региональных министров. Следующей попыткой упрочить деволюцию в Северной Ирландии стало подписание Соглашения в Хиллсборо в 2010 г. Его отличительная черта – стремление подтвердить и укрепить принципы вза-

имодействия и согласия. Поэтому в рамках Соглашения предусмотрено создание множества рабочих групп³¹. Но по-прежнему основные сложности для деволюции в Северной Ирландии представляет необходимость межобщинного компромисса³².

Помимо этого очевидно, что Брекзит можно считать точкой отсчета нового этапа в осмыслении деволюции и ее углубления во всех регионах Соединенного Королевства.

Но стала ли деволюция устойчивым элементом британской системы управления или все еще стоит особняком? Созданные институты задают собственную динамику роста и рамки для дальнейших изменений. Складывающаяся система принятия решений все в большей степени свидетельствует о развитии признаков федерализма в Соединенном Королевстве (Trench, 2004; Jeffery, 2007; Jeffery, Wincott, 2006).

Но на перспективы деволюции влияют слишком многие факторы.

Например, серьезное влияние на них оказывает ситуация вокруг крупнейшего региона страны – Англии, в которой проживает 84% населения и которая вносит 85% вклада в ВВП всего государства. В этих условиях Англия всегда сможет влиять на периферию, сохраняя политическую стабильность государства или создавая условия для ее разрушения³³.

Серьезное воздействие оказывает и фактор отсутствия должной «английской деволюции». Для Англии деволюцию понимают как ослабление централизации и жесткого политического контроля, как

30 Northern Ireland Act 2006. URL: http://www.niassembly.gov.uk/transitional/info_office/Act.pdf (accessed 23.03.2017)

31 Agreement at Hillsborough Castle 5 February 2010. URL: http://www.nio.gov.uk/agreement_at_hillsborough_castle_5_february_2010.pdf (Accessed 23.03.2017)

32 См.: Politics of Ireland: Irish nationalism. London: LLC Books, 2010. P. 160.

33 Jeffery Ch. Devolution in the United Kingdom: Ever Looser Union? URL: <http://www.budrich-journals.de/index.php/dms/article/view/2875/2410>. P. 96; Owen Connellan. Land Value Taxation in Britain: Experience and Opportunities. Chapter 15: Political Prospects and Feasibility. P. 3–4. URL: <http://www.lincolninst.edu/subcenters/property-valuation-and-taxation-library/dl/connellan.pdf> (Accessed 23.03.2017)

передачу дополнительных компетенций на места – в различные регионы и города, которым позволено выбирать своих мэров. Поэтому идея учреждения английского парламента и должности английского первого министра не стоит на повестке дня. При этом население кельтских регионов Соединенного Королевства в большинстве (54%) одобряет идею создания английского парламента.

И для многих политических деятелей эта задача представляется важной. Например, ряд лейбористов предлагают через создание английского парламента сбалансировать систему управления, хотя в самом манифесте Лейбористской партии нет ответа на вопрос об английской деволюции³⁴. Члены Консервативной партии, по крайней мере, предлагают предоставить английским парламентариям право вето по вопросам, относящимся именно к Англии³⁵. Четкую позицию здесь также занимает партия, олицетворяющая Брекзит, Партия независимости Соединенного Королевства, для которой «английскость» и есть «британскость». В манифесте 2015 г. она также указала на необходимость дать английским парламентариям право налагать вето при обсуждении английских дел³⁶. Но при этом сами англичане относятся скептически к английской деволюции. Так, в ходе двух референдумов 2004 и 2012 гг. 9 из 11 человек отказались от идеи выборов мэров³⁷.

Поэтому и политическая постдеволюционная система не может носить интегративный характер. Перед правительством стоит задача найти скрепляющие

идеи, разделяемые всеми гражданами, – новые идеи «британскости».

Следующий вопрос: как деволюция повлияла на национализм?

А. Тренч, например, считает, что деволюция «убила» национализм (Trench, 2004). Однако кельтское национальное движение, являясь действительно мощным политическим и культурным фактором в стране, имеет все возможности оказывать влияние на трансформацию государственной структуры, управление или даже способно совершенно изменить положение Великобритании, если иметь в виду сецессию этнонациональных регионов (Ragin, 1979, p. 619). Это говорит о значимости понятия «кельтскости» для этнорегиональных идентичностей государства (Davies, 2003).

Европейская интеграция как фактор регионализации и обострения национальной проблемы в Соединенном Королевстве

Евроинтеграция стала опорой для этнорегиональных сообществ с середины 1970-х гг., когда они осознали для себя финансовую и политическую привлекательность интеграционного проекта. Коммунитарная политика, с одной стороны, способствует росту этнического национализма и регионализма, но с другой – облекает эти движения в более приемлемую политико-правовую форму и позволяет реализовывать концепцию «Европы ре-

34 Hunt T. English Parliament would balance democratic deficit // The Guardian. 6 February 2016. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/feb/04/england-should-be-offered-own-parliament-to-overcome-uks-democratic-deficit>; Denham J. Labour can speak for England // <http://www.progressonline.org.uk/2016/05/23/labour-can-speak-for-england/>

35 Conservative Party manifesto 2015. P.69-70. URL: <https://s3-eu-west1.amazonaws.com/manifesto2015/ConservativeManifesto2015.pdf> (Accessed 23.03.2017)

36 UKIP Manifesto 2015. P. 56. URL: <https://d3n8a8pro7vnm.cloudfront.net/ukipdev/pages/1103/attachments/original/1429295050/UKIPManifesto2015.pdf?1429295050> (Accessed 23.03.2017)

37 Cameron elected mayors plan is rejected. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2012/may/04/cameron-elected-mayors-plan-rejected> (Accessed 23.03.2017)

гионов», связанную с конструированием региональной коллективной идентичности³⁸. Она отчетливо продемонстрировала себя в конце 90-х гг. XX в. и в начале XXI в.

В направлении приобретения этническими региональными меньшинствами политических возможностей для защиты своей идентичности действуют Хартия регионализма, принятая Европейским парламентом в 1988 г., а также Совет общин и регионов Европы и Собрание регионов Европы, цель которых состоит в укреплении политического представительства регионов на всех уровнях.

Опору европейской идентичности представляют не столько государства, сколько именно широкие группы регионов этих государств, т.к. они заинтересованы в решении существующих социально-экономических проблем за счет финансовых ресурсов ЕС, а также повышения своего статуса в рамках общего европейского пространства. Поэтому, несмотря на культурные особенности, оберегаемые этнорегиональными сообществами, именно они готовы в первую очередь поддержать европейские инициативы и называть себя европейцами.

А что же значит «европейскость» и что представляет собой европейская идентичность?

Европа – это, прежде всего, ценности (Nugent, 2004), среди которых граждане ЕС называют толерантность, мир, права человека, индивидуальные свободы, демократию, равенство и т.п.³⁹. Однако в Соединенном Королевстве идею евро-

интеграции не столь четко и жестко увязывали с идеей «европейскости» и формированием европейской идентичности (Buzan, Weaver, 2003, p. 363), так как цели политического лидерства и решения экономических проблем стали причинами вступления страны в общий рынок в 1973 г. (Jacquemin, Wright, 1993, p. 424–459).

Важно, что уровень «европейскости» всегда выше там, где достаточно высок и уровень осознания населением региональной этнонациональной идентичности. Например, в Великобритании в целом (прежде всего, в Англии) понятие «европейскость» часто воспринимается настороженно, в то время как в национальных регионах евроинтеграция встречает неизменное одобрение. Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия открыли собственные представительства в Брюсселе, активно участвуют в работе Комитета регионов и в Европарламенте.

Финансовая помощь ЕС этнонациональным регионам Соединенного Королевства представляется существенной для их развития. Особенно большая поддержка предназначена для тех регионов, которые сталкиваются с целым рядом структурных проблем. Например, Уэльс получил от ЕС субсидии в размере 2,7 млрд евро на период с 2014 по 2020 г.⁴⁰. Шотландии на этот же период предназначено 5 млрд евро⁴¹. И около 3,5 млрд евро было определено для Северной Ирландии⁴².

При этом, невзирая на выход Соединенного Королевства из ЕС в результате Брексита, британское правительство гарантировало полные выплаты своим ре-

38 Olsson A. (2007). Regional Minority Nationalist Attitudes toward European Integration. URL: <http://councilforeuropeanstudies.org/files/Papers/Olsson.pdf> (Accessed 23.03.2017)

39 The Promise of the EU. Aggregate report. Eurobarometer Qualitative study. European Union, 2014. P. 4 (73). URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/qual/q1_6437_en.pdf (Accessed 23.03.2017)

40 EU funding in Wales. URL: <http://gov.wales/funding/eu-funds/2014-2020/?lang=en> (Accessed 23.03.2017)

41 EU funding in Scotland. URL: http://www.parliament.scot/ResearchBriefingsAndFactsheets/55/SB_16-89European_Union_Funding_in_Scotland_2014-2020.pdf (Accessed 23.03.2017)

42 EU grants to Northern Ireland. URL: <http://www.newsletter.co.uk/news/business/where-do-eu-grants-to-northern-ireland-go-1-7233873> (Accessed 23.03.2017)

гионам по уже одобренным программам из коммунитарного бюджета. Тем не менее, несмотря на такую позицию центра, кельтские регионы в лице Шотландии и Северной Ирландии все же негативно и с опасением восприняли результаты референдума о членстве Соединенного Королевства в ЕС.

Результаты референдума 2016 г.

Ключевыми причинами Брекзита стали непонимание британцами, собственно, самих евроинтеграционных процессов и их недоверие к брюссельской бюрократии, которые были помножены на террористические угрозы и другие опасения, связанные с миграционным кризисом.

Рост числа тех британцев, кто перестал идентифицировать себя с ЕС, происходил постепенно, начиная с первого международного финансового кризиса в 2008 г. В 2012 г. уже только 42% британцев заявляли о своей приверженности ЕС и своей «европейскости», выказывая недоверие коммунитарной демократии⁴³, а в 2014 г. их число сократилось до 39%⁴⁴. Но на референдуме 23 июня 2016 г. избиратели разделились практически поровну на группы за членство и против него⁴⁵.

Итоги референдума имеют два измерения: внутреннее и внешнее. Если говорить о внутреннем измерении, то, во-первых, евроскептицизм был и остается преобладающей идеей над еврооптимизмом в политическом сознании британцев. Во-вторых, именно малые партии четко сформулировали свою позицию по отношению к ЕС, избежав раскола. Например, Шотландская национальная

партия в целом выступила за сохранение членства в ЕС. В-третьих, с выходом Британии из ЕС перестают действовать коммунитарные нормы. Это также ставит под вопрос ряд конституционных актов, например в отношении Северной Ирландии, где одной из действующих сторон выступает Республика Ирландия. В-четвертых, еще более значительным следует назвать очередное обострение отношений Лондона с кельтскими регионами, прежде всего с Шотландией, первый министр которой, Н. Стерджен, провела в шотландском парламенте решение о втором референдуме о независимости региона весной 2019 г., если Шотландии не будет предложен компромиссный вариант сохранения ее связей с единым рынком. При этом датский образец не может быть применим к Шотландии, поскольку в случае с Данией ее часть в лице Гренландии не входит в состав ЕС, в то время как в Соединенном Королевстве ситуация развивается диаметрально противоположным образом. Однако правительство Т. Мэй наложит вето на проведение референдума, отложив его на неопределенный срок, как минимум до точного согласования всех деталей Брекзита между Соединенным Королевством и ЕС. Важно, что затем аналогичной реорганизации и перестройки взаимодействия с центром потребует и Северная Ирландия.

Говоря о внешнем измерении итогов референдума о членстве в ЕС, стоит отметить тот факт, что Британия отказывается от роли одной из стран-участниц и страны-посредника в отношениях ЕС с США, стремится играть более самостоятельную роль, отстаивая свои приоритеты и интересы, ориентируясь в большей

43 Flash Eurobarometer 365. European Citizenship Report. Brussels: European Commission, 2012. P. 3–54.

44 Flash Eurobarometer 81. European Citizenship Report. Brussels: European Commission, 2014. P. 3–47.

45 EU referendum, 2016. URL: <http://www.referendumanalysis.eu/> (Accessed 23.03.2017)

степени на страны Содружества наций и новые рынки. Кроме того, Британия показала пример, которым могут воспользоваться и другие участники ЕС. Выход столь мощной европейской экономики из ЕС наносит удар по привлекательности самого интеграционного проекта. После референдума разгорелись дискуссии о будущем ЕС вокруг различных стратегий развития.

Первая стратегия означает разделение всех участников интеграции на отдельные группы (идея интеграции на разных скоростях для разных государств). Здесь для Британии открываются возможности заключать соглашения с «мини-интеграционными группами» и отдельно с государствами той или иной группы. Другая стратегия может заключаться в обеспечении максимального сохранения Союза в существующем ныне виде. Эта стратегия предполагает многочисленные переговоры и длительный поиск компромисса, устраивающего всех. В этих условиях Британии будет довольно сложно добиться реализации своей повестки.

Безусловно, Соединенное Королевство приняло решение о «жестком» Брекзите, что предполагает выход из единого рынка. Вместе с тем британское правительство заинтересовано в подписание новых соглашений об экономическом и торговом взаимодействии со странами ЕС по норвежскому или по швейцарскому образцу. Вопрос заключается в том, как добиться этой цели так, чтобы при этом не выполнять соответствующие директивы ЕС. По этой причине швейцарский вариант доступа к единому рынку, который осуществляется в объеме, зафиксированном в результате переговоров, становится более предпочтительным⁴⁶.

В ходе переговоров с ЕС также будут обсуждаться вопросы Гибралтара и Шотландии. Для ЕС они становятся инструментами давления на Соединенное Королевство и «наказания» его. Вместе с тем очевидно, что, поскольку население Гибралтара подчеркивает свою «британскость» и готовность согласиться со стратегией правительства Соединенного Королевства, его трудно будет использовать в таком качестве. При этом сам ЕС, прежде всего Испания, заинтересован в открытой границе и экономических связях с этой территорией. Гораздо более сложным представляется шотландский вопрос. Именно он и может стать «дубиной» в руках ЕС, поскольку довольно сложно разрабатывать варианты участия отдельно взятого региона унитарного государства (хотя и использующего отдельные элементы федерализма в системе управления в результате деволюции) в международной организации.

Тем не менее очевидно, что все сценарии – это результаты переговоров, поэтому британской стороне придется изрядно потрудиться, чтобы добиться того максимума, который вообще возможен в сложившихся условиях.

Перспективы: Брекзит, конфликт идентичностей и судьба единой Великобритании

Именно вопросы британской идентичности, которая сама по себе остается сложным феноменом, не всегда разделяемым в национальных кельтских регионах Соединенного Королевства, вместе с вопросами безопасности оказали основное влияние на результаты референдума. По этой причине Брекзит означает кризис

46 The Future under a Hard and a Soft Brexit. URL: <http://ukandeu.ac.uk/wp-content/uploads/2016/08/The-Environment-under-Soft-or-Hard-Brexit.pdf> (Accessed 23.03.2017)

единой европейской идентичности, кризис европейской целостности и единства⁴⁷. Британское общество выбрало не европейские, а британские идеалы, основанные на идее глобального британского присутствия в контексте Содружества наций. Очевидно, что официальный Лондон осознает, что ЕС и США теряют глобальное превосходство, а центр силы, прежде всего финансовой, перемещается в Азию (Sandhya, 2017). Британии претит быть рядовой участницей ЕС, в то время как она длительное время развивалась как империя.

Брекзит также отлично продемонстрировал, что значит «британскость». «Британскость» связана как с экспансией, так и с формированием единого пространства, опирающегося на британские ценности. Среди них большую роль играет и институт монархии (до сих пор выходцы из бывших колоний Соединенного Королевства предпочитают называть себя британцами, воспринимая «британскость» как отражение единства, что подтверждает их историческую сопричастность к стране проживания⁴⁸). «Британскость» представляют в виде зонтика, под которым объединяется множество народов, люди разного происхождения, имеющие общее историческое прошлое в Британской империи⁴⁹. Очевидно, что в условиях всеобщей нестабильности именно стабильность британских устоев, традиций и интересов могла бы стать наиболее важной для общества. Но тем не менее в Британии после кризиса 2008 г. особенно заметным стал рост ре-

гиональных идентичностей⁵⁰, когда все меньшее число граждан ассоциировали себя исключительно с Британией, что мы рассматривали выше.

Вывод

Эволюция этнических регионов в составе единого государства с Англией свидетельствует о политических дисбалансах. А движение централизации привело к росту националистических настроений населения и этнорегиональных политических движений.

Региональные националисты постепенно утвердились в политической жизни кельтской периферии. Во многом их позиция обеспечила «встряску» всей британской государственности во время и после референдума о независимости Шотландии в 2014 г., а также референдума о членстве Соединенного Королевства в ЕС. Сейчас этнонациональные партии являются несомненными политическими лидерами и приобрели устойчивые позиции в регионах, а ШНП – и в общегосударственном парламенте, превратившись в реальную оппозиционную силу консерваторов.

Перед Соединенным Королевством стоит задача продолжения и углубления конституционного реформирования, начало которому положила деволюция. Сейчас для обеспечения согласия с регионами центр должен встать на путь федерализации, что позволит урегулировать ряд внутренних и внешнеполитических

47 Sakwa R. Blimey, it's Brexit // Valdai Discussion Club / Expert opinion 2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/blimey-it-s-brexit/> (Accessed 23.03.2017)

48 Easton M. How British is Britain // BBC News. 30 September 2013. URL: <http://www.bbc.com/news/uk-24302914> (Accessed 23.03.2017)

49 10 things that sum up Britishness // Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/guardianwitness-blog/2014/jun/09/scottish-independence-10-things-that-sum-up-britishness> (Accessed 23.03.2017)

50 Owen D. Future Identities: Changing identities in the UK – the next 10 years // University of Warwick, UK. 2013p.12. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/275781/13-520-national-identities-change-as-ethnic-composition-changes.pdf (Accessed 23.03.2017)

(в контексте отношений с ЕС) вопросов. Однако федерализация не приведет к отказу национальных сил кельтских регионов от идеи независимости. И нельзя не отметить, что ШНП, осуществляя планомерную политическую работу по утверждению идеи независимости, способна добиться успеха, особенно в условиях пост-Брекзита. Тем не менее федерализация, на практике подтверждающая британский союз четырех наций, может значительно упрочить идеи «британскости» и ослабить идеи «европейскости», стабилизируя развитие государственности на относительно длительный период времени.

Список литературы

- Еремина Н. В. (2011a). *Деволуция в кельтских регионах Соединенного Королевства как модель государственного развития*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 238.
- Еремина Н. В. (2011b). *Политико-правовые механизмы деволюции в кельтских регионах Великобритании*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет. 216.
- Alistair C. (2006). *Beyond Devolution and Decentralization: Building Regional Capacity in Wales and Brittany*. Manchester: Manchester University Press. 208. DOI: 10.7228/manchester/9780719070921.001.0001
- Buzan B., Weaver O. (2003). *Regions and Powers. The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press. 598. DOI: 10.1017/cbo9780511491252
- Connellan O. (2004). *Land value taxation in Britain: experience and opportunities*. Cambridge, Massachusetts: Lincoln Institute of Land Policy. 216.
- Davies Th.C. (2003). The Irish and Their Nation: a Survey of Recent Attitudes. *The Global Review of Ethnopolitics*, 2 (2). 17–36. DOI: 10.1080/14718800308405131
- European Commission. (2014). *Eurobarometer Qualitative Study – The Promise of the EU*. European Union. 73. DOI: 10.2775/21479
- Hechter M. (1999). *The Celtic fringe in British national development. Internal colonialism*. London: Transaction Publishers. 399.
- Jacquemin A., Wright D. (eds.). (1993). *The European Challenges Post-1992. Shaping Factors, Shaping Actors*. Cambridge: Cambridge University Press. 480.
- Jeffery Ch. (2006). Devolution in the United Kingdom: statehood and citizenship in transition. *Publius: The Journal of Federalism*, 36 (1). 3–18. DOI: 10.1093/publius/pjj014
- Jeffery Ch. (2007). The unfinished business of devolution: seven open questions. *Public Policy and Administration*, 22 (1). 92–108. DOI: 10.1177/0952076707071506
- Jeffery Ch. (2009). Devolution in the United Kingdom: Ever Looser Union? *The modern state – Journal for Public Policy, Law and Management*, 2 (1). 207–218.
- Karolewski I. P., Suszycki A. M. (eds.). *Nationalism and European Integration: The Need for New Theoretical and Empirical Insights*. New York: Continuum. 251.
- Kumar K. (2003). *The making of English national identity*. Cambridge: Cambridge University Press. 367.
- Leoussi A., Grosby St. (eds.). (2006). *Nationalism and ethnosymbolism. History, culture and ethnicity in the formation of nations*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 343.
- Mackintosh J. P. (1968). *The Devolution of Power*. London: Charles Knight and Co. 207.
- Mann R., Fenton S. (2014). English nationalism and Britishness: class and substate national identities. Garbaye R., Schnapper P. (eds.). *The politics of Ethnic diversity in the British Isles*. Palgrave Macmillan UK. 151–173. DOI: 10.1057/9781137351548_9
- McGovern L., Murphy M. (2003). Northern Ireland under devolution: the challenge of institutional adaptation to EU policy formulation. *Regional and Federal Studies*, 13 (1). 81–99. DOI: 10.1080/714004788

McTavish D. (2016). Political parties in Scotland. *Politics in Scotland*. London: Routledge. 295.

Mitchell J. (2014). *The Scottish question*. Oxford: Oxford University Press. 308. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199688654.001.0001

Nugent N. (ed.). (2004). *European Union Enlargement*. New York: Palgrave Macmillan. 308. DOI: 10.1007/978-1-137-08143-8

Ragin Ch. C. (1979). Ethnic Political Mobilization. The Welsh Case. *American Sociological Review*, 44 (4). 619–635. DOI: 10.2307/2094591

Sandhya J. (2016). Brexit: Harbinger of an Unexpected New World Order. *Strategic Analysis*, 41 (1). 110–117. DOI: 10.1080/09700161.2016.1249187

Trench A. (ed.) (2004). *Introduction: has Devolution Made a Difference? The State of the Nations*. Thorverton: Imprint Academic. 291.

Trench A. (2004). The more things change the more they stay the same: intergovernmental relations four years on. *Has Devolution Made a Difference? The State of the Nations 2004*. Imprint Academic. 165–189.

Ward P. (2004). *Britishness since 1870*. London: Routledge. 252. DOI: 10.4324/9780203494721

Wolff St. (2007). *Ethnic conflict. A global perspective*. Oxford: Oxford University Press. 266.

Davies Th. C. (2003). The Irish and Their Nation: a Survey of Recent Attitudes. *The Global Review of Ethnopolitics*, 2 (2). 17–36. DOI: 10.1080/14718800308405131

European Commission. (2014). *Eurobarometer Qualitative Study – The Promise of the EU*. European Union. 73. DOI: 10.2775/21479

Eremina N. V. (2011). *Devolution in the Celtic Regions of the United Kingdom as a Model of State Development*. St.-Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. 238.

Eremina N. V. (2011). *Political and Legal Mechanism of Devolution in the Celtic Regions of Great Britain*. St.-Petersburg.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. 216.

Hechter M. (1999). *The Celtic Fringe in British National Development. Internal Colonialism*. London: Transaction Publishers. 399.

Jacquemin A., Wright D. (eds.). (1993). *The European Challenges Post-1992. Shaping Factors, Shaping Actors*. Cambridge: Cambridge University Press. 480.

Jeffery Ch. (2006). Devolution in the United Kingdom: Statehood and Citizenship in Transition. *Publius: The Journal of Federalism*, 36 (1), 3–18. DOI: 10.1093/publius/pjj014

Jeffery Ch. (2007). The Unfinished Business of Devolution: Seven Open Questions. *Public Policy and Administration*, 22 (1). 92–108. DOI: 10.1177/0952076707071506

Jeffery Ch. (2009). Devolution in the United Kingdom: Ever Looser Union? *The Modern State – Journal for Public Policy, Law and Management*, 2 (1). 207–218.

Karolewski I. P., Suszycki A. M. (eds.). *Nationalism and European Integration: The Need for New Theoretical and Empirical Insights*. New York: Continuum. 251.

Kumar K. (2003). *The Making of English National Identity*. Cambridge: Cambridge University Press. 367.

Leoussi A., Grosby St. (eds.). (2006). *Nationalism and ethnosymbolism. History, Culture and Ethnicity in the Formation of Nations*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 343.

References

Alistair C. (2006). *Beyond Devolution and Decentralization: Building Regional Capacity in Wales and Brittany*. Manchester: Manchester University Press. 208. DOI: 10.7228/manchester/9780719070921.001.0001

Buzan B., Weaver O. (2003). *Regions and Powers. The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press. 598. DOI: 10.1017/cbo9780511491252

Connellan O. (2004). *Land Value Taxation in Britain: Experience and Opportunities*. Cambridge, Massachusetts: Lincoln Institute of Land Policy. 216.

Mackintosh J. P. (1968). *The Devolution of Power*. London: Charles Knight and Co. 207.

Mann R., Fenton S. (2014). English Nationalism and Britishness: Class and Substate National Identities. Garbaye R., Schnapper P. (eds.). *The Politics of Ethnic Diversity in the British Isles*. Palgrave Macmillan UK. 151–173. DOI: 10.1057/9781137351548_9

McGovern L., Murphy M. (2003). Northern Ireland under Devolution: the Challenge of Institutional Adaptation to EU Policy Formulation. *Regional and Federal Studies*, 13 (1). 81–99. DOI: 10.1080/714004788

McTavish D. (2016). Political Parties in Scotland. *Politics in Scotland*. London: Routledge. 295.

Mitchell J. (2014). *The Scottish question*. Oxford: Oxford University Press. 308. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199688654.001.0001

Nugent N. (ed.). (2004). *European Union Enlargement*. New York: Palgrave Macmillan. 308. DOI: 10.1007/978-1-137-08143-8

Ragin Ch. C. (1979). Ethnic Political Mobilization. The Welsh Case. *American Sociological Review*, 44 (4). 619–635. DOI: 10.2307/2094591

Sandhya J. (2016). Brexit: Harbinger of an Unexpected New World Order. *Strategic Analysis*, 41 (1). 110–117. DOI: 10.1080/09700161.2016.1249187

Trench A. (ed.) (2004). *Introduction: has Devolution Made a Difference? The State of the Nations*. Thorverton: Imprint Academic. 291.

Trench A. (2004). The More Things Change the More They Stay the Same: Inter-governmental Relations Four Years On. *Has Devolution Made a Difference? The State of the Nations 2004*. Imprint Academic. 165–189.

Ward P. (2004). *Britishness Since 1870*. London: Routledge. 252. DOI: 10.4324/9780203494721

Wolff St. (2007). *Ethnic Conflict. A Global Perspective*. Oxford: Oxford University Press. 266.

Информация об авторе

Наталья Валерьевна Еремина, доктор политических наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета

199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
nerem78@mail.ru

About the author

Natalia V. Eremina, Doctor of Politics, Assistant Professor at the School of International Relations, Saint Petersburg University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russian Federation, 199034
nerem78@mail.ru

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-106-121

Raffaele MARCHETTI

Libera Università Internazionale degli Studi Sociali, Guido Carli
32, Viale Romania, Rome, Italy, 00197

Civil Society and the European Union in Times of Crisis: From Partnership to Threat?

ABSTRACT. *The article analyses the changes in the interaction between the EU institutions and civil society organizations. The article first sets the conceptual stage by examining the role of civil society in the political arena and specifically in the context of the Europeanization. It then identifies 3 major phases of European activism: 1) 1993–2001, the period in which institutional channels were opened for civil society at the European level; 2) 2001–2014, the period in which civil society played a full role within the EU governance; 3) 2014 to present day, in which the emergence and consolidation of anti-EU establishment civil society has become a central political issue for the EU. Three specific European master frames are*

analyzed, before the focus is shifted to the global level. Concluding remarks are presented on the critical issue and the future prospect for the EU with reference to the impact of social mobilization from below in a context of crisis.

KEYWORDS: *European Union, Civil Society, Governance, Globalization, Economic Crisis*

FOR CITATION: Marchetti R. (2017). Civil Society and the European Union in Times of Crisis: From Partnership to Threat? *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (1). 106–121. DOI: 10.23932/2542-0240-10-1-106-121

Раффаэле МАРКЕТТИ

Libera Università Internazionale degli Studi Sociali, Guido Carli
Viale Romania, 32, Рим, 00197, Италия

Гражданское общество и Европейский Союз во времена кризиса: от партнерства к угрозе?

АННОТАЦИЯ. *В статье проанализированы изменения взаимодействия институтов ЕС и гражданских структур. Исследуя роль гражданского общества*

на политической арене и в особенности в контексте европеизации, автор начинает статью рядом концептуальных замечаний. После этого в статье выявлены

три фазы политического участия в ЕС: 1) 1993–2001, период, в который институциональные площадки были максимально открыты для гражданского участия на европейском уровне; 2) 2001–2014, период, в который гражданское общество играло самостоятельную роль в структуре управления ЕС; 3) 2014 по настоящему момент, период, характеризующийся повышенным вниманием к появлению и консолидации анти-ЕС истеблишмента в структурах гражданского общества. В статье проанализированы три важнейших фрейма, характерных для ЕС, после чего исследовательский фокус переносится на глобальный уровень. В заключении автор представляет ряд критических замечаний о проблемах и перспективах ЕС, принимая во внимание влияние социальной мобилизации в контексте кризиса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Европейский Союз, гражданское общество, государственное управление, глобализация, экономический кризис

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Маркетти Р. (2017). Гражданское общество и Европейский Союз во времена кризиса: от партнерства к угрозе. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (1). 106–121. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-106-121

Introduction

With the financial crisis came a political epiphany in European society. As a consequence of the economic crisis a number of national political systems have changed dramatically. The popular support for traditional parties has sharply declined. New populist parties have boomed. Major economic policies have been “agreed externally” within European and international institutions. Trans-ideological coalition governments

have been created, with both conservative and progressive parties sharing power.

Sticking to a traditional paradigm of left and right politics we would not be able to provide an account of such changes. Specific circumstances or tactical decisions provide only partial explanations. While at a first sight such changes may appear contingent, I will argue that they ultimately reveal a fundamental transformation of politics in the age of globalization. The crisis is revealing a new political constellation that cannot be comprehended with the old categories that helped us to give a meaning to our XX century experience.

The article suggests that the post-crisis events reveal a fundamental transformation of politics that is rooted and here to stay for some time. A transformation that concerns the main political cleavage of globalization. While in the past, the dichotomy was between left and right (Bobbio, 1994; reprinted 1996), today the key tension is centered in-between supranational integration and national preservation in the economic, social and political realm. Between global democracy and rooted democracy, between supranational politics and national politics. It is with reference to issues such as market integration, delegation of sovereignty, participation to regional organizations, but also the acceptance of “universal” standards that we can better understand the political divisions of today, where the action is.

With this, I don’t want to suggest that the traditional principles associated with the right-wing or left-wing understanding of politics are of no value, or no use anymore. Normatively, they still play an important function in guiding the assessment of many political decisions (e.g. equality versus individual freedom from state intervention). However, what I want to suggest is that these ideological points of reference are of little use when we need to decipher the fundamental policy decisions taken by national or international actors. What really matters there is the attitude towards globalization,

which does not coincide with the positioning of political parties along the left-right continuum. In today's politics, the first thing is to settle the ultimate framework, i.e. to decide where to stand in relation to the issue of globalization. Once this is done, the realm of traditional left vs. right politics emerges. Normative disputes, I submit, come only later in the discussion.

In the last thirty years, we have been living, in the west and later on in the rest of the world, in a system in which the fundamental decisions in favor of globalization have been taken for granted. They have not been really discussed either in national or regional parliaments, or in the public debates. They have been simply taken as a given. The consensus in the establishment has been so widespread that the old Thatcherite say of TINA (there is no alternative) seems almost fully realized by now. Once these fundamental decisions are set conjunctively, then secondary political disputes may arise. Left and right wing parties may then compete even harshly for winning the electorate, provided the ultimate pro-globalization position is left aside from the political agon and kept as a common, unquestionable background. Current politics is characterized by a competition that is not ultimate, for it ultimately lays on a common platform.

It is precisely in the age of crisis as the one we are living in, with the emergence of new parties and anti-establishment movements, that the debate on the ultimate issue of globalization re-emerges. And it is in this moment that we can more clearly see the fundamental political splits characterizing our polities. During the current financial crisis, the political debates moved from secondary issues to key macro-economic and (eminently) political decisions, that have to do with the positioning of a country vis-à-vis the global and regional economic-political integration.

Accordingly, the political ideological framework changed dramatically. In many European countries we have by now transideological governments in which center-left

and center-right parties sharing power in the name of the European orthodoxy, and we have the oppositions that share a common anti-European establishment attitude. From a mainstream perspective, based on the traditional left vs. right split, these governments cannot easily be explained. An alternative, more convincing way to look at it is by adopting the perspective of the debate on globalization. From this perspective, what was unclear becomes crystalline. The parties supporting these governments, regardless of their ideological affiliation, are all parties that share an overall pro-globalization and pro-Europe attitude. With minor differences, they all agree that is imperative to comply with the international and European standards of good governance, even if this means ceding part of the national sovereignty and paying high social costs. Political and economic integration is considered a default position, which promises widespread benefits in the mid/long-term.

On the contrary, the parties that are at the opposition to these governments are all "localist". While having very different ideological orientations, they share the view according to which the local/regional context needs to be prioritized. They share a suspicion of any process that dismantles this rooted, participatory context in the name of supranationalism. Political and economic integration is here considered an elite-driven project that ultimately benefits the transnational centers of power by making the local contexts weaker and poorer. Especially serious is the progressive deprivation of political resources that is allegedly associated to the process of supranational integration. From this perspective, the more you delegate power higher and further, the less you are able to democratically control it.

This way, the politics of crisis is revealing the inner nature of the political cleavage underpinning many contemporary western political systems. In normal times, such fundamental cleavage may be more difficult to be seen because it is taken for granted and

rarely discussed: politics usually plays on a more superficial playing field. It is especially in times of deep crisis, however, that the fundamental cleavage emerges. It is in these times that we can better understand the contours of the political framework of many political systems and understand what is really at stake in our politics.

This paper intends to shed light on the transforming conceptual landscape that draws the boundaries of the current political debate both at the national and international level. It does so by focusing on the normative debate on globalization and by examining the principal master frames that have been developed in the last decades with reference to European politics. In the EU context, we can distinguish at least three main political frames, as regional specification of the abovementioned master frames. The *euro-enthusiastic* frame proposes a positive assessment of the European development, and detects some problems in the implementation of the project, which is believed to be resulting from the EU institutions. The *critical Europeanist* frame searches for a more social and democratic Europe rather than the Europe of markets. The *euro-skeptic* frame tends to read the regional integration process as a set of detrimental dynamics that threatens the communitarian bases necessary for the sustainability of the local and national political projects. This frame is a more local and nationalist interpretation of the European integration, which is perceived as a direct intervention in the sovereignty of the nation-states. The specific European masterframes cannot be fully understood without a reference to the global debate. For this reason, the article makes also reference to the four master frames that delimit the boundaries of the current ideational debate on global politics, especially after the financial crisis. Two approaches are pro-integration (neo-liberalism and cosmopolitan) and two are against integration (localism and civilizationism). It suggests that this set of master frame helps us in

understanding the current political scenario, thereby including the different stances vis a vis the Eurozone crisis.

The paper proceeds according to the following structure: it first sets the conceptual stage by examining the role of civil society in the political arena and specifically in the context of the Europeanization. It then identifies 3 major phases of European activism: 1) 1993–2001, the period in which institutional channels were opened for civil society at the European level; 2) 2001–2014, the period in which civil society played a full role within the EU governance; 3) 2014 to present day, in which the emergence and consolidation of anti-EU establishment civil society has become a central political issue for the EU. Three specific European master frames are analyzed, before the focus is shifted to the global level. Concluding remarks are presented on the critical issue and the future prospect for the EU with reference to the impact of social mobilization from below.

The Europeanization of civil society

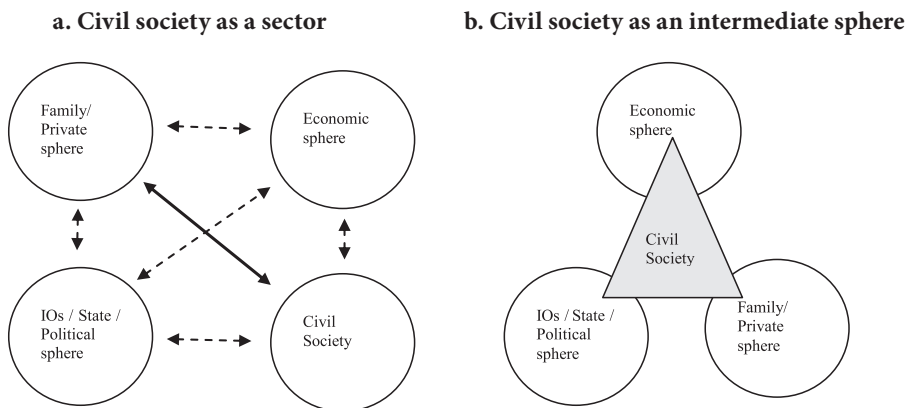
The mainstream understanding of civil society sprung from specific historical, political and socio-economic backgrounds. The early philosophical debates on civil society emerged from and were grounded in Western Europe, in contexts of state formation (Hobbes, Locke, and Ferguson), emerging capitalism and class struggle (Hegel and Marx), democratization and democracy (Gramsci and Habermas). Likewise, in the 1970s and 1980s civil society activity and literature was firmly grounded in the West, having played an active role in issues such as nuclear disarmament, environmental sustainability and gender and race struggles. The more recent wave of civil society literature since the end of the Cold War is also mostly grounded in the West, this time couched in the wider framework of globalization and in-

ternational relations studies. A specific, more recent, trend in the study of civil society concerns the process of Europeanization. This study fits into this latter trend.

The specific contexts in which these literatures are embedded are often taken for granted. Rarely are the implications of context in the development of civil society openly acknowledged and taken into account (Lewis, 2001; Marchetti & Tocci, 2009). Yet a study of the role of civil society in the wider Europeanization process must account for the role and implications of context. Hence a first variable in this analysis of civil society in conflict is the context within which it operates. In this respect, several core questions need to be raised at the outset. Can and does civil society exist in contexts beyond the traditional background of the state? The underlying premise of this chapter is that civil society can and does exist in these situations. Yet its nature as well as its role and functions are fundamentally shaped by the specific context in question. Insofar as civil society is both an independent agent for change and a dependent product of existing structures, we are likely to encounter a wide range of civil society actors carrying out a wide range of actions in this context.

While the standard definition of civil society identifies it as the space outside of the government, the family, and the market in which individuals and collective organizations advance allegedly common interests in a competitive environment (see fig. 1 below), a more encompassing definition understands civil society as referring to the sphere in which citizens and social initiatives organize themselves around objectives, constituencies and thematic interests with a public nature, be it local, national or transnational. Accordingly, civil society organizations usually include community groups, non-governmental organizations (NGOs), social movements, labor unions, indigenous groups, charitable organizations, faith-based organizations, media operators, academia, diaspora groups, lobby and consultancy groups, think tanks and research centers, professional associations, and foundations (with political parties and private companies remaining the most controversial cases). An even wider definition of non-state actors includes also criminal networks, terrorists, and combatant groups. Analytically, four broad categories of civil society organizations (CSOs) can be distinguished: membership organizations, interest organizations, service organizations, and support organizations.

Figure 1: The position of civil society

Source: adapted from (Paffenholz, 2010, s. 7)

The term civil society was rediscovered after the fall of the Wall and was intensely deployed in the policies formulation in the laboratory in Central and Eastern Europe, but also in Latin America, and East Asia. In this context, a particularly important dimension of the action of civil society organizations was its relation with the state. In general terms, this relation is seen alternatively as either competitive, or cooperative. According to the first perspective deriving from J. Locke, popular control of political institutions requires an external, independent actor, and civil society constitutes a fitting functional counterpart to the institutional power. On the opposite, according to the tradition of cooperation inspired by Montesquieu and Hegel, civil society is seen in its integrative function either as cooperating with the institutions in terms of inputs (CSOs have an associative function that generate legitimacy of the state, close to communitarianism) or as a subcontractor for facilitating the outputs. From this perspective, the sense of community and solidarity is grounded in the life-world. CSOs have precisely the role of transmitting such sense into the public institutions: they are intermediaries, but at the same time they are also constitutive of the social cement underpinning any political endeavor.

In particular, for what concerns the relation between civil society and democracy, CSOs are usually seen as democracy enhancers. According CSOs are expected to play a significant role in the different phases of the democratic transition. In the moment of liberalization of the autocratic regime, CSOs are usually united in the strategic fight against the ancient regime. In the phase of institutionalization of democracy, they tend to cooperate for the building of the new regime. And finally, in the process of consolidation of democracy, CSOs are understood as schools of democracy, contestation and pluralism, as in the reflexive function. It should be noted, however, that such democratic reading of civil society is normatively

biased insofar as it precludes the possibility to analyze the whole range of actors engaged in politics from a nongovernmental stance. It is usually based on a very specific notion of what a “good” CSOs, thus excluding from the radar many politically significant organizations. Hence, it is important to recognize that the contribution to democracy enhancement may come from many different directions and through indirect paths.

In the context of the EU, civil society is usually understood in a functionally broad way, though it may be limited in political terms. It is functionally broad in that definitions of civil society usually include different kinds of interest groups: non-governmental organizations; social movements; advocacy and promotional groups; functional interest groups as social partners (such as trade unions and employers’ organizations); sectoral organizations (such as entrepreneurs’ and consumers’ associations), but also universities, research institutes and epistemic communities. In the EU, CSOs are usually expected to play the collaborative role (as in opposition to being a force of opposition) within a procedural manner in the policy-making process. As we will see, EU procedures tend to favor a functional output oriented conception of civil society involvement. For this reason, politically antagonist groups are usually marginalized, if not ostracized and even criminalized.

From a civil society perspective, the process of Europeanization has to be understood as a complex European integration process that transforms actors and make them supranationally part of a single demos, a single public space in which CSOs interact transnationally. More formally, Radaelli interpret Europeanization as a “construction; diffusion; and the institutionalization of formal and informal procedures, rules and ways of doing things, shared beliefs and norms, which are first defined and consolidated in the EU policy process and then incorporated into the logic of domestic discourses, identities, political structures and public policies”

(Radaelli, 2003, p. 30). In sum, it is a process (of diffusion, learning, adjusting, and the re-orientation of politics), and effect (of engagement with Europe), a cause (of further integration); and relation (between the EU and other actors) (Boronska-Hryniewiecka, 2011).

EU's openings to civil society (1993–2001)

The topic of civil society participation entered the EU agenda after the foundation of the European Union in 1993 with the Maastricht Treaty. Setting the goal of the political union, the treaty indirectly generated the debate on the democratic deficit and more generally on the increasing politicization of the EU integration process. That signaled the end of the “permissive consensus” on the elite-driven, from that moment on the previously de-politicized process of the EU integration became more contentious (Hooghe & Marks, 2009). In this context, participation of civil society became more and more essential from the point of view of both CSOs and practitioners who saw CSOs as a solution, as legitimacy enhancer, to solve their problems. Together with civil society, the other legitimacy enhancing strategy was to strengthen the European Parliament and shifting on the overall from out-put to input dimension of legitimacy.

The European Commission has a long story of consultation with civil experts, but it changed and expanded its attitude over time (Quittkat & Finke, 2008). In the 1960s and 1970s the Commission focused on “consultation” within the European economic integration and dialogue with primarily economic experts within industrial and agrarian interest groups¹. Other CSOs were still outside of the interaction with the EEC, except the long standing Europe movements of the federalists.

Later on in the 1980s and 1990s the Commission focused on developing a “partnership” with nongovernmental actors within the social dialogue on specific policy areas such as security, social and educational policy. While the Commission demanded greater participation of civil society, European civil society itself expanded its reach to the regional level. A multitude of associations opened their branches in Brussels, such as the European Trade Union Confederation. Better IT technologies and improved European coordination facilitated the scale shift towards the EU level.

However, only in the 1990s and 2000s the attention moved to the idea itself of “participation” and the concept of participatory democracy (Economic and Social Committee, 1999). The White Paper on Governance drew the framework for such cooperation (European Commission, 2001) and the Leaken Conference of 2001 established a qualitative milestone for the recognition of the participation of NGOs in European governance by including for the first time the representation of civil society in the Convention working on the Constitutional Treaty. The most recent development in the integration of civil society is constituted by the Lisbon Treaty which further enhances the European Social Dialogue and institutionalizes citizens’ initiatives. Today, “Your Voice in Europe”, online consultation system offers the opportunity for all recorded groups to express a view during the Commission’s policy formulation phase. As a result, the process of policy formation widened beyond the classical inter-governmental method and included voluntary, informal, inclusive, and participatory forms of coordination, the so called new era of the EU multilevel governance.

These transformations in the EU attitude towards civil society created a structure of opportunities that CSOs repeatedly used to influence the decision-making process at the

1 In 2009, there were 1,316 EU-level interest representatives on the EC register, with approximately 60 per cent stemming from business and trade associations and the rest representing diffuse or public interests.

European level. In fact, we can expect that “the more political decisions are dispersed, the more open (and less repressive) a system is considered. The prevalent assumption is that the greater the number of actors who share political power (the more the checks and balances), the greater the chance that social movements will emerge and develop” (Della Porta & Caiani, 2009, p. 7). The EU governance structure tends to be fairly open to the inputs of civil society, if compared with similar political regimes throughout the world. While it is pretty clear by now that the system is more open to conventional, pragmatic lobbying than to ideological and disruptive action, it still leaves room for windows of opportunities for different kinds of mobilizations on different levels. Depending on the circumstances, CSOs may for instance adopt strategies of either domestication (putting pressure on the national constituencies) or externalization (targeting the EU institutions) to adapt better to the political opportunity structure that is presented to them, or indeed alternatively adopting a multiple strategy in which both the local and the European

level is targeted. Especially in specific sectors such as the definition of the EU democracy and human rights external policies, civil society has played a significant role in setting the agenda. A recent case in point is represented by the successful mobilization of the LGBT groups that managed to include their political goals in the official agenda of the EIDHR.

Civil society organizations within European governance (2001–2014)

With the full implementation of the EU governance model, civil society organizations have played a growing role in EU affairs. The debate on the specific role played by CSOs within the European governance system is very intense (Schutter, 2002; Rumford, 2003; Ruzza, 2005). Two are the principal alternatives in the reading of the functions assigned and played by CSO within the EU system: functional collaborator or constitutive source for the creation of a European public space, as summarized in Table 1 below.

Table 1. Two main political interpretation of the role played by civil society

	Collaborator of public bodies	Constitutive source for trans-European public space
Modes of interaction	Multi-stakeholder partnership	Deliberative Europeanization
Official documents	White Paper on Governance, 2001	Convention methods applied in the European Charter of Fundamental Rights 2000, European Convention 2001–2003, the Treaty on a Constitution for Europe 2003, and later on the Treaty of Lisbon 2009
Types of CSOs	Organized interests, interest intermediation and lobbying	Civil society as a whole, but also as a site of contestation
Functions	Partners, not expected to control accountability	Public sphere as both open participation and challenge to public authority
Activities	Service provision in a demand-offer scheme	Training for social and political virtues, producing social ties and social capital, and providing opportunities for mobilization and collective action
Composition	NGOs, experts, educated	Social movements, laymen

Source: personal elaboration from (Heidbreder, 2012)

Among the European institutions, the European Commission has by far the greater role vis-a-vis CSOs. The European Parliament only comes second on this. The Commission deploys an activation strategy for inclusion of CSOs on the predominantly supranational policy formulation. Over the years, the Commission has tried to institutionalize NGOs structures along policy areas (NGO families) by expanding the notion of civil society as providers of information and inputs in its policy-making. The highly developed system of comitology is characterized by the extensive use of informal practices beyond intergovernmentalism, a type of problem-solving interaction, and the spill-over effect of socialization on participants (Curtin, 2003; Joerges & Neyer, 2006).

It is by now clear that the mode of interaction of the European Commission is highly biased towards CSOs rather than less organized grass root movements. Institutionalized, professional type of CSOs are part and parcel of the functional mode of governance insofar as they act as governance partners in the implementation of sector-comprehensive strategies on different policy levels while at the same time providing alternative, deliberative path for the re-legitimization of the EU. It is clear however that a difference remains between participatory governance (with stakeholders) and participatory democracy from below. In principle, participatory governance remains centered on an instrumental input legitimacy and an output legitimacy anchored on the private-public partnerships (PPPs), whereas participatory democracy is rather based on a mode of intrinsic input legitimacy in which discursive involvement in the policy formation is promoted by a growing transnational and European civil society. The Commission is currently implementing the first and only aspiring to realize the second.

Such fracture between instrument and intrinsic logic of legitimacy is also evident

in the assessment of the (actual and potential) impact of CSOs towards the EU system. At times CSOs are conceived as a threat to input legitimacy as based on formally institutionalized representative democracy. Often, CSOs are seen as an asset to increase the quality of policies and services delivered by the EU (outputs), but also as a pragmatic answer to shortcomings in input legitimacy that cannot be fully overcome due to the multi-level system of governance. More rarely or rather in principle, CSOs are ideally perceived as a carrier of an emerging EU order with a genuine EU public sphere and input legitimacy in its own right. The contrast between these differing readings also entails a serious political dilemma, possibly the most crucial disfunctionality in the relation between the EU institutions and civil society: "the conditions civil society has to meet to participate limit the very virtues for which the Commission pursues its normative and material activation strategy" (Heidbreder, 2012, p. 19). The more the Commission seeks professionalized NGOs, the less it will have bottom up and contentious civil actors, which however limits the potential for fulfilling the legitimizing and communicative role of civil society. It is a sort of catch – 22 situation in which CSO need to be highly professionalized in order to have a voice in Brussels, and yet at the same time, CSOs are also supposed to remain deeply rooted in order to provide genuine legitimacy from below. It seems that all the attempts developed by the EU institutions to engage with civil society and to bridge the EU with the European citizens have simply created a pro-Brussels CSO elites working in the interests of deeper integration and left behind all the other politically significant actors. Such tension can also be noted by looking at the frames developed by CSOs with reference to the European project itself.

The emergence of anti-EU civil society (2014–today)

The Europeanization of the public sphere is growing through the development of a number of ideational references that are increasingly shaping the mobilization of civil society actors at the European level. Common framing, controversies, parallelism of themes, and cross referencing are contributing to the definition of a common and yet plural European social agenda. In this vein, “the growing Europeanization of social movements is cognitively driven: as with the nation-state, social movement organizations and actions tend increasingly to move towards the EU institutions due to a growing acknowledgment of the increasing competences of the EU, as well as a preoccupation with the direction in which the competences are used. Cognitive processes include not only the increasing shift of the target (and therefore of prognostic and diagnostic frames) towards the EU, but also a growing recognition of similarities among national causes and therefore the construction of a shared European identity” (Della Porta & Caiani, 2009, 171).

Three main frames can be distinguished in the current, post 2014 debate among European CSOs. The predominant (at least before the eruption of the crises) frame for the political action of many CSOs is the *Euro-enthusiastic* attitude. Despite entailing different degrees of support for the European project, the euro-enthusiastic frame proposes a positive assessment of the European development so far, and more importantly detects in the insufficient implementation of the project the actual origin of the current problems of the EU institutions. A second frame is constituted by the classic *euro-scepticism*. This frame suggests a reading of the regional integration process as a set of detrimental dynamics that threatens the communitarian bases necessary for the sustainability of the local and national politi-

cal projects. Finally, a third growing frame is represented by the *critical Europeanists*. According to this, a social Europe should be strengthened in opposition to the Europe of markets. A more political Europe, it holds, is needed to counter the apolitical and elites-driven Europe that we have known so far. The process of Europeanization is seen from this angle as developing also by contestation: a contested public debate is the surest path toward supranational legitimacy.

We cannot fully understand the European debate if we do not take into account the debate at the international and global level, which has been developing along similar lines.

The Transformation of the Political Cleavage: From Left vs. Right to Supranationalist vs. Localist

The focus of the debate on globalization is the inadequacy of the current institutional framework and its normative bases for a full development of the political sphere at the global level. Traditional political canons anchored in the nation-state and its domestic jurisdiction are increasingly perceived as insufficient, or indeed, self-defeating in a world in which socio-economical interaction is, to a significant degree, interdependent. Unstable financial markets, environmental crises, and unregulated migratory flows offer just a few examples of phenomena that all too clearly remind us of the heavy interdependence of the contemporary international system and of its political deprivation. These intense processes of global transformation functionally require increased transnational cooperation, and yet pose a continuous challenge to the effectiveness and legitimacy of “traditional” political life.

Acknowledging the limits of this political tension, alternative projects of global politics have been developed and mooted publicly in

recent decades. Their common denominator consists of the attempt to go beyond the centrality of the sovereign state towards forms of political participation that allow for new subjects to “get into transnational politics” (Marchetti, 2016). These new would-be or quasi-global political actors are part of the broad category of non-state actors, which includes: international non-governmental organizations, transnational corporations, networks and campaigns of civil society organizations and faith-based groups, transnational social movements, transnational political parties, international private bodies, and individuals. Despite minor institutional experiments, most of these actors share the characteristics of effectively being excluded from international decision-making mechanisms, and yet being more and more active on the global stage. International exclusion constitutes the critical target of most of the alternative projects of global politics that occupy the center of the public debate on globalization.

Underpinning this debate on the political deficits of the global system are a number of ideological readings of globalization and global political phenomena that can be considered to be species of archetypes or master frames of global politics. Historically speaking, the first master frame with a global scope tended to have a rather negative outlook. In the 1970, among the very widespread negative master frames was the anti-Americanism master frame, but also that of anti-colonialism. Earlier on, the master frame of anti-Nazism was dominant. In more positive terms, the master frame of human rights also played a crucial role for many decades. We can call these first generation global master frames. They were the first and the less articulated master frames. With time, some of them lost their political centrality (e.g., the anti-Nazism frame though it is from time to time recalled) whilst some flowed into other more sophisticated global master frames. Anti-Americanism often turned into lo-

calism or civilizationism; anti-colonialism partly disappeared and partly flowed into civilizationism; the master frame of human rights was further developed within the global master frames of cosmopolitanism, but also to some extent within that of localism. In order to understand better the difference between first and second generation global master frames we now need to move to the current debate on the master frames of global politics.

A typical phenomenon of any transition process occurring at the international level is precisely the sense of instability generated by the emergence of un-institutionalized actors and new legitimacy claims (previously unheard) in the public domain. Within this context of new political agency, an unprecedented global public domain consolidates in which old, state-centered visions of international affairs mix with new non-state-centered visions of global politics, producing a complex map of ideological positions. The global public domain remains thus a central place where new dimensions and new applications of global legitimacy are developed and advanced in contrast to current interpretations. This does not necessarily entail reformist or indeed revolutionary transformations, but the mere possibility of starting a dynamic of norms change in international politics makes this global public arena and its ideal content extremely important for current global politics (Clark, 2007; Finnemore & Sikkink, 1998). It is to this global public discourse and to its components that we need to look in order to understand the future, long-term transformation of global politics.

Four key interpretations of the notion of world polity can be identified as delimiting the range of non-conventional ideal alternatives available to the global political debate. Two masterframes are pro-integration and two are anti-integration. The main cleavage is therefore identified with the attitude towards supranationalism. 1) The vision of

neoliberal capitalism as associated with a global free market and private economic actors; 2) the project for the democratization of international institutions as formulated in the cosmopolitan model with reference to individuals and supra-national institutions; 3) the radical vision held by the vast majority of the social movements in terms of

alter-globalism and that of ethnic localism; and finally, 4) the discourse on the dialogue or clash of civilizations which refers to macro-regional actors often defined in religious terms (Marchetti, 2009, 2016). For a synthetic presentation of the specific dimensions of each master frames please refer to the table below.

Table 2. Main characteristics of global master frame

	Globalist		Contextualist	
	Neo-Liberalism	Cosmopolitanism	Localism	Civilizationism
Reading of globalization	Supportive	Reformist	Radical antagonism	Conservative antagonism
Human bond	Economic	Political	Social	Cultural-Religious
Agency	Individual/Collective (firms and consumers)	Individual (citizens)	Collective (grass-roots groups)	Collective (civilisations and cultural élites)
Ontology	Universalism; Homogeneity	Universalism; Homogeneity	Pluralism; Heterogeneity	Pluralism; Heterogeneity
Political principles	Globalism; Technocracy; Sameness; Freedom; Competition	Globalism; Delegated participation; Sameness; Hierarchy; Institutional fairness	Place-basedness; Direct participation; Diversity; Autonomy; Solidarity	Culture-basedness; Elites guidance; Diversity; Respect; Goodwill and non-violence
Institutional project	Global self-regulation	Supranational integration of individuals	Local groups, Transnational networks	Macro-regionalism

The future of European politics

The history of the European integration has been characterized by a widespread consensus in the political elites of the member states. EU leaders have for the most part shared a feeling of overall support for a gradual economic integration at the regional level. At times, such support was almost unquestioned, leading to a “quasi-delegation” of decision-making power to technocratic elites. The expression of “permissive consensus” was coined to describe this situation of a de facto cession of sovereignty to supranational technocrats.

The situation changed for the first time with the Maastricht Treaty in 1993. With the restatement of the goal of the political union, the treaty indirectly generated the debate on the democratic deficit of the EU and more generally on the increasing politicization of the regional integration process. From that moment on, the previously de-politicized process of the EU integration became more contentious. A number of consequences derived from such shift, including the strengthening of the European Parliament and the inclusion of the topic of civil society participation into the EU agenda.

A second change occurred with the Eurozone crisis that is hitting vast parts of the EU since 2009. The economic downturn provoked dramatic changes in many domestic political systems and this is likely to have a significant impact on the future European institutions, beginning with the European Parliament. At the national level, a number of governments were challenged, had to give up their leadership, or to accept alliances with the opposition parties in unprecedented trans-ideological grand coalitions. At the same time, long standing Eurosceptic parties grew and new critical political movements emerged with a clear anti EU establishment agenda. As a consequence of such shift, the European landscape appears today much more pluralistic than in the past.

While during the period of the permissive consensus there was only a limited scrutiny by European civil society on the decisions taken in Brussels, with the economic crisis and the deep social consequences suffered by so many countries, the level of attention towards the European decision-making process has steadily increased. More and more, national leaders are challenged in their positioning concerning major EU decisions, EU leaders are made object of criticism, as the EU as such is more and more seen with suspicion, if not with straightforward mistrust, by the majorities of many member states especially in the south of Europe, as indicated by the Eurobarometer data.

The new European landscape is today much more diversified than in the past. The anti-establishment camp is now stronger and more pluralistic. The new contentious politics against the euro-enthusiastic bloc is carried out by distinct angles: euro-sceptical, euro-critical and so-called "populist".

On the right-hand side of the political spectrum, there are the main euro sceptical groups that are ideologically close to the idea of ethnic nationalism. They have been

present in the European landscape for a long time and have also been represented in tiny minorities within the European Parliament. After the 2014 European election, their presence in the EP has grown substantially (Hassing Nielsen & Franklin, 2016). Examples of such groups include the Northern League in Italy, the National Front in France, the Finns Party in Finland, the Freedom Party in Austria, the Danish People's Party in Denmark, the Flemish Interest Party in Belgium, the Golden Dawn in Greece, and the British National Party in the UK.

On the left-hand side of the political spectrum, instead, there are those euro critical parties linked to the principle of vernacular and local politics as embedded in specific social traditions. They have also played a minor role in the past but have now accentuated their contentious positioning towards the EU, especially its elites-driven, neo-liberal policies (della Porta, Fernández, Kouki, & Mosca, 2017). Examples of such groups include the Greek Communist Party in Greece, the fractions of the former Italian Communist Party in Italy, and the French Communist Party in France. The support to both of these two categories of political groups, eurosceptic and eurocritical, has been boosted by the economic crisis.

Beyond the aforementioned groups that have been present in the European landscape for many years by now, a number of new political parties and social movements that were born or grew substantially after the crisis should also be taken into consideration. These groups have often electorally benefitted more than the previously mentioned parties of the economic downturn. These groups tend to have a most radical oppositional stance towards the EU, with a populist vein often associated to an explicit anti-euro attitude and a call for a more participatory democracy. Differing examples of such groups include the Five Star Movement in Italy, the Indignados movement in Spain, and to some extent Syriza in Greece.

The present European Parliament elected in 2014 is much more pluralistic than the previous one. Two consequences derive from this. On the one hand, it is more difficult to reach consensual decisions. The classical consensual mode of many European institutions is moving to a majoritarian or two-track approach, if effectiveness is pursued. On the other hand, the presence of so many anti-establishment, if not anti-euro, parties forces the traditional euro-enthusiastic parties (mainly PPE and Socialists) to coalesce even more explicitly than they used to do in the past. A scenario of this kind is already occurring at the national level of many member states. A trans-ideological majority including all major pro-European integration groups, i.e., the European People's Party (EPP), the Party of the European Socialists (PES), and perhaps the Alliance of Liberals and Democrats for Europe (ALDE). And a mixed opposition with the right-wing nationalist parties, the left-wing critical parties, and the new populist movements. This might also suggest a more difficult task for advocates of pro-austerity measures to uphold their policies. In sum, the Eurozone crisis has been a game changer in many member states as well as at the EU level.

The effects of the economic crisis on the European society are generating a number of significant political consequences. Brexit is the most obvious result of popular discontent exacerbated by the economic crisis. In a similar vein, in many other European countries anti-establishment political parties are gaining popularity, often by manipulating the issue of migration and islamophobia. As a consequence, both national and European institutions are under continuous attack. European democracy as we have known it in the last three decades is eroding, with clear evidences of a worsening performance of many elements of the quality of democracy, including socio-economic rights, political participation,

equality, inter-institutional accountability, and the resulting overall responsiveness of the system to the inputs of the citizens. The future ahead is very uncertain. Much will depend on the economic performance of the euro-area. However, this will not only be a matter of economics. Deep political dynamics are under way, which will be difficult to stop. These may either reinvigorate the democratic debate at both the national and European level or push the system towards competitive nationalism with dangerous consequences.

If we go back to the Eurozone crisis, we can understand better the different political reaction we have witnessed in the recent times and the transformation of the political landscape in Europe. On the one hand, we find those who argue that the crisis is mainly due to malfunctioning of the system and requires a technical remedy which tends to be value neutral. These is the typical response of the globalist and pro-integration positions. They may then differentiate between an allegedly value neutral position more in line with the neo-liberal master frame, and a more political position closer to the master frame of cosmopolitanism. On the opposite camp, we find those who argued that the crisis is due to an adhesion to an economic model that is inherently flawed and injustice generating. The solution of these lays in a profound change in the nature of the economic, especially financial, integration ongoing at the European level. Both the master frame of localism and that of civilizationism concur in holding that ethical corrections need to be made to the current economic globalization at the regional level. With this, the specific political transformations occurring in many European political systems are referred back to larger socio-economic processes that have to do with the phenomena of globalization.

References

- Bobbio N. (1994). *Left and Right. The Significance of a Political Distinction*. Cambridge: Polity. 148.
- Boronska-Hryniewiecka K. (2011). Europeanization of Non-State Actors: Towards a Framework for Analysis. Armstrong D., Bello V., Gilson J., Spini D. (eds.). *Civil Society and International Governance. The Role of Non-State Actors in Global and Regional Regulatory Frameworks*. London: Routledge. 73–91.
- Clark I. (2007). *International Legitimacy and World Society*. Oxford: Oxford University Press. 224. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199297009.001.0001
- Curtin D. (2003). Private Interest Representation or Civil Society Deliberation: A Contemporary Dilemma for European Governance. *Social and Legal Studies*, 12 (1). 55–75. DOI: 10.1177/0964663903012001844
- Della Porta D., Caiani M. (2009). *Social Movements and Europeization*. Oxford: Oxford University Press. 230. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199557783.001.0001
- Della Porta D., Fernández J., Kouki H., Mosca L. (2017). *Movement Parties Against Austerity*. Cambridge: Polity. 246.
- Economic and Social Committee. (1999). *Opinion of the Economic and Social Committee on 'The Role and Contribution of Civil Society Organizations in the Building of Europe'*. Brussels: CES 851/1999 (1999/C 329/10).
- European Commission. (2001). *European Governance: A White Paper*. COM (2001) 428 final.Brussels.
- Finnemore M., Sikkink K. (1998). International Norms Dynamics and Political Change. *International Organization*, 52 (4). 887–917. DOI: 10.1162/002081898550789
- Hassing Nielsen J., Franklin M. N. (eds.). (2016). *The Eurosceptic. 2014 European Parliament Elections: Second Order or Second Rate?* London: Palgrave. 265. DOI: 10.1057/978-1-137-58696-4_12
- Heidbreder E. G. (2012). Civil Society Participation in EU Governance. *Living Reviews in European Governance*, 7 (2). 1–42. DOI: 10.12942/lreg-2012-2
- Hooghe L., Marks G. (2009). A Post-functional Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus. *British Journal of Political Science*, 39 (1). 1–23. DOI: 10.1017/s0007123408000409
- Joerges C., Neyer J. (2006). *Deliberative Supranationalism. Revisited*. European University Institute. Working Paper LAW-20. DOI: 10.2139/ssrn.963334
- Lewis D. (2001). *Civil Society in Non-Western Contexts: Reflections on the Usefulness of a Concept*. Civil Society Working Paper series, 13. Centre for Civil Society. London: London School of Economics and Political Science.
- Marchetti R. (2009). Mapping Alternative Models of Global Politics. *International Studies Review*, 11 (1). 133–156. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2008.01828.x
- Marchetti R. (2016). *Global Strategic Engagement. States and Non-State Actors in Global Governance*. Lanham: Lexington Books. 210.
- Marchetti R., Tocci N. (2009). Conflict Society: Understanding the Role of Civil Society in Conflict. *Global Change, Peace and Security*, 21 (2). 201–217. DOI: 10.1080/14781150902872091
- Paffenholz T. (ed.). (2010). *Civil Society and Peacebuilding. A Critical Assessment*. Boulder: Lynne Rienner. 511.
- Quittkat C., Finke B. (2008). The EU Commission Consultation Regime. Kohler-Koch B., De Bievre D., Maloney W. (eds.). *Opening EU-Governance to Civil Society: Gains and Challenges*. Mannheim: University of Mannheim. 183–222.
- Radaelli C. (2003). The Europeanization of Public Policies. Featherstone K., Radaelli C. (eds.). *The Politics of Europeanization*. Oxford: Oxford University Press. 27–56. DOI:10.1093/0199252092.003.0002

Rumford C. (2003). European Civil Society or Transnational Social Space? Conceptions of Society in Discourses of EU Citizenship, Governance and the Democratic Deficit: An Emerging Agenda. *European Journal of Social Theory*, 6 (1). 25–43. DOI: 10.1177/1368431003006001555

Ruzza C. (2005). *Europe and Civil Society: Movement Coalitions and European Governance*. Manchester: Manchester University Press. 221.

Schutter O. de (2002). Europe in Search of Its Civil Society. *European Law Journal*, 8 (2). 198–217. DOI:10.1111/1468-0386.00150

Информация об авторе

Раффаэле Маркетти, доцент (международные отношения) факультета политических наук, Libera Università Internazionale degli Studi Sociali, Guido Carli

00197, Италия, Рим, Viale Romania, 32
rmarchetti@luiss.it

About the author

Raffaele Marchetti, Senior Assistant Professor in International Relations, Libera Università Internazionale degli Studi Sociali, Guido Carli

32, Viale Romania, Rome, Italy, 00197
rmarchetti@luiss.it

Постсоветское пространство

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-122-140

Владислав Владиславович ВОРОТНИКОВ

Московский государственный институт международных отношений (Университет)

МИД России

проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

Страны Балтии в условиях Brexit: еврооптимизм vs евроскептицизм

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена компаративному анализу отношения политического истеблишмента и обществ Латвии, Литвы и Эстонии к Европейскому Союзу после решения Великобритании выйти из объединения. Будучи наиболее «послушными» членами ЕС, страны Балтии с большим опасением отнеслись к результатам этого референдума. Если НАТО воспринимается в прибалтийских государствах как краеугольный камень «жесткой» безопасности, то Европейский Союз традиционно рассматривается как гарант социально-экономической стабильности. В этой связи в странах Балтии стараются смотреть с оптимизмом на будущее ЕС, невзирая на сотрясающие его основы кризисы последних лет. В статье анализируются программные установки как системных, так и маргинальных политических партий, а также общественные настроения в отношении европейской интеграции и конкретных политик ЕС. Евроскептицизм в странах Балтии не носит институционализированного характера и достаточно слабо консолидирован в рамках партийной системы. Парламентские партии используют умеренно евроскептическую риторику в популистских целях, на практике проводя политику,

соответствующую государственным целям углубления европейской и евроатлантической интеграции. В то же время непарламентские и маргинальные партии (как правые, так и левые) отличает более радикальный евроскептицизм, содержащий в том числе призывы к выходу из ЕС и НАТО. Отношение населения прибалтийских государств можно характеризовать как несистемный евроскептицизм: имея критическую позицию в отношении политики Брюсселя (в особенности если это представляет угрозу для культурной идентичности достаточно консервативных обществ стран Балтии), жители этих государств активно пользуются свободой передвижения и возможностью трудоустройства в любых странах ЕС. Особое место традиционно занимает позиция русского и русскоязычного меньшинства в Латвии и Эстонии. Имея возможность пользоваться преимуществами, которые предоставило членство в ЕС, они гораздо более подвержены евроскептическим настроениям, поскольку членство не оправдало их надежду на ликвидацию «демократического дефицита» (ограничения прав и свобод, связанные с использованием русского языка или принадлежностью к нетитульному этносу) в странах их проживания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: страны Балтии, Латвия, Литва, Эстония, евроскептицизм, еврооптимизм, русскоязычные в странах Балтии, Европейский союз, НАТО, Brexit

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Воротников В. В. (2017). Страны Балтии в условиях Brexit: еврооптимизм vs евроскептицизм. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (1). 122–140. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-122-140

Post-Soviet Space

Vladislav V. VOROTNIKOV

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

The Baltic States in the context of Brexit: Euro-optimism vs Euroscepticism

ABSTRACT. *The article is devoted to a comparative analysis of the attitude of the political establishment and the societies of Estonia, Latvia and Lithuania to the European Union after Brexit. Being the most “obedient” members of the EU, the Baltic countries were dramatically concerned with the results of the referendum. If NATO is perceived in the Baltic States as a cornerstone of “hard” security, the European Union is traditionally considered as a guarantor of social and economic stability. In this regard, the Baltic countries are trying to assess the future of the EU optimistically, despite the crises of recent years. The article analyzes political platforms of both systemic and marginal political parties, as well as public attitudes towards European integration and specific EU policies. Euroscepticism in the Baltic States is not institutionalized and is rather poorly consolidated within the party system. At the same time, the parliamentary parties use moderately Eurosceptic rhetoric for populist purposes, in practice pursuing state pol-*

icy of intensifying European and Euro-Atlantic integration. On the contrary, non-parliamentary and marginal parties (both right-wing and left-wing) are distinguished by a more radical Euroscepticism, including appeals to withdraw from the EU and NATO. The grass-root sentiments in the Baltic states can be characterized as unsystematic Euroscepticism. Having a critical stance towards specific EU policies (especially those that threaten the cultural identities of quite conservative Baltic societies), residents of these states actively enjoy freedom of movement and the opportunity to work in any EU country. The Russian and Russian-speaking minorities in Latvia and Estonia is traditionally something specific. Having the opportunity to benefit from the EU membership, they are much more prone to Eurosceptic sentiments, since membership did not justify their hopes to eliminate the “democratic deficit” (restrictions on rights and freedoms related to the use of the Russian language or belonging to a non-title ethnic group).

KEYWORDS: *Baltic states, Latvia, Lithuania, Estonia, Euroscepticism, EU-optimism, Russian-speaking in the Baltic states, European Union, NATO, Brexit*

FOR CITATION: Vorotnikov V. V. (2017). The Baltic States in the Context of Brexit: Euro-optimism vs Euroscepticism. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10(1), 122–140. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-122-140

Проблема лояльности государств – членов Европейского Союза к Брюсселю и общественные настроения относительно перспектив членства в ЕС (как и его будущего) стали объектом пристального экспертного внимания после завершившегося для многих неожиданным решением покинуть это объединение референдума в Великобритании в июне 2016 г. Тогда 51,89% пришедших проголосовать британцев (явка составила 72,21%) высказались за выход из ЕС. Начало практической реализации этого решения привело к возникновению необычной, ранее незнакомой международно-правовой среды экономического и политического сотрудничества в Европе в условиях уже не интеграции, а возможной дезинтеграции ЕС. Создался опасный прецедент, чреватый непредсказуемыми политическими последствиями для Брюсселя – к примеру, «эффектом домино» в ситуации нарастающего уже не первый год системного кризиса в этом интеграционном объединении и роста популярности правого популизма во многих европейских государствах (партий «Право и справедливость» (Польша), «За лучшую Венгрию» («Йоббик»), «Альтернатива для Германии», Датской народной партии, «Национального фронта» во

Франции др.). Brexit стал серьезным испытанием для ЕС, и без того переживающего десятилетие нестабильности – кризис суверенных долгов, миграционный кризис, терроризм, неудачи во внешнеполитической сфере – провал политики Восточного партнерства и Евро-средиземноморского партнерства, кризис политики мультикультурализма и т.д.

Однако рано и вряд ли корректно говорить о закате ЕС. Даже укрепившие свои политические позиции евроскептики в большинстве случаев чаще рассуждают о реформировании, а не о роспуске этого объединения. Европейский проект переживает не первый кризис и, вероятнее всего, найдет выход из сложившейся ситуации с учетом официального признания и даже формального закрепления в принятой 25 марта 2017 г. Декларации по случаю 60-летия Римских договоров идеи гибкой, разноскоростной интеграции: «Мы будем действовать совместно, если необходимо – с разной скоростью и интенсивностью...»¹.

Специфика процессов европейской интеграции в странах Балтии состоит в том, что изначально она носила не только и не столько ориентированный на членство в Европейском союзе характер, сколько в широком смысле предполагала интеграцию в евроатлантические блок-овые военно-политические и экономические структуры («возвращение на Запад»). В первые годы это стремление было продиктовано главным образом ценностным выбором отказа от какой-либо реинтеграции с другими государствами постсоветского пространства. Впоследствии же, по мере укрепления независимости, сформировалось прагматичное обоснование этого выбора: процессы становления и сохранения государственности,

1 160th anniversary of the Rome Treaties / Council of the European Union.– 25.03.2017. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2017/03/25-informal-meeting/> (Accessed 27.03.2017)

перестройки социально-политической системы неразрывно связаны с евроатлантической интеграцией.

За прошедшие с момента обретения независимости более 25 лет прибалтийские государства стали участниками основных западных международных организаций и интеграционных структур: СБСЕ/ОБСЕ (1991 г.), ООН (1991 г.), Совет Европы (Литва и Эстония – в 1993 г.; Латвия – в 1995 г. после смягчения по требованию СЕ своего закона о гражданстве), ВТО (Латвия и Эстония – в 1999 г., Литва – в 2001 г.), ЕС (2004 г.), НАТО (2004 г.), ОЭСР (Эстония – в 2010 г.; Латвия – в 2016 г.; Литва завершает переговоры о вступлении). Кроме того, говоря о членстве в Европейском Союзе, стоит добавить, что с 2007 г. страны Балтии присоединились к Шенгенскому пространству, а затем стали полноценными участниками Экономического и валютного союза, вступив в зону евро (Эстония – в 2011 г., Латвия – в 2014 г., Литва – в 2015 г.).

Членство в Европейском Союзе рассматривается в странах Балтии, с одной стороны, как логичное завершение «пути в Европу» и возвращения в «европейскую семью», с другой стороны, как панацея от возможных экономических неурядиц, а сам союз – как гарант «мягкой» (социально-экономической) безопасности, тогда как НАТО – краеугольный камень «жесткой» безопасности. В этой связи с 2004 г. основной задачей нахождения в ЕС для Латвии, Литвы и Эстонии стало получение экономических выгод от членства взамен на максимальное «послушание».

Так, еще на этапе переговоров о вступлении страны Балтии придерживались тактики любых уступок Брюсселю во имя конечной цели насколько возможно быстрого присоединения к ЕС. Характерна оценка первоначальной переговорной позиции Эстонии: «Эстония была крошечной, малоизвестной страной, которой было сложно что-то предложить ЕС... Единственное, чем могла отличаться Эстония, – стать наиболее энергичной и готовой к вступлению страной, которая быстрее и лучше всех выполняет «домашнее задание» и не создает нелепых и трудноразрешимых проблем» (Mikkel, Kasekamp, 2005, р. 91–115). В отличие от Польши, которая в процессе переговоров смогла договориться о дополнительном субсидировании сельскохозяйственных производителей, выделении средств на переквалификацию рабочих закрывающихся угольных шахт и судоверфей, прибалтийские государства вступили «как есть», в результате чего существенно пострадало сельское хозяйство (сократилось мясо-молочное производство, в Латвии было полностью ликвидировано производство сахарной свеклы, также закрыты все сахарные заводы), а Литва согласилась закрыть Игналинскую АЭС.

Уже после 2004 г., как показывают ежегодные «Доклады по мониторингу применения права ЕС» Европейской комиссии, большую часть лет страны Балтии были в числе лидеров по адаптации норм ЕС и их инкорпорации в национальное законодательство (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1. Количество «процедур нарушения», возбужденных против стран Балтии с указанием места в общем списке стран – членов ЕС (в сравнении с тремя худшими показателями)

Название страны/ Год		2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Латвия*		76 (13)	57 (9–10)	54 (11–12)	51 (7)	33 (3)	27 (4)	32 (3)	23 (1)	20 (1)	20 (2)	26 (5–7)	28 (5)
Литва		15 (1)	26 (1)	33 (1)	35 (2)	28 (1)	24 (2)	27 (2)	36 (2–4)	22 (2)	25 (4–5)	26 (5–7)	33 (7)
Эстония		108 (22)	59 (12–14)	64 (15–16)	49 (5–6)	32 (2)	26 (3)	43 (5)	36 (2–4)	24 (3)	25 (4–5)	16 (2)	26 (4)
Страны с худшими показателями (обратная нумерация)	3	Греция (109)	Португалия (85)	Португалия (89)	Болгария (80)	Греция (74)	Велико-британия/ Польша (53)	Греция (157)	Бельгия (117)	Испания (91)	Греция (79)	Испания (86)	Испания (83)
	2	Италия (123)	Греция (104)	Греция (92)	Италия (101)	Бельгия (76)	Греция (70)	Бельгия (159)	Греция (125)	Бельгия (92)	Испания (90)	Италия (89)	Дания (88)
	1	Чехия (145)	Италия (136)	Италия (126)	Румыния (195)	Италия (78)	Италия (80)	Италия (176)	Италия (135)	Италия (99)	Италия (104)	Греция (89)	Италия (89)

Источник: Annual reports on national implementation of EU law, 2004–2015. European Commission.

Кроме того, страны Балтии, по сути, безоговорочно и в условиях практически полного согласия со стороны парламентских политических партий (как правящих, так и оппозиционных) поддержали ряд крупных инициатив Европейской комиссии: Договор о введении Конституции для Европы, Лиссабонский договор, введение т.н. Европейского семестра, создание Европейского стабилизационного механизма и принятие Европейского фискального пакта.

К примеру, Литва стала первой страной, ратифицировавшей Договор о введении Конституции для Европы. Позднее он был ратифицирован Латвией (2 июля 2005 г.) и Эстонией (9 мая 2006 г.). Интересно, что если в Эстонии договор поддержали представители всех шести входящих в парламент партий, то в Литве и Латвии ряд политических сил выступил против. К примеру, в литовском сейме в день голосования присутствовали в основном депутаты левоцентристской и

* Для Латвии, Литвы и Эстонии в скобках указано место по данному показателю среди всех стран – членов ЕС; для стран с наихудшими показателями в скобках указано общее число нарушений.

либерал-центристской направленности, тогда как большая часть консерваторов (к примеру, представителей фракции «Союз Отечества») для голосования просто не зарегистрировалась. В латвийском сеиме воздержались или не голосовали представители фракций двух «крайних» партий – «За права человека в Единой Латвии» и «Отечеству и свободе/ДННЛ».

Проблема евроскептицизма в программах политических партий

Партийно-политический ландшафт стран Балтии в целом характеризуется наличием консенсуса по внешнеполитической проблематике. Как уже было отмечено, прибалтийские государства с момента вступления активно стремились качественно усилить свою интегрированность в общеевропейские институты, стать наиболее «послушными» европейцами, способствовать дальнейшему расширению ЕС. Вместе с тем существует ряд придерживающихся евроскептических установок политических сил как правого, так и левого спектра, в основном не имеющих широкой общественной поддержки.

В *Литве* с 2004 г. практически все партии каждого новоизбранного парламента подписывали совместное соглашение относительно общего подхода к внешнеполитической стратегии государства («Соглашение политических партий об основных целях и задачах внешней по-

литики государства в 2004–2008 гг.», «Соглашение политических партий Литвы о принципах, стратегических вехах и целях внешней политики Литвы на 2008–2012 гг.», «Соглашение парламентских партий Литвы относительно оборонной политики на 2012–2016 гг.», «Соглашение представленных в сейме Литовской Республики политических партий относительно стратегических вех внешней политики и политики безопасности и обороны на 2014–2020 гг.»²), где углубление евроатлантической интеграции провозглашалось безусловным приоритетом внешней политики. Крупные партии («Союз крестьян и зеленых», Социал-демократическая партия Литвы, «Союз Отечества – Литовские христианские демократы») хотя и нередко популистски выступают с критическими оценками решений Брюсселя (наибольшую конфликтность вызвала необходимость приема беженцев по определенным Еврокомиссией квотам из стран Северной Африки и Ближнего Востока), в конечном счете их имплементируют.

В то же время одним из подписантов указанных соглашений и наиболее крупным политическим образованием евроскептической направленности является партия «Порядок и справедливость», после последних выборов получившая 8 мест в сейме и 155 мест в советах самоуправления. До выборов 2016 г. партию возглавлял экс-президент Р. Паксас³, с 2009 г. избравшийся в Европарламент и в настоящее

2 Lietuvos politinių partijų pareiškimai ir susitarimai / LR Seimo oficiali svetainė. URL: http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_show?p_r=5042&p_k=1 (Accessed 27.03.2017)

3 Именно Р. Паксас был тем президентом Литвы, который потерял свой пост в 2004 г. вследствие импичмента по так и не доказанным обвинениям в коррупции и связям с российской мафией. Впоследствии с принятием соответствующей поправки в закон о выборах главы государства ему было пожизненно запрещено баллотироваться в президенты. Однако в 2011 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) постановил, что данная мера носит непропорциональный совершенному им проступку характер. В 2015 г. сеймом была принята поправка, разрешающая баллотироваться в сейм в подобном случае («членами сейма не могут избираться лица, которые грубо нарушили Конституцию или присягу и которых в порядке процесса импичмента сейм отстранил от занимаемой должности или лишил мандата члена сейма, если после отстранения или лишения (мандата) не прошло 10 лет»), однако ситуация с возможностью выставления Р. Паксасом своей кандидатуры на президентских выборах (ближайшие пройдут в 2019 г.) не решена до сих пор.

время входящий в объединяющую право-консервативные евроскептические политические партии (в их числе Партия независимости Соединенного Королевства) фракцию «Европа за свободу и прямую демократию». Будучи представителем умеренного направления евроскептицизма, партия выступает против федерализации ЕС, за диверсификацию внешнеполитического курса, сохранение национальной идентичности, традиционных семейных ценностей⁴ и т.п. Одной из ее недавних громких акций была попытка одновременно с парламентскими выборами в октябре 2016 г. провести референдум о выходе Литвы из зоны евро и возвращении лита в качестве национальной валюты⁵.

К партиям, в чьих политических позициях содержатся элементы умеренного евроскептицизма, можно отнести две, чье идеологическое оформление связано с именами двух известных общественно-политических деятелей, стоявших у истоков литовской независимости – Р. Озоласа («Литовская партия центра», имеющая одно место в сейме нынешнего созыва) и Р. Паулаускаса («Литовская народная партия», получившая на последних выборах лишь 1,01% голосов). Так, в 2012 г. Р. Озолас был одним из инициаторов создания национал-консервативного политического объединения «За Литву в Литве». А в 2015 г. «Литовская партия центра» выступила с заявлениями против назначения Брюсселем квот на прием беженцев⁶.

Программа «Литовской народной партии» содержит пункты о неприемлемости дальнейшей федерализации ЕС и идеи заключения Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, необходимости диверсификации внешней политики Литвы, поддержке традиционных семейных ценностей⁷ и т.п.

Интересно, что с именами этих политиков связана еще одна инициатива, функционирующая в Литве с 2009 г. – движение национального сопротивления «Жальгирис» (*Žalgirio nacionalinio pasipriešinimo judėjimas*), создание которого стало своеобразным интеллектуальным вызовом сформировавшемуся в общественно-политическом дискурсе консенсусу по внешнеполитическим вопросам. Оно было создано «как реакция на происходящую несправедливость и упадок национальных ценностей и самобытности», для того чтобы стать «общественной силой, представляющей альтернативную патриотическую антиглобалистскую позицию»⁸. Его деятельность уже в течение 8 лет продолжает освещаться на страницах одноименного бесплатно распространяемого приложения «Жальгирис» к общенациональной газете «Республика»⁹.

Нельзя не назвать и еще одну евроскептическую партию национал-радикального толка – Союз националистов («таутини́ки»), выступавший на последних выборах в составе не получившей мест в парламенте (0,54% голосов) коалиции «Против корруп-

4 Seimo rinkimų programa 2016. Siekiai ir siūlymai Lietuvos programai (2017-2020) / Partijos "Tvarka ir teisingumas" oficiali svetainė. URL: <http://www.tvarka.lt/lt/apie-mus/seimo-rinkimu-programa-2016> (Accessed 27.03.2017).

5 P. Gražulis siūlo grįžti prie lito / Lietuvos žinios. – 2016.05.02. URL: <http://lzinios.lt/zinios/Lietuva/p-grazulisiulo-grizti-prie-lito/222441> (Accessed 27.03.2017).

6 Lietuvos centro partijos pareiškimas "Lietuvos centro partija kategoriškai pasisako prieš kvotas įpareigojančias priimti pabėgėlius" / Lietuvos centro partijos oficiali svetainė. – 2015.10.20. URL: <http://www.centropartija.lt/pareiskimai/324-dl-pabgli-kvot> (Accessed 27.03.2017).

7 Lietuvos liaudies partijos programa / Lietuvos liaudies partijos oficiali svetainė. URL: <http://www.liaudiespartija.lt/rinkimine-programa/> (Accessed 27.03.2017).

8 Žalgirio nacionalinio pasipriešinimo judėjimo oficiali svetainė. – URL: <http://suzalgiriu.lt/apie-mus/> (Accessed 27.03.2017).

9 Подробнее о первых годах деятельности движения «Жальгирис» см.: Воротников В.В. Литовское общественное движение «Жальгирис» и формирование альтернативной внешнеполитической философии (по материалам приложения «Жальгирис» к газете «Республика») // Балтийский регион. – 2011. – № 3(9). – С. 59–70.

ции и бедности» с партией «Молодая Литва». В качестве основного принципа Союза в области внешней политики провозглашен «приоритет национальных интересов». В программе отмечается, что партия «смотрит на Европейский союз и другие международные организации как на средство достичь целей, стоящих перед Литвой, а не как на спасение или самоцель. Литовцы должны достойно защищать свои интересы, не должны быть слепыми исполнителями иностранной воли. Европейский союз – не Родина. Родина каждого литовца – Литва. Каждый гражданин Литвы должен быть лоялен не «Брюсселю» или «Кремлю», а своей стране». Привычно в этом контексте звучит и тезис о поддержке традиционных семейных ценностей и «неприемлемости пропаганды гомосексуализма и узаконения однополых браков, которые нынешнее европейское парламентское большинство пытается навязать всем странам ЕС»¹⁰.

Наконец, особое место среди литовских политических движений занимает лево-популистская политическая партия «Социалистический народный фронт», чья программа отличается радикальным евроскептицизмом. Нехарактерно для литовского общественно-политического дискурса звучат программные тезисы партии о необходимости «выхода из НАТО и ЕС, восстановления независимости Литовского государства», «последовательного, активного и акцентированного нейтралитета, неучастия ни в каких военных блоках» и нейтралитета Литвы. В программе отмечается, что партия выступает «за демилитаризацию международных отношений, за общую систему

коллективной безопасности в Европе, участниками которой были бы все европейские страны», а также «за практическую реализацию 137 статьи Конституции ЛР, которая запрещает присутствие иностранных войск на территории нашей страны»¹¹. Впрочем, партия занимает маргинальное место в литовской политической жизни. В ходе парламентских выборов 2012 г. ее список получил только 1,21% (16515) голосов, в выборах 2016 г. она не участвовала; по итогам местных выборов 2015 г. лишь двое ее представителей смогли избраться в советы муниципалитетов.

В *Латвии*, как и в Литве, на партийном уровне евроскептицизм представлен незначительно. К радикальным евроскептикам в первую очередь можно отнести одноименную партию «Евроскептики – партия действия» («Euroskeptiki – Rīcībaspartija»). Она была основана незадолго до референдума по вопросу о вступлении в ЕС в 2003 г. и с этого момента эволюционировала от левых к правым убеждениям. Партия выступает с радикальной внешнеполитической программой, призывая «освободить Латвию от безропотного подчинения требованиям еврокомиссаров, которые ставят под угрозу безопасность и традиционные ценности латвийского общества: христианскую мораль, семью, культуру», «выйти из блока НАТО, принять хартию о нейтралитете (по примеру Швейцарии); запретить военные базы НАТО на территории ЛР и растраты государственного бюджета на вооружение», «против исламизации Латвии и Европы»¹². Однако «Евроскептики» не пользуются

10 Nacionalinių interesų pirmenybė (Tautininkų Sąjungos principai) / Tautininkų Sąjungos oficiali svetainė. URL: <http://www.tautininkai.lt/principai/viska-lietuvai/> (Accessed 27.03.2017)

11 Программные положения ассоциации «Социалистический народный фронт». – 2016.06.04. URL: <http://www.slfrontas.lt/programmnye-principy-snf.html> (Дата обращения: 27.03.2017)

12 Основные тезисы программы "Euroskeptiki – Rīcībaspartija" («Евроскептики – Партия действия») / Официальный сайт партии «Евроскептики». URL: <http://eiroskeptiki.lv/%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D1%81/?lang=ru> (Дата обращения: 27.03.2017)

популярностью у электората – на выборах в Европарламент 2004 г. партия получила лишь 0,95% голосов, в 2009 г. – 0,43%, в 2014 г. списка не выставляла. На сегодняшний день ни в сейме, ни на местном уровне партия не представлена.

Как отмечает исследователь проблем евроскептицизма в Латвии, научный сотрудник Латвийского института международных отношений (ЛИО) А. Аустерс, «радикальные евроскептические взгляды в Латвии персонифицированы людьми, которые никогда не занимали выборных должностей» (Austers, 2016, p. 87). К числу таких людей он относит известного журналиста Ю. Пайдерса и бывшего лидера партии «Евроскептики» Н. Гростиньша, в последние годы поддерживающего панъевропейские правые радикальные политические группы «Европейский альянс за свободу», «Европа наций и свободы» и «Объединенные европейцы за демократию». При этом в 2014 г. Н. Гростиньш безрезультатно выдвигал свою кандидатуру в Европарламент от Социалистической партии Латвии, которая считает себя преемницей основанной еще в 1904 г. Латвийской социал-демократической рабочей партии, а затем – Коммунистической партии Латвии.

Социалистическая партия Латвии также относится к числу радикальных евроскептических партий, выступая за выход из ЕС и НАТО, хотя в целом не рассматривает, в отличие от «евроскептиков», европейскую политико-правовую культуру как чуждую Латвии. Бывший председатель партии А. Рубикс в 2009–2014 гг. был депутатом Европарламента и входил в группу «Европейские объединенные левые/Лево-зеленые Севера», выступающую за европейскую интеграцию, но против существующей политико-институциональной системы. Сейчас три члена Социалистической партии являются депутатами сейма, будучи избранными в 2014 г. по спискам «Центра согласия». А. Аустерс относит к

евроскептическим партиям и «Центр согласия», «политическая программа которого носит проевропейский характер, однако направление развития партии, акцент ее деятельности на русскоязычном населении Латвии и тесные связи с российской правящей партией «Единая Россия» позволяют предположить, что истинные интересы этой партии лежат в другом направлении» (Austers, 2016, p. 89). Похожим образом можно охарактеризовать и партию «Русский союз Латвии» (до 2014 г. – «За права человека в Единой Латвии»), не ставящую под сомнение латвийский внешнеполитический курс на европейскую интеграцию и выступающую за ликвидацию проявлений «демократического дефицита» (т.е. решение проблемы массового безгражданства).

К умеренно евроскептическим можно отнести большинство системных политических партий Латвии. Хотя в соответствии с программными установками все они поддерживают европейскую (и евроатлантическую) интеграцию, на практике по ряду аспектов европейской политики могут занимать критическую позицию. Так, партия «Союз зеленых и крестьян» и Национальное объединение «Все для Латвии!» – «Отечеству и свободе/ДННЛ», регулярно входившие в правительственные коалиции, «поддерживают членство Латвии в ЕС и других ключевых европейских организациях, однако видят предпочтительной интеграцию в соответствии с моделью ЕС как простого союза государств. Их позиция состоит в том, что Латвия слишком уступчива Брюсселю, поэтому должна демонстрировать больше самоуважения и независимости в принятии решений по внутренним вопросам» (Austers, 2016, p. 89). Вместе с тем Национальное объединение, к примеру, по некоторым вопросам занимает гораздо более жесткую, чем официальная латвийская или общеевропейская, позицию: «Многие инструменты и инициативы политики ЕС требуют критической оценки.

Таковыми примерами являются программы «Северное измерение» и «Восточное партнерство». Национальное объединение считает, что ЕС должен найти эффективный ответ на усилия России по интеграции бывших советских республик, созданию Таможенного союза, Организации договора коллективной безопасности и Евразийского союза»¹³.

Многолетний мэ́р г. Вентспилса А. Лембергс, занимающий пост главы региональной партии «Латвии и Вентспилсу», на парламентских выборах представляющей своих кандидатов по списку «Союза зеленых и крестьян», неоднократно выступал с критикой натовского присутствия на территории Латвии¹⁴, политики МВФ в отношении Латвии в условиях экономического кризиса в 2008–2009 гг.¹⁵, а также проекта Rail Baltic¹⁶.

Наконец, в программных установках недавно созданной и прошедшей на последних выборах в парламент (7 мест) консервативной партии «От сердца – Латвии» также содержатся положения о том, что «чуждые идеологии все больше и больше распространяются в Латвии», что подрывает ее идентичность, а латыши не должны больше «терпеть дальнейшее ограничение внешнего и внутреннего суверенитета Латвии как результата процессов федерализации и централизации функций ЕС»¹⁷.

В *Эстонии* к евроскептическим партиям относят как парламентскую Центристскую партию, а также недавно

созданные, но не вошедшие в состав коалиционного правительства Консервативную народную партию и Эстонскую свободную партию, так и непарламентские Эстонскую партию независимости, Партию эстонских христианских демократов, Объединенную левую партию Эстонии. При этом парламентские партии традиционно не ставят под вопрос евроатлантический выбор Эстонии, тогда как непарламентские придерживаются более радикальных взглядов.

Отношения Центристской партии, в настоящее время возглавляющей правительственную коалицию, с проблематикой европейской интеграции имеют неоднозначную историю. В частности, в период вступления в ЕС она была единственной партией, занявшей нейтральную (а не однозначно положительную) позицию по этому вопросу. Руководство партии (в первую очередь председатель Э. Сависаар) приняло решение о «свободном» голосовании сторонников на референдуме по вопросу вступления в ЕС. В ноябре 2016 г., впервые за долгие годы получив возможность сформировать правительство, центристы оказались перед необходимостью следовать политическому мейнстриму в вопросах евроинтеграции, притом что прежний председатель партии Э. Сависаар нередко выступал с критикой в отношении участия Эстонии в финансируемых Брюсселем инфраструктурных проектах (к примеру, Rail Baltic). Основными причинами,

13 Nacionālās apvienības "Visu Latvijai!" – "Tēvzemei un Brīvībai/LNNK" programma (Versija 4.1. 03.12.2012.) /Nacionālās apvienības "Visu Latvijai!" – TB/LNNK". URL: http://www.nacionalaapvieniba.lv/wpcontent/uploads/2016/03/Nacionalas_apvienibas_VL_TB-LNNK_programma_v4.1.pdf (Accessed 27.03.2017)

14 Lembergs iespējamo NATO spēku Latvijā ieviešanu pielīdzina okupācijai / NRA.lv.– 03.04.2014. URL: <http://nra.lv/latvija/114643-lembergs-iespejamo-nato-speku-latvija-ieviesanu-pielidzina-okupacijai.htm> (Accessed 27.03.2017)

15 Lembergs: SVF naudas dēļ esam gatavi list uz vēdera / Biznesa portāls db.lv. – 28.05.2009. URL: <http://www.db.lv/finanses/lembergs-svf-naudas-del-esam-gatavi-list-uz-vedera-170361> (Accessed 27.03.2017)

16 Lembergs: "Rail Baltica" ir Sibīrijas upju pagriešanai līdzīgs projekts / Delfi.lv. – 02.03.2016. URL: <http://www.delfi.lv/bizness/transport-logistika/lembergs-rail-baltica-ir-sibirijas-upju-pagriesanai-lidzigsprojekts.d?id=47135323> (Accessed 27.03.2017)

17 "No Sirds Latvijai" programma / "No Sirds Latvijai". URL: <http://nosirdslatvijai.lv/lv/partija/programma> (Accessed 27.03.2017)

по которым партию характеризуют как евроскептическую, являются ее стремление к более сбалансированным отношениям с Россией и позиция в отношении судьбы эстонских «неграждан».

Что касается двух других парламентских партий, то евроскептицизм Эстонской свободной партии носит умеренный и в большей степени ценностный характер, тогда как Консервативная народная партия Эстонии – единственная из представленных в парламентах стран Балтии, которая после Brexit призвала к пересмотру отношений Эстонии и ЕС. В частности, Эстонская свободная партия выступила с критикой предложенных Еврокомиссией обязательных квот на прием мигрантов, а ее лидер Андрус Херкель заявил, что «такая политика провоцирует экстремистские настроения и расщепляет... общество»¹⁸. Кроме того, партия выступила против закона о сожительстве, разрешающего однополым парам регистрировать партнерство у нотариуса (был принят осенью 2014 г., вступил в силу с января 2016 г.).

Отмены закона требует и Консервативная народная партия, на волне кризиса беженцев приобретая весьма значительную популярность (так, в марте 2016 г. она достигла 19%, хотя к осени упала до 9–10%). Как было отмечено, представители этой партии выступают с более радикальных в отношении ЕС позиций. Так, они высказались против определяемых Евросоюзом квот и приема беженцев как такового: «Эстония не должна допустить, чтобы дело зашло так далеко, как это случилось в Британии,

Франции или Швеции... Наша иммиграционная политика должна руководствоваться одним простым правилом: если ты темнокожий, возвращайся назад (*«if you're black, go back»*)»¹⁹. Что касается дальнейшей судьбы Эстонии в Евросоюзе (значимость НАТО как гаранта безопасности под сомнение не ставится), то сразу после референдума в Британии партия призвала к проведению широкой общественной дискуссии и «в отдаленной перспективе» референдума о членстве Эстонии в ЕС²⁰.

Программа не представленной в Рийгикогу Эстонской партии независимости (создана в 1999 г.) отличается наибольшим радикализмом. Она выступает за выход Эстонии из Европейского Союза и ее нейтральный статус, рассматривая деятельность ЕС (как и других международных организаций – НАТО, МВФ) как проявление «неоколониализма». Как и в случае с партиями сходной идеологической направленности из Латвии и Литвы, она не пользуется популярностью у электората. Ее поддержка на парламентских выборах не превышала 0,5% голосов, во время последних выборов в 2015 г. за нее проголосовали лишь 0,2% избирателей. На выборах в Европейский парламент в 2014 г. она получила только 1,3% голосов. Не пользуется поддержкой и Партия эстонских христианских демократов, выступавшая против присоединения Эстонии к ЕС и принятия европейской Конституции. До признания ее банкротом в 2012 г. кандидаты от этой партии иногда проходили на местных выборах в советы муниципалитетов.

18 Эстония: Навязываемые квоты на мигрантов провоцируют экстремизм в ЕС / ИА REGNUM. – 26.06.2015. URL: <https://regnum.ru/news/1937239.html> (Дата обращения: 27.03.2017)

19 Conservative Politician: If You're Black, Go Back / ERR.ee. – 29.05.2013. URL: <http://news.err.ee/107416/conservative-politician-if-you-re-black-go-back> (Accessed 27.03.2017)

20 Консервативная народная партия Эстонии призвала к выходу из ЕС / Новостное агентство Sputnik. – 24.06.2016. URL: <https://ru.sputnik-news.ee/news/20160624/2286779.html> (Дата обращения: 27.03.2017)

Объединенная левая партия Эстонии возникла в 2008 г. в результате слияния Левой партии Эстонии, ведущей историю от стоявшего в 1990–1991 гг. на позиции независимости Эстонии крыла Коммунистической партии Эстонии, и Конституционной партии. Она выступает за реформирование и демократизацию Европейского союза (к примеру, за увеличение значимости Европейского парламента, а также Комитета регионов и Социально-экономического комитета при принятии решений европейскими институтами), его «автономность от гегемонии США», а также за то, чтобы Европа освободилась от антидемократической и неолиберальной политики ВТО и МВФ, отказалась от НАТО, иностранных военных баз и любой модели европейской армии, ведущей к увеличению военного соперничества и гонке вооружений в мире»²¹.

Социология евроскептицизма

В 2003 г. в странах Балтии прошли референдумы о вступлении в ЕС. В Латвии «за» вступление проголосовали 66,9% (явка – 71,5%), в Литве – 91,1% (явка – 63,4%), в Эстонии – 66,8% (явка – 64,1%). Интересно, что, по данным опросов, на первых этапах переговоров о членстве Латвии поддержка членства в ЕС среди русского населения была такой же, как и среди латышей или даже выше: в 1995 г. «за» были 70% латышей и 69% русских, в 1998 г. – 58% и 64%, тогда как в октябре 2003 г. (т.е. уже после референдума)

поддержка оценивалась в 57% среди латышей и только в 20% среди русских²² (для сравнения: по данным экзитполов, в Эстонии на референдуме вступление в ЕС поддержали 72,8% эстонцев и 56,2% русскоязычных (Mikkel, Pridham, 2004). Объяснением этому могут служить ожидания среди русских и русскоязычных жителей Латвии того, что Европейский союз заставит местные власти ликвидировать институт «негражданства». Когда, по мере продвижения переговоров, выяснилось, что этого не произойдет, поддержка с их стороны сократилась.

Сегодня, несмотря на кризис Европейского Союза, население стран Балтии в целом продолжает сохранять уверенность в правильности европейского выбора, полагая, что вследствие этого шага их жизнь изменилась к лучшему (не менее 55–60%), а также верит в оптимистический сценарий его будущего (в 2016 г. в Латвии таких было 55%, в Литве – 70%, в Эстонии – 56%, что выше среднего по ЕС-28 уровня в 50%²³). При этом основные достижения ЕС оцениваются в этих странах явно с позиции практической, материальной пользы. Жители стран Балтии (как, впрочем, и других восточноевропейских стран) считают основными достижениями ЕС поддержание мира в межгосударственных отношениях, свободу передвижения людей²⁴, товаров и услуг, отдавая третье место среди достижений возможности участия в программах студенческих обменов (наподобие ERASMUS). И это объяснимо.

21 Манифест «Изменим Европу» / Официальный сайт Объединенной левой партии Эстонии. URL: http://vasakpartei.ee/wp-content/uploads/2014/10/manifest_puhas1.pdf (Дата обращения: 27.03.2017)

22 Šupuleļ. Vēlreiz par referendumu: etniskā šķelšanās bāls jomā par Latvijas iestāšanos ES. Pētījumu rezultāti / Baltijas Sociālo zinātņu institūts. – 24.02.2004. URL: <http://providus.lv/article/velreiz-par-referendumu-etniskaskelsanas-balsojuma-par-latvijas-iestanas-es-petijumu-rezultati> (Accessed 27.03.2017)

23 Standard Eurobarometer 86. Autumn 2016. Public Opinion in the European Union / European Commission; TNS Opinion & Social. – December 2016. – P. 20.

24 Согласно данным того же опроса, 95% населения Эстонии и Литвы и 94% населения Латвии положительно оценивают свободу передвижения по ЕС (Ibid. P. 25).

В условиях недоверия собственным правительствам (как показывают данные проводимых Европейской комиссией опросов *Eurobarometer*, доверие населения наднациональным органам Евросоюза выше, чем национальным властям (см. *Таблицу 2*), продолжающим следовать в экономической политике жесткому неолиберальному курсу, возможность беспрепятственного выезда в страны Западной Европы, постепенно открывшие свои рынки труда для выходцев из стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Балтии, была с готовностью воспринята последними. В 2004–2015 гг. Литву могли покинуть более 500 тыс. чел., Латвию – 300–350 тыс. чел., Эстонию – 100–150 тыс. чел., которые дополнили ряды и без того значительной прибалтийской диаспоры в Великобри-

тании (что обусловило особую напряженность стран Балтии в отношении Brexit), Ирландии, Швеции, США, Канаде, Австралии и др., переводящей значительные средства на родину. В 2004–2015 гг. совокупный объем денежных трансфертов от прибалтийских мигрантов составил 40,207 млрд долл. США (Латвия – 18,212 млрд долл. США, Литва – 17,236 млрд долл. США, Эстония – 4,759 млрд долл. США) (Воротников, Габарта, 2016). Если факт массовой эмиграции представляет большую опасность для будущего социально-экономического развития стран Балтии, то в то же самое время он является практическим примером положительной оценки населением тех перспектив и возможностей, которые дает членство этих государств в ЕС.

Таблица 2. Уровень доверия ЕС, правительству и парламентам национальных государств (%)

(Респондентам задавался вопрос: «Я бы хотел спросить, насколько Вы доверяете определенным институтам. Для каждого из нижеследующих институтов ответьте, доверяете ли Вы ему или нет».)

		Латвия				Литва				Эстония				ЕС-28			
	Ответ	2013	2014	2015	2016	2013	2014	2015	2016	2013	2014	2015	2016	2013	2014	2015	2016
ЕС	Доверяю	42	46	37	56	52	59	59	55	56	52	40	44	31	37	32	36
	Не доверяю	45	36	47	33	35	25	25	29	33	18	29	36	58	50	55	54
Парламент	Доверяю	17	22	21	35	11	17	17	22	35	39	35	34	25	30	28	32
	Не доверяю	79	68	71	61	84	76	75	70	61	42	47	56	69	62	64	62
Правительство	Доверяю	21	28	23	32	20	32	32	29	38	51	43	37	23	29	27	31
	Не доверяю	75	64	69	62	74	60	59	61	58	32	40	52	72	65	66	64

Источник: Standard Eurobarometer Autumn (2013, 2014, 2015, 2016).

В то же время жителями стран Балтии остро ощущается демократический дефицит в масштабах ЕС. К примеру, по данным проведенного осенью 2016 г. опроса, только 20% жителей Латвии, 29% – Литвы и 19% – Эстонии согласны с мнением, что в контексте принятия решений внутри ЕС их голос учитывается (в среднем по ЕС – 40%²⁵). Действительно, специфика консociативного устройства ЕС такова, что рядовые граждане стран-членов не имеют возможности оказывать непосредственное влияние на принятие решений на наднациональном уровне. Более того, преобладание исполнительной элиты в структурах ЕС, не заинтересованной в появлении единого социокультурного сообщества, способного воздействовать на повестку интеграции, и тесное взаимодействие национальной и европейской бюрократий мешают гражданам четко установить, кто из политиков или иных администраторов ответственен за принятие конкретных политических решений (Стрежнева, 1999). Поэтому ощущение гражданами дефицита демократии в масштабе ЕС оправдано и вряд ли может быть преодолено без демократизации институциональной системы всего объединения.

В этой связи неудивительно, что явка на выборах в Европарламент в странах Балтии часто бывает ниже средних показателей по ЕС. Так, в 2004 г. она составила

в Эстонии – 26,83%, в Латвии – 41,34%, в Литве – 48,38% (при средней для ЕС-25 – 45,6%). В 2009 г. она была 43,9% в Эстонии, 52,57% – в Латвии и всего лишь 20,54% – в Литве (в ЕС-27 – 43,24%). В 2014 г. в Латвии – 30,24%, в Литве – 47,35%, в Эстонии – 36,52% (в среднем по ЕС-28 – 42,54%). Высокие показатели латвийской явки в 2009 г. и литовской в 2004 и 2014 гг. объясняются тем, что на эти же дни были назначены в Латвии выборы в органы муниципального управления (явка на которые до 2013 г. в Латвии была традиционно высокой), в Литве – выборы президента.

Еще один важный сюжет – введение евро в странах Балтии и отношение к нему населения. В период подготовки всех трех прибалтийских стран к переходу на единую европейскую валюту опросы показывали, что большинство населения – против этого шага. В частности, накануне введения евро в Латвии этот шаг поддерживали только 20% жителей страны²⁶, в Литве – 41%²⁷, в Эстонии – 25%²⁸. Основными негативными последствиями жители считали возможный рост цен, а также «утрату национальной идентичности». При этом, по данным *Eurobarometer*, поддержка ЭВС и евро в странах Балтии за последние годы значительно выросла и находится выше среднего показателя по ЕС-28 (см. Таблицу 3).

25 Standard Eurobarometer 86. Autumn 2016. Public Opinion in the European Union / European Commission; TNS Opinion & Social. – December 2016. – P. 18.

26 Опрос: в Латвии стало больше евроскептиков / Dienas Bizness. – 21.11.2013. – URL: <http://rus.db.lv/nachalo/obschestvo/opros-v-latvii-stalo-bol-she-evroskeptikov-56365> (Дата обращения: 27.03.2017)

27 Apklausa: Lietuvos gyventojai į eurą žiūri palankiau nei prieš metus/ Verslo žinios. – 2014.06.05. URL: <http://vz.lt/archive/article/2014/6/5/apklausa-lietuvos-gyventojai-i-eura-ziuri-palankiau-nei-pries-metus> (Accessed 27.03.2017)

28 Estonians never wanted the euro [Electronic resource] / Euobserver.com. – 05.01.11. URL: <http://euobserver.com/opinion/31595> (Accessed 27.03.2017)

Таблица 3. Поддержка существования Экономического и валютного союза и единой валюты – евро (%).

	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ЕС-28	53	53	52	56	56	58
Латвия	42	35	53	74	72	78
Литва	46	43	40	63	67	67
Эстония	64	69	76	83	82	81

Источник: Standard Eurobarometer Autumn (2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016).

Наконец, сегодня наиболее злободневной темой для Латвии, Литвы и Эстонии (как, впрочем, и для всех государств ЕС) остается вопрос приема беженцев из государств Северной Африки и Ближнего Востока по квотам, определенным Европейской комиссией (1105 чел. – для Литвы, 776 – для Латвии и 525 – для Эстонии). Если в том, что касается сохранения национальной идентичности и общетеоретических аспектов критики политики мультикультурализма, литовское общество (как изначально более консервативное) настроено радикальнее, чем их северные соседи, то в том, что касается ее практической составляющей (т.е. приема беженцев), позиция населения трех стран оказалась в целом сходной.

Так, по данным исследования, проведенного компанией Spintertyrimai, в ноябре 2015 г. в Литве решение принять беженцев одобряли только 27,8% жителей²⁹. В Латвии замер общественного мнения компании SDKS в августе 2016 г. определил число сторонников этого

шага лишь в 16,8%³⁰. В Эстонии опросы компании EMOR показали, что в июне 2015 г. 32% респондентов высказались за прием беженцев, в сентябре того же года – только 22%; а согласно проведенному тем же летом интернет-опросу газеты Eesti Päevaleht и интернет-портала Delfi, в котором приняли участие 13 тыс. респондентов, более 80% высказались против (Veebel, 2015). В Эстонии на этом фоне даже возникло радикальное антииммигрантское общественное движение «Солдаты Одина», объединившее несколько сотен человек консервативных взглядов (вне зависимости от этнического происхождения)³¹.

Хотя различные опросы, проводимые в последние два года, показывают разные данные, в целом число противников приема беженцев находится на уровне не менее 60–70%. При этом отношение жителей стран Балтии к общеевропейской политике в области миграции в целом несколько лучше: по последним данным *Eurobarometer*, в Латвии ее поддерживают

29 Опрос: отношение к беженцам в Литве радикальное / ru.Delfi.lt. – 18.11.2015. URL: <http://ru.delfi.lt/news/live/opros-otnoshenie-k-bezhencam-v-litve-radikalnoe.d?id=69602090> (Дата обращения: 27.03.2017)

30 Опрос: латвийцы по-прежнему негативно настроены к беженцам / ru.Delfi.lv. – 11.08.2016. URL: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/opros-latvijcy-po-prezhnemu-negativno-nastroeny-k-bezhencam.d?id=47389233> (Дата обращения: 27.03.2017)

31 Эстонские «Солдаты Одина» на марше – против мигрантов, но за русских / Русская служба Би-би-си. – 25.02.2016. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2016/02/160224_estonia_soldiers_of_odin (Дата обращения: 27.03.2017)

55%, в Литве – 71%, в Эстонии – 45%³². Для сравнения: осенью 2015 г. в ее отношении положительно высказывались 48%, 67% и 42%³³, осенью 2014 г. – 68%, 84% и 64%³⁴ населения. Таким образом, в ходе практической реализации мер по переселению беженцев, а также роста террористической угрозы поддержка европейской политики в этой сфере заметно снизилась (хотя на практике прибывшие в страны Балтии беженцы там не задерживаются и вскоре бегут в другие государства Европы – в первую очередь в Германию (Austers, 2017).

В заключение несколько слов о специфике оценок населением европейской интеграции в Латвии, где «две национальные группы... существуют обособленно друг от друга», когда «как титульная часть населения, так и русская диаспора живут каждая в собственном мире или, образно говоря, на отдельных островах, омываемых отдельными информационными потоками» (Симонян, 2002, с. 479). Соответственно, представители двух – латышской и русскоязычной – общин прямо противоположным образом оценивают внешнюю политику.

Проведенное исследование «Внешне-политические мифы в Латвии: Европейский союз и Россия» подтвердило реальность этого тезиса. Так, 41% респондентов (34% – среди латышей, 51% – среди русскоязычных) согласились с утверждением: «Обычному человеку в Латвии сегодня было бы лучше, если бы мы были в составе СНГ, а не ЕС», а 36% опрошенных положительно оценили тезис: «Латвии как государству сегодня было бы лучше, если бы она была в составе СНГ, а не ЕС» (Серу-

ritis, Gulbis, 2012, p. 63). 82% русскоязычных и 52% латышей (в среднем по выборке – 64%) полагают, что на сегодняшний день «экономическое спасение Латвии состоит в более тесном сотрудничестве с Россией и государствами СНГ» (Серуritis, Gulbis, 2012, p. 661).

При этом как латыши, так и русскоязычные оказались критически настроенными к членству их страны в ЕС. 75% респондентов (72% латышей и 77% русскоязычных) согласились («полностью согласны» или «скорее согласны») с утверждением, что «руководству Европейского союза все равно, как ощущают себя жители Латвии» (Серуritis, Gulbis, 2012, p. 551). Кроме того, 73% опрошенных (65% латышей и 79% русскоязычных) полагают, что «от членства Латвии в ЕС пользу получила лишь небольшая группа лиц» (Серуritis, Gulbis, 2012, p. 551). Наконец, 78% респондентов (73% латышей и 86% русскоязычных) уверены, что «Латвия в Европейском Союзе – государство второго сорта» (Серуritis, Gulbis, 2012, p. 561).

Выводы

Углубление кризиса европейского интеграционного проекта и возможность усиления центробежных процессов под влиянием Brexit рассматриваются в странах Балтии как безусловная угроза их дальнейшему существованию. Ведь Латвия, Литва и Эстония стали не просто членами Европейского Союза, но вошли в его «ядро» (*corestates*), отказавшись с введением евро от экономического суве-

32 Standard Eurobarometer 86. Autumn 2016. Public Opinion in the European Union. Annex / European Commission; TNS Opinion & Social. – December 2016. – P. T91.

33 Standard Eurobarometer 84. Autumn 2015. Public Opinion in the European Union. Annex / European Commission; TNS Opinion & Social. – December 2015. – P. T104.

34 Standard Eurobarometer 82. Autumn 2014. Public Opinion in the European Union. Table of results / European Commission; TNS Opinion & Social. – December 2014. – P. T97.

ренитета (т.е. самостоятельной монетарной политики).

Несмотря на критику Брюсселя (например, по вопросам политики мультикультурализма или проблеме беженцев), страны Балтии в целом продолжают выступать за консолидацию ЕС и усиление наднациональной составляющей в политике Брюсселя (за исключением вопросов безопасности и обороны, где приоритет отдается НАТО и США). Во-первых, углубление интеграции и передача большего количества полномочий Брюсселю снимает дополнительную ответственность с национальных правительств, что позволяет местному политическому истеблишменту чувствовать себя увереннее, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Во-вторых, еще с середины – второй половины 1990-х гг., т.е. с начала активной фазы переговоров о вступлении в ЕС и НАТО, в общественно-политическом дискурсе стран Балтии стала доминировать мысль о невозможности справиться с проблемами как «мягкой», так и «жесткой» безопасности своими силами. Потенциальный нейтралитет стран Балтии начал рассматриваться как изначально нежизнеспособная идея, что обосновывалось их исторической судьбой (пятидесятилетием советской «оккупации» и в целом ощущением экзистенциальной угрозы со стороны России), а сохранение суверенитета и независимости стало в массовом сознании неразрывно связываться с членством в ЕС и НАТО. В-третьих, будучи зависимыми от дотаций Брюсселя (ни один крупный инфраструктурный проект как внутринационального, так и международного значения не реализуется без денег из структурных фондов ЕС), прибалтийские столицы должны демонстрировать максимальную лояльность Брюсселю.

При этом евроскептические настроения характерны в основном для массового сознания, несистемны и достаточ-

но слабо институционализированы. На партийно-политическом ландшафте не представлено такой политической силы, которая бы консолидировала весь спектр евроскептических настроений. При этом, если для системных и парламентских партий характерно заимствование популистской риторики умеренного евроскептицизма (в том числе и под влиянием роста соответствующих настроений в обществе), то не входящие в парламент и маргинальные партии (как правого, так и левого толка) чаще демонстрируют примеры радикальных евроскептических взглядов.

Как правило, природа этих взглядов, выражаемых в основном крайне правыми партиями, некоторых членов которых часто обвиняют даже в приверженности неонацистским настроениям, – боязнь сравнительно молодых прибалтийских государств, уже отказавшихся от части недавно обретенного суверенитета, утратить свою идентичность под влиянием европейской политики мультикультурализма и в целом процессов глобализации. Как отмечает Р.Х. Симонян, «рост национализма – это естественная реакция на стандартизацию социальной жизни. Культурная многоукладность и национальная самобытность находятся сегодня под угрозой, человечеству стремятся навязать какую-то одну модель как единственно верную, нивелировать все его многообразие под один трафарет, а отсюда естественная реакция снизу – защитить себя, свою уникальность» (Симонян, 2005).

В то же время сами жители стран Балтии весьма прагматично подходят к членству в ЕС, и «голосование ногами» (массовая эмиграция) – тому лучшее доказательство. Получив возможность выезда на работу или учебу в государства Западной Европы и не испытывая доверия к политическому курсу собственных национальных правительств, выходцы

из Латвии, Литвы и Эстонии собственным примером подтвердили те преимущества, которые дает свобода перемещения людей в пределах границ ЕС. Именно этот факт дает основание полагать, что, насколько бы скептически они в краткосрочном периоде ни оценивали ту или иную конкретную политику Брюсселя, в долгосрочной перспективе свое благополучие они будут рассматривать исходя из оптимистического сценария развития Европейского Союза.

Список литературы

Воротников В. В., Габарта А. А. (2016). Влияние трудовой миграции на социально-экономическое развитие Польши и стран Прибалтики после 2004 года. *Современная Европа*, 72 (6). 125–136.

Симонян Р. Х., Кочегарова Т. М. (2002). Два информационных пространства. Фурман Д. Е., Задорожнюк Э. Г. (ред.). *Страны Балтии и Россия: обществa и государства*. Москва: Референдум. 479–503.

Симонян Р. Х. (2005). *Россия и страны Балтии*. 2-е изд. Москва: Институт социологии РАН. 17.

Стрежнева М. В. (1999). *Европейский союз и СНГ: сравнительный анализ институтов*. Москва: Изд. центр науч. и учеб. программ. 268.

Austers A. (2017). Immigration and Refugees in the European Union and Latvia. Spruds A., Bruge I., Bukovskis K. (eds.). *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook 2017*. Riga: Latvian Institute of International Affairs (LIIA). 112–126.

Austers A. (2016). The Case of Latvia: Popular Euroscepticism in Impasse. Bukovskis K. (ed.). *Euroscepticism in Small EU Member States*. Riga: Latvian Institute of International Affairs. 85–107.

Cepuritis M., Gulbis R. (2012). *Ārpolitikas mīti Latvijā: Eiropas Savienība un Krievi-*

ja. Rīga: Latvijas Vēstures mazās bibliotēkas atbalsta fonds. 63.

Mikkel E., Kasekamp A. (2005). Parties, European integration and Euroscepticism. Pettai V., Ehin P. (eds.). *Deciding on Europe: The EU Referendum in Estonia*. Tartu: Tartu University Press. 91–115.

Mikkel E., Pridham G. (2004). Clinching the “Return to Europe”: The Referendums on EU Accession in Estonia and Latvia. *West European Politics*, 27 (4). 716–748. DOI: 10.1080/0140238042000249958.

Veebel V. (2015). Balancing Between Solidarity and Responsibility: Estonia in the EU Refugee Crisis. *Journal of Baltic Security*, 1 (2). 28–61.

References

Austers A. (2016). The Case of Latvia: Popular Euroscepticism in Impasse. Bukovskis K. (ed.). *Euroscepticism in Small EU Member States*. Riga: Latvian Institute of International Affairs. 85–107.

Austers A. (2017). Immigration and Refugees in the European Union and Latvia. Spruds A., Bruge I., Bukovskis K. (eds.). *Latvian Foreign and Security Policy. Yearbook 2017*. Riga: Latvian Institute of International Affairs (LIIA). 112–116.

Cepuritis M., Gulbis R. (2012). *Ārpolitikas mīti Latvijā: Eiropas Savienība un Krievija*. Riga: Latvijas Vēstures Mazās Bibliotēkas Atbalsta Fonds. 63.

Mikkel E., Kasekamp A. (2005). Parties, European Integration and Euroscepticism. Pettai V., Ehin P. (eds.). *Deciding on Europe: The EU Referendum in Estonia*. Tartu: Tartu University Press. 91–115.

Mikkel E., Pridham G. (2004). Clinching the “Return to Europe”: The Referendums on EU Accession in Estonia and Latvia. *West European Politics*, 27 (4). 716–748. DOI: 10.1080/0140238042000249958.

Simonjan R. H., Kochegarova T. M. (2002). Two Information Spaces. Furman

D. E., Zadorozhnyuk Je. G. (red.). *The Baltic Countries and Russia: Societies and States*. Moskva: Referendum. 479-503.

Simonyan R. Kh. (2005). *Russia and the Baltic Countries*. 2nd ed. Moskva: Institut Sotsiologii RAN. 514.

Strezhneva M. V. (1999). *European Union and CIS: Comparative Analysis of the Institutions*. Moskva: Izd. tsentr nauch. i ucheb. program. 268.

Veebel V. (2015). Balancing between Solidarity and Responsibility: Estonia in the EU Refugee Crisis. *Journal of Baltic Security*, 1 (2). 28–61.

Vorotnikov V. V., Gabarta A. A. (2016). The Influence of Labor Migration on Social and Economic Development of Poland the Baltic Countries after 2004. *Contemporary Europe*, 72 (6). 125–136.

Информация об авторе

Владислав Владиславович Воротников, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, научный сотрудник Центра североευропейских и балтийских исследований ИМИ МГИМО МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
vorotnikov.vladislav@gmail.com

About the author

Vladislav V. Vorotnikov, Cand. Sci. (History), senior lecturer, Department of European and American Studies, Moscow State Institute of International Relations (University); research fellow, Center for North European and Baltic Studies, Moscow State Institute of International Relations (University)

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
vorotnikov.vladislav@gmail.com

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-141-157

Елена Александровна МАСЛОВА

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России

проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2493-3900

Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звезд»

АННОТАЦИЯ. В Европе растет число политических сил, называющих себя евроскептиками. Италия, являясь страной – основательницей ЕС, не исключение. На сегодняшний день опросы общественного мнения, а также результаты голосования указывают на то, что «Движение пяти звезд» является самой популярной партией в Италии. Среди прочего партия стоит на позициях евроскептицизма, в частности выступает за проведение референдума о выходе страны из зоны евро. В представленной статье рассматривается место и роль партии «Движение

пяти звезд» на политическом небосводе Италии, история возникновения, а также основные политические установки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Италия, Грилло, «Движение пяти звезд», евроскептицизм, популизм

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Маслова Е. А. (2017). Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звезд». *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (1). 141–157. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-141-157

Political Processes in the Changing World

Elena A. MASLOVA

Moscow State Institute of International Relations (University)

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454

ORCID: 0000-0002-2493-3900

Eurosceptism and populism in Italy: the example of “Five stars” Movement

ABSTRACT. *Nowadays in Europe there is an increasing number of political forces who call themselves eurosceptics. Italy, as a country-founder of the EU, is no exception. Today, public opinion polls and the voting results indicate that the Five stars Movement (“MoVimento 5 Stelle”) is the most popular party in Italy. Among other things, the Movement stands on the position of euroscepticism, in particular, it is in favour of holding a referendum on the country’s withdrawal from the Euro zone. The paper examines the place and role of the party “MoVimento 5 Stelle” in the political landscape of Italy, its’ history and general points of party programme.*

KEYWORDS: *Italy, Grillo, MoVimento 5 Stelle, euroscepticism, populism*

FOR CITATION: Maslova E. A. (2017). Eurosceptism and populism in Italy: the example of “Five stars” Movement. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (1). 141–157. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-141-157

Италия, наряду с Германией, Францией и странами Бенилюкса, является одной из стран – основателей Европейского Союза. 25 марта 1957 г. были подписаны так называемые Римские договоры, которые учреждали создание Европейского экономического

сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Церемония подписания состоялась в роскошном зале Горациев и Куриациев Капитолийских музеев. В связи с этим Италия традиционно считается страной, чья политическая элита выступает за европейскую интеграцию и стоит на позициях европеизма. Так, например, идеи выдающегося итальянского мыслителя, федералиста А. Спинелли заложили основу для проекта единой Европы и, в частности, Маастрихтского договора.

Тем не менее в Европе в общем и в Италии в частности растет число политических сил, называющих себя евроскептиками. В Италии к числу евроскептических партий относятся «Движение пяти звезд» и «Лига Севера», а также ряд других более мелких политических объединений. В представленном исследовании рассматривается евроскептицизм с позиции партии «Движение пяти звезд».

Популизм, контрэлитизм, энвайронментализм, евроскептицизм

Прежде чем перейти к анализу деятельности «Движения пяти звезд», необходимо определиться с такими тер-

минами, как: популизм, контрэлитизм, евроскептицизм и экологизм.

В базовом учебнике МГИМО по политологии термин «популизм» (от лат. «populus» – народ) трактуется как «совокупность различных позиций, действий и методов, основанных на призывах «к народу». Популизм нередко извращает реальность в угоду голословным либо лживым целям, предельно упрощает ее; он делает упор на демагогии, предлагая «малосознательным» массам корыстную ориентацию на «верность и терпение» для достижения каких-либо политических целей» (Мельвиль и др., 2002, с. 573).

Как отмечает К. Дейвикс, исследований примеров популизма гораздо больше, чем теоретических работ о том, что такое популизм¹. В большинстве работ авторы выводят признаки, присущие популизму. Как отмечает г.н.с. ИМЭМО РАН Г.И. Вайнштейн, популизм неодиороден в организационно-идеологическом смысле, а многообразие форм политической активности и страновая специфика еще более затрудняют возможность категориальных разграничений как самого популистского тренда, так и внутренних партийных классификаций (Вайнштейн, 2013, с. 24–33).

В целом на сегодняшний день сложился консенсус, что популизм и популисты (в политике) обладают некими характеристиками, в частности: апеллируют к народу², преследуют достижение политических целей за счет популярных обещаний, зачастую гиперболизированных и заведомо невыполнимых. Кроме этого, нередко популисты отождествляют себя с «народом», противопоставляя его «другому, нежели чем народ», чаще всего, политической элите. Другой важный момент – популизм политически ги-

бок, т.е. может быть присущ как левым, так и правым партиям.

Антиэлитизм (или контрэлитизм) – другое политическое явление, которое в то же время может являться составной частью популизма. Понятие элиты вошло в научный оборот в XVII в., а в XIX столетии начинает применяться для характеристики предметов и явлений, обладающих наивысшим качеством среди себе подобных, и для обозначения социальных групп вертикали (Гаман, 1996, с. 3). Как отмечает О.В. Гаман-Голутвина, как в классической, так и в современной политической науке сохраняются значительные разночтения в трактовке термина «элита». Однако как бы ни разнились дефиниции понятия, практически каждая из них подчеркивает *избранность* принадлежащих к «элите» лиц (Гаман-Голутвина, 2000, с. 97). По определению, предложенному О.В. Гаман-Голутвиной, политическая элита представляет собой внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом (Гаман-Голутвина, 2000, с. 99). Соответственно, антиэлитизм представляет собой оппозицию по отношению к «элите».

Энвайронментализм (экологизм) – другое идеологическое направление, экологическое движение, сформировавшееся во второй половине XX в., стоящее на позициях защиты окружающей среды. Как отмечает Е.В. Саворская, энвайронментализм интегрируется в уже существующие политические идеологии, видоизменяя их и придавая «зеленую окраску» (Саворская, 2015, с. 103–115).

1 Криста Дейвикс. Популизм. Gefter. URL: <http://gefter.ru/archive/6800> (Дата обращения 23.03.2017)

2 Понятие «народ» также имеет разные трактовки среди исследователей популизма.

Наконец, обратимся к понятию «евроскептицизм». Считается, что термин «евроскептицизм» появился в середине 1980-х гг. в Великобритании – стране, которая на протяжении всей истории европейской интеграции занимала особую позицию в отношении ее развития – для выражения особой позиции правительства по вопросам экономической и политической интеграции Европы.

Как абсолютно верно замечает Г. Вайнштейн, сложившаяся практика употребления термина в публичном дискурсе превратила его в своего рода общий ярлык (Вайнштейн, 2015, с. 41). На сегодняшний день существует множество классификаций этого понятия.

Согласно одной из теорий (описанной П. Копецки и К. Мюд), существует три типа евроскептицизма, в зависимости от отношения к ЕС как интеграционному проекту: 1) собственно евроскептицизм: выражается в несогласии с методами при поддержке как такового проекта евроинтеграции; 2) европрагматизм: неприятие евроинтеграции при осознании пользы проекта; 3) евроотрицание: неприятие как идеалов евроинтеграции, так и результатов ее воплощения (Вайнштейн, 2015, с. 41–42).

Согласно другой трактовке (Р. Тиерски), существуют три типа: собственно евроскептицизм; европессимизм – неудовлетворенность ЕС в его нынешнем виде развития; еврофобия – принципиальное неприятие европейской интеграции (Вайнштейн, 2015, с. 42).

Большое распространение получила типология П. Таггарта и А. Щербяка, которые разграничивают две версии евроскептицизма на «жесткий» и «мягкий». Под «жесткой» формой понимается принципиальное неприятие всего проекта европейской интеграции в его нынешнем виде (и как следствие политические силы выступают за выход из ЕС). «Мягкий» евроскептицизм ставит под сомнение из-

бранные методы и проводимую политику ЕС (и политические силы выступают против отдельных проектов ЕС) (Taggart, Szczerbiak, 2001, p. 29). У такой классификации существует немало критиков, которые сетуют на чрезмерную расплывчатость формулировок авторов концепции.

В последнее время евроскептицизм стали классифицировать в зависимости от цели политической силы. Так, выделяют стратегический евроскептицизм и идеологический. Под последним понимается приверженность евроскептическим настроениям через неприятие европейской интеграции как таковой и последовательное отстаивание такой позиции (которая изложена в программных и прочих документах политической силы), целью стратегического евроскептицизма является привлечение электората за счет «игры» на настроениях народа.

Исследователи Эйхенберг и Дальтон предлагают дифференцировать евроскептицизм на «политический» и «экономический». В основе подобной классификации лежат представления о полученных выгодах и/или негативных эффектах, полученных от экономической или политической интеграции в ЕС (Quaglia, 2011, p. 36).

Таким образом, в целом под евроскептицизмом понимают негативное, критическое отношение по отношению к интеграционным процессам в рамках ЕС.

Истоки евроскептицизма в Италии

С развитием в Европе интеграционных процессов появляется оппозиция евроинтеграции в лице евроскептиков. Хотя Италия в целом и является проевропейской страной, евроскептики там появились с самого начала интеграционных процессов.

В период после окончания Второй мировой войны итальянским правитель-

ством было принято два ключевых решения, а именно: членство страны в НАТО (1949 г.) и ЕЭС (а до этого ЕОУС в 1951 г.). Считается, что в тот период итальянское правительство было более всего ориентировано на укрепление связей с США, а ЕЭС стал проектом второстепенной важности. Более того, итальянские исследователи пишут о том, что ЕЭС сыграл важную роль в том, чтобы отвлечь общественное внимание от разыгравшихся дебатов в связи с вступлением Италии в НАТО (Quaglia, 2011, p. 37).

Тем не менее в исследованиях как российских, так и итальянских авторов содержится мысль о том, что главная цель итальянского правительства в тот период состояла в том, чтобы добиться признания Италии как значимого регионального актора, восстановив, таким образом, свой международный статус (паритет) после окончания войны (Varsori, 1998, p. 280; Ammendola, Isernia, eds Cotta, Isernia, Verzichelli, 2005, p. 117–170; Зоннова, 2016, с. 352; Маслова, 2012, с. 241). Соответственно, лидеры Италии видели включение страны в процесс европейской интеграции как ключ к достижению этой цели, как способ «возвращения» Италии в Европу.

Кроме того, присоединение к европейскому проекту было способом стабилизации внутривластного режима, т.к. на Италию оказывали воздействие два фактора: влиятельная коммунистическая партия (ИКП), а также географическое положение у границ «железного занавеса», разделявшего Европу на два лагеря. Таким образом, вопросы «домашней» повестки дня стали решающими в пользу присоединения страны к ЕОУС и ЕЭС.

Основным оппонентом участия Италии в этих процессах выступила ИКП, которая проголосовала против членства Италии в ЕЭС, партия социалистов (ИСП) при голосовании воздержалась. Такая позиция этих левых партий была обоснована партийной идеологией, партии рассматри-

вали европейскую интеграцию как синоним капитализма и атлантизма.

Однако уже к середине 1950-х гг. ИСП отказалась от своего евроскептицизма. Такой сдвиг был результатом реформирования партийной идеологии (которая все более дистанцировалась от ИКП), а также желанием партии получить места в правительстве (Любин, 2007, с. 463). Т.е. отчасти это был выбор идеологический, отчасти стратегический. Как результат ИСП вошла в правительство в 1962 г. – в отличие от ИКП, которая находилась под влиянием Коммунистической партии Советского Союза и продолжала препятствовать процессу европейской интеграции вплоть до конца 1960-х гг.

Что касается общественного мнения, то не представляется до конца возможной точная оценка поддержки населения проекта евроинтеграции, т.к. официальные данные «Евробарометра» за этот период отсутствуют. Согласно данным Информационного агентства США (USIA), около 60% населения Италии высказывалось в пользу проекта (Ammendola, Isernia, eds Cotta, Isernia, Verzichelli, 2005, p. 118). С одной стороны, это довольно высокий показатель, если сравнивать с современной ситуацией, с другой – низкий относительно последующих десятилетий. Евроскептицизм среди населения возможно объяснить тем, что избиратели ИКП (партии, которая имела колоссальную поддержку электората) следовали за партийными установками; кроме того, профсоюзы также выступали против, т.к. были обеспокоены возможными негативными последствиями для экономики Италии (в первую очередь – боязнь усиления конкуренции).

Таким образом, итальянская политическая элита усматривала в европейской интеграции механизм возрождения страны, стабилизации демократии и развития рыночной экономики. ИКП и ее электорат стояли на позициях идеологического

евроскептицизма, а профсоюзы и бизнес-сообщество – экономического.

С точки зрения получения политических результатов, то они не были достигнуты евраескептиками – итальянское правительство и правящая партия Христианских демократов поддерживали процесс европейской интеграции. И действительно, начиная с Римских договоров и до конца 1960-х гг. евроинтеграция развивалась устойчиво, совпав с послевоенным экономическим бумом в большинстве стран Западной Европы.

Начиная с 1970-х гг. ИКП переориентируется с евраескептических позиций на более проевропейские. Связано это было с внутрипартийной риторикой – отходом от поддержки Коммунистической партии СССР и становлением концепции еврокоммунизма. Была предпринята попытка достижения «исторического компромисса», в рамках которого ИКП изменила свои внешнеполитические взгляды, в частности сошла с позиций евраескептицизма. В целом до начала 1990-х гг. видной оппозиции ЕЭС не существовало.

Вместе с поворотом ИКП к евроинтеграции возросла и общественная поддержка европейских сообществ, в 1976 г. составившая около 70–75% населения Италии, а в 1980-е гг. – рекордные 80% (Quaglia, 2011, p. 40). Некоторые исследователи связывают такой еврооптимизм с экономическим бумом и итальянским «экономическим чудом», пришедшим на этот период, а также тем фактом, что Италия стала одним из основных получателей экономической помощи от ЕЭС (Putnam, 1978). Кроме того, нельзя не отметить, что ЕЭС более не рассматривался электоратом ИКП как враждебный проект, а объединенная Европа стала восприниматься третьей силой – между Западом и Востоком.

Дискуссия по вопросу европейской интеграции обострилась в 1978 г. в связи с участием Италии в Европейской валютной системе (ЕВС). ИКП, а также ИСП выступили против³. Их поддержали профсоюзы и бизнес-сообщество во главе с Конфиндустрией, которые опасались девальвации лиры и замедления темпа роста экономики страны. Однако в конечном итоге итальянское правительство поддержало присоединение страны к ЕВС, а ИКП окончательно ушла в оппозицию, похоронив идею «исторического компромисса».

Таковыми основными событиями и позициями по вопросу европейской интеграции знаменовался период так называемой Первой Республики в Италии, когда на позициях евраескептицизма стояли левые партии Италии (прежде всего, ИКП).

Переход к так называемой Второй Республике начался в середине 1990-х годов и был связан с внутривполитическими трансформациями (как политического, так и экономического характера). Этот период совпал с возрождением евраескептических настроений, проводником которых явились новые партии на политической арене Италии – «Вперед, Италия», «Лига Севера», а также «Национальный альянс» – все они периодически объединялись в правополитическую коалицию под руководством С. Берлускони.

Итальянская коммунистическая партия (как и все основные партии эпохи Первой Республики) раскололась на более мелкие политические объединения, утратив популярность и политическое влияние, наследники ИКП явились в целом сторонниками европейской интеграции.

Партия С. Берлускони «Вперед, Италия» стояла на позициях стратегического евраескептицизма, не всегда придерживаясь единой установки. Так, в электоральной программе Берлускони 1994 г. значил-

3 Впоследствии ИСП отошла от неприятия Европейской валютной системы, чтобы дистанцироваться от ИКП.

ся пункт «Италия и Европа», в котором заявлялось: «Мы хотим Италию, которой восхищаются и которую уважают не только за ее великое прошлое, но и за настоящее» (Brambilla, 1994, p. 8). Кроме того, в программе заявлялось о стремлении противодействовать тенденциям «евродиримизма» со стороны Комиссии ЕС, а также переосмыслению европейской валютной системы, которая, по мнению С. Берлускони, была «объективно несостоятельна в маастрихтской версии» (Ricci, 1994, p. 4).

Д. Фини (союзник Берлускони и лидер партии «Национальный альянс») полагал, что необходимо повторное обсуждение временных рамок присоединения стран к единой валюте, а возможно, и самих критериев конвергенции, поскольку они «чрезмерны» и требуют от Италии «слишком много усилий» (Ricci, 1994, p. 4).

Поначалу позиция С. Берлускони была созвучна предложениям Дж. Фини. В одном из своих интервью лидер правоцентристской коалиции объявил, что для Италии «было бы полезным рассмотреть возможность пролонгировать срок, предусмотренный третьей фазой валютного союза» (Polidori, 1996, p. 32).

В своем другом интервью С. Берлускони на вопрос о европейских перспективах для страны заявил о том, что «для Италии было бы несчастьем выбыть из европейской «серии А»». Однако вслед политик добавил, что маастрихтские критерии не позволяют Италии присоединиться к ЭВС (Berlusconi elettorale, 1996, p. 10). Для избирателей так и оставался непонятным вопрос, какой из двух путей намерен выбрать кандидат в премьеры. Мнения большинства экспертов сводились к тому, что в случае победы С. Берлускони намерен продолжить внешнеполитический курс евроскептицизма, начатый им в 1994 г. Как писал, например, обозреватель национальной газеты «Ла Република» М. Рива, лидеры правоцентристского

объединения, в частности «Национального альянса» и партии «Вперед, Италия», демонстрировали «бесчувственное наплевательство» по отношению к европейским вопросам (Riva, 1996, p. 1), а наличие пункта электоральной программы, посвященного европейскому направлению, носило лишь «ритуальный характер» (Riva, 1996, p. 1).

14 апреля 1996 г. – за несколько дней до выборов – С. Берлускони дал интервью одной из немецких газет, в котором высказался следующим образом по вопросу присоединения к ЭВС: «Я не приемлю в любом виде, что Италия – одна из стран – основательниц европейского сообщества – не будет являться членом валютного союза изначально». Также он добавил, что использует все средства дипломатии и связей, чтобы помешать ЭВС разделить Европу (Garimberti, 1996, p. 1). Однако для допуска в «клуб единой валюты» дипломатических маневров оказалось недостаточно, необходимо было считаться с государственным долгом, дефицитом бюджета и уровнем инфляции и соответствовать конкретным критериям, зафиксированным в Маастрихтском договоре.

Вопросы европейской интеграции вызывали внутри лагеря С. Берлускони полемику, поэтому позиция лидера часто менялась или просто не оглашалась. Однако, несмотря на евроскептицизм отдельных лидеров коалиции, финальное слово С. Берлускони выражало намерение войти в европейскую «серию А», по выражению самого кандидата в премьеры. Можно предположить, что подобная непоследовательность в заявлениях являлась побочным эффектом состава коалиции, которая не была гомогенна, а скорее формировалась исходя из конъюнктурных интересов. Однако на выборах 2006 г. коалиция правого центра пришла к выводу, что ввод единой валюты и присоединение к ней Италии не способствовали укреплению экономики страны, а, напро-

тив, негативно повлияли на покупательную способность итальянцев.

Позиция партии «Лига Севера» по отношению к ЕС подверглась эволюции. Изначально партия стояла на позициях сепаратизма с проектом создания суверенной Падании. Один из лозунгов «Лиги» звучал как: «Подальше от Рима, поближе к Европе!» Позднее партия отошла от радикальной позиции сепаратизма и теперь выступает за выход Италии из зоны евро и возврат к национальной валюте.

Таким образом, можно говорить о том, что в политической жизни Италии периода Второй Республики произошел сдвиг в ориентации партий, стоящих на позициях евроскептицизма. Если во времена Первой Республики это были левые партии, которые пытались торпедировать европейскую интеграцию, то начиная с середины 1990-х гг. евроскептицизм поддерживали партии правого центра, а также правые. Однако если в период Первой Республики выносился вопрос об участии Италии в процессе европейской интеграции, то во времена Второй Республики правоцентристская коалиция С. Берлускони стояла на позициях скептического отношения к единой валюте, а вопрос участия Италии в европейской интеграции как таковой сомнению не подвергался.

Как известно, классической конфигурацией сил в политике принято считать континуум «левые» – «правые». В XX в. – эпоху острой идеологической борьбы – этот дуализм был особо ярко выражен. На сегодняшний день многие исследователи сходятся в том, что происходит постепенный «дрейф» партий к центру, превращение их в «партии для всех», когда размежевание сил становится менее четким и линейным. В частности, это происходит в связи с взаимовлиянием идеологий, что в конечном итоге ведет к

их гибридизации (Холодковский, 2006, с. 81–96). Как отмечает К.Г. Холодковский, своеобразной имитацией политической идеологии является популизм, рассчитанный на аполитичную и не склонную к рефлексии массу (Холодковский, 2006, с. 86). Популисты зачастую отвергают свою принадлежность к правому (правоцентристскому) или левому (левоцентристскому) лагерю. Это в некотором роде свидетельствует о кризисе традиционных партий. В Италии подобный кризис явно обозначился в первой половине 1990-х гг., триггером которому послужила антикоррупционная операция «Чистые руки». В итоге это привело к появлению внепарламентских партий, например таких, как «Вперед, Италия» и позднее «Движение пяти звезд» Б. Грилло.

«Движение пяти звезд» – место в политическом пейзаже Италии, основные политические установки

«Движение пяти звезд» зародилось непосредственно в Интернете, платформой ему послужил одноименный блог (www.berpogrillo.it), созданный Б. Грилло в январе 2005 г. Блог, существующий до настоящего времени, ежедневно обновляется и является площадкой для широкой дискуссии по основным проблемам текущей итальянской политической жизни и социального развития. В целом блог носит протестный характер («антиблог»), где активно критикуются как конкретные персоналии и их инициативы, так и в целом устои капитализма, глобализация, банки и ТНК.

Развиртуализация «Движения» произошла в субботу 8 сентября 2007 года, когда прошел так называемый «V-Day»⁴

⁴ Второй «V2-Day» прошел 25 апреля 2008 г. в Турине (25 апреля — национальный праздник, день освобождения страны от фашизма)

(«Vaffanculo Day» – дословно День «Пошли вы все на...») – митинг против коррупции и за демократию, который прошел по всей Италии – с севера до юга (на 179 итальянских площадях⁵). Во время акции происходил сбор подписей в поддержку народной инициативы законопроекта об исключении из парламента депутатов, кто уже был избран более чем на два срока, а также тех, у кого была судимость⁶ (так называемая инициатива «Чистый парламент»). Эпицентром протеста стала некогда «красная» Болонья, где выступил лично Б. Грилло со своими соратниками (в числе которых, например, известный итальянский журналист М. Травальо). Основная идея Грилло состояла в том, что необходимо дать большую волю народной инициативе и непосредственно гражданам, гражданским спискам⁷ и движениям, а не партиям. «Мы живем в партократии, а не демократии», – констатировал Грилло⁸. Действительно, что бросалось в глаза во время акции – это отсутствие флагов и эмблем каких-либо политических партий.

По словам организаторов, на площади в Болонье собралось около 100 тысяч человек, по данным полиции – около 30 тысяч⁹. Трансляция мероприятия также велась в режиме онлайн на странице блога Б. Грилло.

День проведения – 8 сентября¹⁰ – был выбран не случайно, в листовках «V-Day» было сказано, что этот день – что-то между «D-Day» (день высадки в Нормандии) и «V-Day», где «V» значит «вендетта». Таким образом, этот день можно считать

отправной точкой начала активной политической деятельности Б. Грилло и его «Движения пяти звезд».

Сама личность Б. Грилло заслуживает особого внимания. Д. П. Грилло родился 21 июля 1948 г. в городе Генуя (Лигурия). Не получил высшего образования (Маслова, 2014, с. 61–69), имеет диплом бухгалтера. Начиная свою карьеру торговым представителем, однако вскорости начал пробовать в театре. В 29 лет он уже выступал в миланском кабаре «Ла Буллона», где его заметил известный телеведущий П. Баудо. В конце 1970-х гг. П. Баудо приглашает Б. Грилло на телевидение, где он ведет ряд передач (главным образом сатирического содержания). В 1978 г. Грилло был соведущим фестиваля песни в Сан-Ремо. В 1980-е гг. Грилло снимается в ряде фильмов (комедий), в частности за фильм «В поисках Иисуса» (1982 г.) Грилло получает национальную кинопремию «Давид ди Донателло» в категории лучший новый актер. Снимается в бесчисленных рекламных роликах.

Начиная с 1990-х гг. Б. Грилло обращается к политической сатире, запуская ряд шоу, в которых высмеивает отдельные аспекты политической жизни Италии. Сначала на телевидении, потом в театре, далее – на площадях Италии. Стремясь как можно ближе быть к народу, Грилло «приходит» в Интернет и основывает свой одноименный блог (не без поддержки Д. Казаледжо).

Само название партии «Движение пяти звезд» – это пять ключевых вопросов («звезд»), которым партия намерена

5 La Repubblica. URL: <http://www.repubblica.it/2007/08/sezioni/cronaca/grillo-v-day/v-piazze/v-piazze.html> (Accessed 23.03.2017)

6 На тот момент в итальянский парламент входило 25 депутатов с судимостью.

7 Гражданский список – список кандидатов, не связанных ни с одной политической партией, на занятие руководящих постов в местных и региональные органы власти.

8 Corriere della Sera. URL: http://www.corriere.it/Primo_Piano/Politica/2007/09_Settembre/08/grillo_v_day.shtml (Accessed 23.03.2017)

9 Corriere della Sera. URL: http://www.corriere.it/Primo_Piano/Politica/2007/09_Settembre/08/grillo_v_day.shtml (Accessed 23.03.2017)

10 8 сентября 1943 г. – день объявления перемирия Италии с силами Союзников («перемирие Кассибиле»).

уделять основное внимание: 1) доступ к воде; 2) транспорт; 3) устойчивое развитие; 4) доступ к Интернету; 5) окружающая среда. Наряду с этими сюжетами особое внимание уделяется вопросам борьбы с коррупцией, а также возможности прямого участия граждан в политике.

Через несколько лет «Движение» начало институционализироваться, и в октябре 2009 г. состоялась учредительная «церемония» в миланском театре «Смеральдо», на которой Б. Грилло представил программу из более чем 100 пунктов, а также «Не статут» партии. В «Не статуте» оговаривается, что «Движение пяти звезд» – свободное объединение граждан, «платформа для советов и дискуссий», но не политическая партия. Стать членом «Движения» можно онлайн – достаточно иметь итальянское гражданство и быть старше 18 лет. Финансирование партии осуществляется за счет частных пожертвований (так называемый краудфандинг).

Как отмечает В.П. Любин, ввиду отсутствия в Италии действенной партии «зеленых» «Движение» взяло на себя ее задачи и получило при этом большую поддержку населения (Любин, 2015, с. 42). Среди основных «амбиенталистских» инициатив «Движения пяти звезд» можно отметить следующие: «No TAV» (поддержка движения «No TAV» (букв. «Нет высокоскоростному поезду»), выступающего против строительства ж/д магистралей высокоскоростных поездов, в частности трансевропейской магистрали Турин – Лион); «No Gronda» (против строительства высокоскоростной магистрали в Лигурии); «rifiuti zero» (букв. «ноль отходов») – за максимальную переработку; «государственная вода» – против приватизации систем водоснабжения. Кроме того, партия выступала против возрождения атомной энергии в стране.

Представляет особый интерес анализ политического дискурса Б. Грилло, про-

веденный Е.Н. Болтовой и К.М. Табаринцевой-Романовой. Во-первых, Грилло уделяет большое внимание определению собственной роли в рамках движения. Сам он отказывается называть себя популистом или демагогом, предпочитая термин «посредник» – т.е. тот, кто «облегчает понимание заумных концепций, которые, по его убеждению, осложняются политиками для того, чтобы держать граждан в неведении» (Болтова, Табаринцева-Романова, 2016, с. 142–143). Кроме того, заменяя понятия «лидер» на «посредник», Грилло пытается дистанцироваться от понятий, которые в итальянском дискурсе приобрели негативную коннотацию. Грилло представляет себя благородной фигурой, которая призвана помочь как простым гражданам разобраться в политике, так и сторонникам «Движения» войти в реальную политику (Болтова, Табаринцева-Романова, 2016, с. 143).

Популистские партии обычно идеологизированы. Тем не менее отсутствие или отказ от идеологии не означает отсутствие принципов (Маслова, 2011, с. 315–319). По мнению, П. Таггарта, популизм состоит из трех элементов: народ как источник и гарант легитимности; антиэлитаризм как отказ от политического класса; осуждение традиционных институтов представительной демократии и приверженность демократии «снизу» (Taggart, 2000, p. 128). Популизм «Движения пяти звезд» опирается на прямое обращение к народу как антиподу элиты. В этом свете неудивительно, что партия обрушивается с критикой на Европейский Союз и его правящий класс. До 2013 г. Грилло не уделял много внимания общеевропейским вопросам. Лишь накануне парламентских выборов 2013 г. в его риторике стали проявляться сюжеты, связанные с Европейским Союзом. Стоит отметить, что эта риторика не всегда была направлена против ЕС. Так, например, Грилло оплатил создание веб-страниц отцам-основателям ЕС

(Аденауэр, Де Гаспери, Монне, Шуман), постоянно призывал к тому, что Европы должно быть «больше», и даже представлял свое «Движение» как единственную проевропейскую партию в стране (Franzosi, Marone, Salvati, 2015, p. 113).

С другой стороны, Грилло жестко критиковал ЕС – не всегда в политкорректной форме, делая особый акцент на удаленность институтов ЕС от народа. В декабре 2013 г. «Движение пяти звезд» выпустило специальную программу, посвященную Европе. Самым ярким пунктом документа являлось предложение о проведении референдума о членстве Италии в зоне единой европейской валюты. В декабре 2014 г. «Движение» начало собирать подписи за проведение референдума по вопросу членства в еврозоне (точнее, законопроект народной инициативы для проведения консультативного референдума).

Стоит отметить, что популярность партии возросла с тех пор, как Грилло прибегнул к антиеезовской риторике. Однако Грилло никогда не призывал к выходу страны из ЕС, а только к возврату к национальной валюте. По его мнению, отказ от евро приведет к росту национальной экономики и занятости.

Электоральные достижения

На выборах 2008 г. партия Грилло проходила под названием «Друзья Беппе Грилло» и не добилась успеха, получив около 2–3% голосов. Наибольшее число голосов пришлось на Тревизо (северо-восток) и Сицилию – т.е. лозунги Б. Грилло были привлекательны и для южан, и для северян страны.

В основном члены партии Грилло – это молодые люди, преимущественно

мужчины, с высоким уровнем образования, находящиеся в поисках «альтернативного» участия в политической жизни своей страны, выступающие за good administration, хорошо работающую систему общественного транспорта и развитие парковых зон, а также за борьбу с местной преступностью (Natale, 2014, p. 19). Нередко это выходцы из левых кругов, в прошлом поддерживавшие левые/левоцентристские партии Италии.

В 2012 г. движение окончательно трансформировалось в политическую партию «Движение пяти звезд» и участвовало в парламентских выборах, которые состоялись в феврале 2013 г. По результатам голосования «Движение пяти звезд» и его лидер Грилло получили 25,6% голосов в Палате депутатов – ошеломительный успех для новообразованной партии, а также наилучший индивидуальный результат (партию называли «моральным победителем» выборов¹¹). Конкуренцию Грилло составила коалиция под эгидой Демократической партии в лице П. Л. Берсани (29,5%), а также коалиция правого центра во главе с Сильвио Берлускони и его партией «Народ свободы» (29,3%). Результаты голосования на парламентских выборах 2013 г. были беспрецедентны, т.к. фактически ни одна из политических сил не смогла получить большинства в обеих палатах парламента. Только спустя два месяца после проведения парламентских выборов страна обрела премьер-министра и правительство в лице заместителя секретаря Демократической партии Э. Летты (кандидатура, предложенная президентом страны Д. Наполитано).

Б. Грилло объявил, что не намерен вступать в коалиции ни с одной политической силой, такой позиции лидер

11 Elezioni. La Calabria sceglie Berlusconi ma è Grillo il vincitore morale. Al Pd soli due seggi in Senato. URL: <http://www.cn24tv.it/news/64220/elezioni-politiche-2013-voti-calabria-camera-senato.html> (Accessed 23.03.2017)

придерживается и до настоящего времени. Кроме того, «Движение пяти звезд» не ассоциирует себя ни с правыми, ни с левыми силами. В своем блоге в январе 2013 г. Грилло пишет: «Время идеологий окончено. «Движение пяти звезд» не фашистское, не правое и не левое. <...> «Движение пяти звезд» хочет проводить прямую демократию»¹². Новообразованное движение не связано ни с одной политической силой времен Первой Республики, что позволяет Грилло критиковать весь политический спектр Италии.

Избирательная кампания Грилло традиционно проходила на площадях Италии и получила название «Tsunami Tour». Среди основных лозунгов – отмена государственного финансирования партий, снижение налоговых ставок для граждан, выход Италии из зоны евро, отказ от политики жесткой экономии. Успех на выборах 2013 г. объясняется в первую очередь тем, что предвыборная программа покрывала все наиболее популярные и волнующие граждан сюжеты: экономика, коррупция, а также экологическая проблематика (Conti, Memoli, 2015, p. 524).

Следующие значимые выборы, которые прошли в Италии, а также в других странах Европейского Союза – выборы в Европейский парламент 2014 г. Итоги голосования в Италии опровергли многие прогнозы, высказываемые накануне, ведь европейские выборы 2014 г. проходили в атмосфере евроскептицизма. Во-первых, явка избирателей в Италии составила 58,6% –

почти на 8% меньше, чем на выборах в Европарламент в 2009 г., однако больше, чем средний показатель по странам ЕС¹³.

Ошеломляющего успеха на выборах в Европарламент добилась Демократическая партия (ДП) М. Ренци, генеральным секретарем которой он являлся с декабря 2013 г.: за партию проголосовало 40,8% итальянцев (результат предыдущих европейских выборов 2009 г. – 26,1%). Таким образом, депутаты Демократической партии заняли наибольшее число кресел во фракции социал-демократов Европейского парламента.

Рекордный результат Демократической партии Италии во многом можно связать с харизматичной личностью самого М. Ренци. Опросы общественного мнения того периода показывали уровень поддержки лидера в 57%¹⁴. В некотором роде уверенная победа партии М. Ренци, занявшего пост премьер-министра, минув выборы, в определенном смысле снимала проблему «легитимизации».

Итальянский публицист М. Травальо, известный своими критическими публикациями, писал о том, что пришла эпоха «ренцианской демократии» — до этого только христианским демократам (находившимся у власти в Италии около 40 лет) удавалось получить по 40% голосов¹⁵.

Итальянский центр «SWG Lab», занимающийся исследованиями общественного мнения, проанализировал, откуда «пришли» голоса Демократической партии¹⁶. На парламентских выборах 2013 г.

12 Il Blog di Beppe Grillo. URL: http://www.beppegrillo.it/2013/01/il_m5s_non_e_di_destra_ne_di_sinistra.html (Accessed 23.03.2017)

13 Одновременно с выборами в Европейский парламент в Италии прошли частичные административные выборы, на которых кандидаты от Демократической партии в общем зачете также одержали победу. Данное обстоятельство также определяет достаточно высокий уровень явки.

14 Il Velino. Europee, l'ix: 1 elettore Pd su 2 merito di Renzi, fiducia al 57%. 30.05.2014. URL: <http://www.ilvelino.it/it/article/2014/05/30/europee-ix-1-elettore-pd-su-2-merito-di-renzi-fiducia-al-57/8083feda-cee3-48e9-8fbf-ef613ace2769> (Accessed 23.03.2017)

15 Il Fatto Quotidiano. Marco travaglio. Europee 2014: democrazia renziana. 27.05.2014. URL: <http://www.ilfattoquotidiano.it/2014/05/27/europee-2014-democrazia-renziana/1002840> (Accessed 23.03.2017)

16 См.: URL: <http://www.leonardopadrin.com/www.leonardopadrin.com/uploads/carica/27mag2014.pdf> (Accessed 23.03.2017)

ДП получила 8 млн 650 тысяч голосов, а через год на европейских выборах – 11 млн 170 голосов. Согласно данным «SWG Lab», большинство голосов (1 млн 270 тысяч) ДП получила от бывших «монтианцев», т.е. тех, кто в 2013 г. проголосовал за партию М. Монти «Гражданский выбор». «Гражданский выбор» – центристская партия, отстаивающая европейские ценности, созданная ad hoc в 2013 г. М. Монти накануне выборов в итальянский парламент. Постепенно из-за внутренних разногласий среди ее членов, а также с уходом с поста председателя правительства М. Монти партия потеряла поддержку и популярность, в итоге набрав 0,72% голосов на выборах 2014 г. в Европейский парламент.

Кроме «Гражданского выбора» около 1 млн голосов Ренци достались от бывших приверженцев «Движения пяти звезд» Б. Грилло. Многие расценивают результат Грилло и его «пятизвездного» движения, набравшего на выборах в Европейский парламент 21,1% (второй результат), как поражение. Прогнозировалось, что Грилло получит не менее 25% голосов (и примерно столько же ДП) – с учетом того, что год назад он получил 25,5% на парламентских выборах, играя на настроениях европессимизма и недовольства. Избранная Грилло стратегия отправить «всех политиков по домам» («mandiamoli tutti a casa») сработала против Д'Алемы, Берсани и Летты мл., но не против Ренци, олицетворяющего собой надежду на обновление Италии. Кроме того, Демократической партии удалось привлечь к себе голоса бывших избирателей партии Берлускони (430 тысяч) и других небольших лево- и право-центристских партий (около полумиллиона голосов).

Демократическая партия набрала большинство голосов среди электората в возрасте от 18 до 24 лет (36%). На втором месте среди этой возрастной категории «Движение пяти звезд» – 25%. Ровно наоборот ситуация состоит в группе избирателей, наиболее активной экономически (и, соответственно, наиболее чувствительной к кризису) – граждане в возрасте от 35 до 44 лет голосовали преимущественно за движение Б. Грилло, а потом за ДП.

В то же время подавляющее число пенсионеров Италии также отдали свои голоса за Демократическую партию. Кроме молодежи и пенсионеров за ДП голосовали предприниматели и представители бизнес-сообщества, работники частного сектора, а также домохозяйки. Безработные граждане в большинстве своем голосовали за Грилло. Демократическая партия собрала также большинство голосов среди католиков страны, а также тех, для кого основным источником информации являются газеты и телевидение. Основная аудитория Грилло – активные пользователи Интернета.

Выборы в Европейский парламент служат барометром настроения граждан стран – членов ЕС. На фоне возросшего евроскептицизма и роста популярности радикальных партий итоги выборов в Европарламент в Италии внушали некоторый оптимизм. Ф. Могерини, занимавшая на тот момент пост министра иностранных дел, записала в своем блоге, что Италия представляла собой надежду для Европы. По ее словам, после таких итогов голосования, а также принимая во внимание грядущее председательство страны в Совете ЕС, Италия не должна «просить» у Европы, а напротив, намерена играть роль протагониста в создании новой повестки дня¹⁷.

17 Il Blog di Federica Mogherini. Elezioni UE: Ora L'Italia è la speranza dell'Europa. 26.05.2014. URL: http://www.blogmog.it/index.cfm?target=diario&id_diario=305&title=Elezioni%20Ue:%20ora%20l'%20Italia%20è%20la%20speranza%20dell'Europa (Accessed 23.03.2017)

Однако успех Демократической партии не был устойчив – на региональных выборах 2016 г. партия потеряла 12 из 21 мэрского поста. В крупнейших городах Италии – Риме и Турине – демократов сместили представители «Движения пяти звезд».

Выводы и перспективы

Развитие информационных технологий меняет политическую среду: возникают такие явления, как «twitter-революции», цифровая дипломатия. Некоторые партии приходят в большую политику из «онлайна», используя Интернет как плацдарм для старта и набора популярности (помимо «Движения пяти звезд» в Италии это «Подemos» в Испании, Пиратская партия в Исландии). Нельзя сказать, что это новая модель для Италии: оглушительный успех партии С. Берлускони «Вперед, Италия» также был связан с хорошо организованной кампанией в СМИ.

Как отмечают А. Г. Нестеров и М.С. Джаяни, программные положения «Движения» сходны с установками экологических и радикальных партий XX в., однако отличительной особенностью «Движения пяти звезд» является использование Интернета как основного органа партии (Нестеров, Джаяни, 2016, с. 300).

Согласно опросам общественного мнения, по состоянию на март 2017 г. около 32% электората Италии поддерживают «Движение пяти звезд», в то время как Демократическую партию – около 27%¹⁸. Все остальные политические силы Италии имеют значительно меньшую поддержку. Другими словами, на сегодняшний день «Движение пяти звезд» – самая популярная партия Италии.

Однако, несмотря на столь широкую поддержку со стороны населения, партия по факту не имеет желаемого политического влияния. Во-первых, это связано с отказом партии вступать в коалиции с другими силами и искать союзников – «Пять звезд» выступают как оппозиция сразу всем политическим силам Италии. Как следствие «гриллини»¹⁹ не представлены в правительстве.

Напомним, что последний избранный премьер Италии – это С. Берлускони (правительство 2008–2011 гг. (Маслова, 2011, с. 245–288)) – все остальные главы правительств пришли к власти при поддержке президента страны. В текущей обстановке политической нестабильности возрастает роль президента страны. Особо ярко это проявилось после итогов референдума, состоявшегося в декабре 2016 г., по вопросу изменения Конституции. Тогда премьер М. Ренци, по сути, поставил на кон свою кандидатуру, желая получить карт-бланш на проведение дальнейших реформ²⁰. После провала референдума существовали два варианта развития событий: проведение досрочных парламентских выборов или назначение нового премьера президентом страны. Естественно, в условиях, когда Грилло набирает популярность, президент страны С. Маттарелла предпочел второй вариант – премьер-министром был назначен П. Джентилони от Демократической партии, до этого занимавший пост министра иностранных дел Италии.

В настоящее время страна живет в ожидании очередных парламентских выборов, которые должны состояться в 2018 г. Однако не исключается проведение

18 Sondaggi. Grillo in fuga, ma non per tutti. 21 marzo 2017. URL: <https://www.avvenire.it/attualita/pagine/ipsos-piepoli-e-ipr-marketing-sondaggi-a-confronto-nell-italia-tripolare> (Accessed 23.03.2017)

19 Так в Италии называют сторонников Б. Грилло и его движения.

20 См.: Маслова Е.А. Ловушка демократии: как итальянцы голосуют за будущее Евросоюза // ПБК. 2.12.2016. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/02/12/2016/584173a19a794716003b3ce3> (Accessed 23.03.2017)

досрочного голосования, если правительство П. Джентилони уйдет в отставку. Б. Грилло призывает к скорейшему проведению внеочередных парламентских выборов. Можно предположить, что на фоне возросшей популярности «Движения пяти звезд» правительство Италии и президент страны будут всячески тормозить подобную инициативу. Связано это и с несовершенством ныне действующего избирательного закона, предусматривающего «избирательную премию» партии, набравшей большинство голосов. Подобные крупные победы протестных движений на выборах говорят о кризисе традиционных партий.

Евроскептицизм «Движения пяти звезд» имеет свои особенности. Во-первых, «гриллини» выступают не за выход Италии из Европейского Союза, а за выход из зоны единой европейской валюты (возврат к «валютному суверенитету»). «Движение пяти звезд», скорее, критикует сложившиеся принципы управления в ЕС, но не отрицает европейскую интеграцию как таковую. Подобная позиция позволяет классифицировать евроскептицизм «Движения» как «мягкий». Кроме того, другой характерной особенностью является то, что евроскептицизм Грилло является скорее стратегическим, но не идеологическим: существуют исследования, анализирующие результаты голосования членов партии «Движение пяти звезд», которые показывают, что позиция «Пяти звезд» по одному и тому же вопросу меняется и партия не всегда придерживается определенной жесткой линии (Шибкова, 2016, с. 13–24). Особо следует отметить, что тема евроскептицизма не является центральной в риторике «Движения» (центральные темы – «звезды»). Более того, до 2012 г. «Движение» не рассматривало сюжеты, связанные с Евросоюзом. Только лишь в преддверии выборов 2013 г. Грилло занял критическую позицию по отношению к ЕС (что в конечном

итоге являлось стратегическим ходом для привлечения избирателей).

Список литературы

Болтова Е. Н., Табаринцева-Романова К. М. (2016). Анализ дискурса движения «Пять звезд». *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 11 (3). 142–143.

Вайнштейн Г. (2013). Популизм в современной Европе: новые тенденции. *Мировая экономика и международные отношения*, (12). 24–33.

Вайнштейн Г. (2015). Евроскептицизм: новый фактор европейской политики. *Мировая экономика и международные отношения*, (8). 40–48.

Гаман О. В. (1996). *Политические элиты: эволюция теоретических концепций*. Москва: Изд-во РАГС. 38.

Гаман-Голутвина О. В. (2000). Определение основных понятий элитологии. *Политика*, (3). 97–103.

Зонова Т. В. (2016). *История внешней политики Италии*. Москва: Международные отношения. 352.

Любин В. П. (2007). *Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники, 1892–2006*. Москва: Наука. 463.

Любин В. П. (2015). Беппе Грилло и «Движение пяти звезд» как феномен итальянской политики. Авилова А. В., Квашнин Ю. Д. (Ред.). *Италия в начале XXI века*. Москва: ИМЭМО РАН. 43–50.

Маслова Е. А. (2011). Внешняя политика правительств Р. Проди и С. Берлускони (2006–2010). *На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века*. Москва: Весь мир. 245–288.

Маслова Е. А. (2011). Эволюция представлений об идеологии в политической теории. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 6 (1). 315–319.

Маслова Е. А. (2012). *Идеологические основы внешней политики Италии периода*

да Второй Республики. (Дис. Канд. полит. наук). МГИМО МИД России, Москва.

Маслова Е. А. (2014). Италия: образование и экономическое развитие. *Современная Европа*, 4 (60). 61–69.

Мельвиль А. Ю., Алексеева Т. А., Боришполец К. П. [и др.] (2002). *Категории политической науки*. Москва: МГИМО. 573.

Нестеров А. Г., Джаяни М. С. (2016). «Движение пяти звезд» как феномен «протестной партии» в Италии XXI века. *Научный диалог*, 11 (59). 300.

Саворская Е. В. (2015). Оттенки зеленого: энвайронментализм в контексте классических идеологических течений. *Полис. Политические исследования*, (6). 103–115.

Холодковский К. Г. (2006). Противостояние левые – правые: анахронизм или смена координат? *Полис. Политические исследования*, (6). 81–96.

Шибкова М. О. (2016). Идеологический и стратегический евроскептицизм в политической жизни Евросоюза. *Сравнительная политика*, 4 (25). 13–24.

Ammendola T., Isernia P. (2005). *L'Europa Vista Dagli Italiani: i Primi Vent'anni*. Cotta M., Isernia P., Verzichelli L. (eds.). *L'Europa in Italia*. Bologna, Il Mulino. 117–170.

Conti N., Memoli V. (2015). The Emergence of a New Party in the Italian Party System: Rise and Fortunes of the Five Star Movement. *West European Politics*, 38 (3). 516–534. DOI: 10.1080/01402382.2014.996377

Franzosi P., Marone F., Salvati E. (2015). Populism and Euroscepticism in the Italian Five Star Movement. *The International Spectator*, 50 (2). 109–124. DOI: 10.1080/03932729.2015.1030273

Natale P. (2014). The birth, early history and explosive growth of the Five Star Movement. *Contemporary Italian Politics*, 6 (1). 16–36. DOI: 10.1080/23248823.2014.886418

Quaglia L. (2011). The Ebb and Flow of Euroscepticism in Italy. *South European Society and Politics*, 16 (01). 31–50. DOI: 10.1080/13608740903432367

Taggart P. (2000). *Populism. Concepts in the Social Sciences*. Buckingham: Open University Press. 128.

Taggart P., Szczerbiak A. (2001). Parties, Positions and Europe: Euroscepticism in the EU Candidate States of Central and Eastern Europe. *Sussex European Institute Working paper*, (46). 45.

Varsori A. *L'Italia nelle Relazioni Internazionali dal 1943 al 1992*. Rome, Laterza. 1998. 290.

References

Ammendola T., Isernia P. (2005). *L'Europa Vista Dagli Italiani: i Primi Vent'anni*. Cotta M., Isernia P., Verzichelli L. (eds.). *L'Europa in Italia*. Bologna, Il Mulino. 117–170.

Boltova E. N., Tabarintseva-Romanova K. M. (2016). The Analysis of the “Five Stars” Movement Discourse. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*, 11 (3). 141–148.

Conti N., Memoli V. (2015). The Emergence of a New Party in the Italian Party System: Rise and Fortunes of the Five Star Movement. *West European Politics*, 38 (3). 516–534. DOI: 10.1080/01402382.2014.996377

Franzosi P., Marone F., Salvati E. (2015). Populism and Euroscepticism in the Italian Five Star Movement. *The International Spectator*, 50 (2). 109–124. DOI: 10.1080/03932729.2015.1030273

Gaman O. V. (1996). *Political Elites: evolution of the theoretical concept*. Moskva: Izd-vo RAGS. 38.

Gaman-Golutvina O. V. (2000). Definition of the main concepts of elitology. *Polis. Political Studies*, (3). 97–103.

Kholodkovskii K. G. (2006). Opposition “left-right” anachronism or a change of coordinates? *Polis. Political Studies*, (6). 81–96.

Lyubin V. P. (2007). *Socialists in Italy: ISP and its successors, 1892–2006*. Moskva: Nauka. 463.

Lyubin V. P. (2015). Beppe Grillo and "Five Stars" Movement as Phenomenon of the Italian Politics. Avilova A. V., Kvashnin Yu. D. (Ed.). *Italy at the Beginning of the XXI century*. Moskva: IMEMO RAN. 43–50.

Maslova E. A. (2011). Evolution of the Concept of Ideology in Political Theory. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6 (1), 315–319.

Maslova E. A. (2011). Italian Foreign Policy of R. Prodi and S. Berlusconi cabinets (2006–2010). *At the crossroads of the Mediterranean: "Italian boot" before the challenges of the 21st century*. Moskva: Ves' mir. 245–288.

Maslova E. A. (2012). *Ideological Bases of the Italian Foreign Policy*. (Thesis of Cand. Pol. Sci.). MGIMO MID Rossii, Moskva. 241.

Maslova E. A. (2014). Italy: education and economic development. *Contemporary Europe*, 4 (60), 61–69.

Mel'vil' A. Yu., Alekseeva T. A., Borishpolets K. P. [et al.]. (2002). *Categories of Political Science*. Moskva: MGIMO. 656.

Natale P. (2014). The birth, early history and explosive growth of the Five Star Movement. *Contemporary Italian Politics*, 6 (1), 16–36. DOI: 10.1080/23248823.2014.886418

Nesterov A. G., Dzhayani M. S. (2016). "Five Star" Movement as a Phenomenon of a Protest Party in Italy in the 21st century. *Nauchnyy Dialog*, 11 (59), 290–303.

Quaglia L. (2011). The Ebb and Flow of Euroscepticism in Italy. *South European Society and Politics*, 16 (01), 31–50. DOI: 10.1080/13608740903432367

Savorskaya E. V. (2015). Color Shade of the Green: environmentalism in the context of classical ideological currents. *Polis. Political Studies*, (6), 103–115.

Shibkova M. O. (2016). Ideological and Strategic Euroscepticism in EU Politics. *Comparative Politics Russia*, 4 (25), 13–24.

Taggart P. (2000). *Populism. Concepts in the Social Sciences*. Buckingham: Open University Press. 128.

Taggart P., Szczerbiak A. (2001). *Parties, Positions and Europe: Euroscepticism in the EU Candidate States of Central and Eastern Europe*. Sussex European Institute Working paper, (46), 45.

Vainshtein G. (2013). Populism in the modern Europe: new tendencies. *World Economy and International Relations*, (12), 24–33.

Vainshtein G. (2015). Euroscepticism: New Factor of European Politics. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, (8), 40–48.

Varsori A. *L'Italia nelle Relazioni Internazionali dal 1943 al 1992*. Rome, Laterza. 1998. 290.

Zonova T. V. (2016). *History of the Italian foreign policy*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. 352.

Информация об авторе

Елена Александровна Маслова, кандидат политических наук, старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
elena.maslova21@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2493-3900

About the author

Elena A. Maslova, Cand. Sci. (Pol.), senior lecturer,
Moscow State Institute of International Relations (University)

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
elena.maslova21@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2493-3900

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-158-175

Георги ГЕОРГИЕВ

Университет национальной и мировой экономики

«8-ми декември» ул., София, 1770, Болгария

ORCID: 0000-0001-6900-1907

Европеизм vs евроскептицизм в странах Центральной и Восточной Европы

АННОТАЦИЯ. Евроскептицизм является относительно новым политическим явлением. Он разнообразен по своей природе, одна из его ключевых ипостасей – критика европеизма как официальной идеологии ЕС. Эта идеология достаточно синкретична. Она включает в себя ряд элементов старых философских доктрин – учения Гоббса и Локка, французского Просвещения, немецкой классической философии. В ее основе лежат принципы прогрессизма, универсализма, примата идеи либеральной демократии. Европеизм фактически поглотил старые доктрины консерватизма и социализма, создав на основе неолиберализма вариант квазирелигии. Ее положения формулируются и соблюдаются на уровне наднациональных европейских институтов. Евроскептицизм возрождает ряд

принципов старых идеологий и противопоставляет их европеизму в рамках бескомпромиссной политической борьбы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: популизм, евроскептицизм, европеизм, неолиберализм, идеология, ценности, кризис, ересь, консерватизм, национализм, разрыв, Европейский союз, Европейский парламент, Европейская комиссия, опросы, выборы, восточноевропейские страны, Болгария

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Георгиев Г. (2017). Европеизм vs. евроскептицизм в странах Центральной и Восточной Европы. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (1). 158–175. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-158-175

Georgy T. GEORGIEV

Faculty of International Economics and Politics, University of National and World Economy
ul. "8-mi dekemvri", Sofia, Bulgaria, 1770

ORCID: 0000-0001-6900-1907

Europeanism vs Euroscepticism in the Countries of Central and Eastern Europe

ABSTRACT. *Euroscepticism is a comparatively new political phenomenon. It consists of many aspects, such as critics of Europeism as a political ideology of the EU. This ideology is syncretical and includes different elements of famous political thoughts by Hobbes, Locke, French Enlightenment and German classic philosophy. The core principles of europeism are principles of progressism, universalism (which is known as ground for the ideas of liberal democracy). Today europeism has replaced traditional ideologies of conservatism and socialism and created new types of quasi-religions. The main principles of this ideology are formed and implemented on the level of supranational European institutions. On contrary, euroscepticism restores principles of traditional ideologies, being a significant oppositional actor in relation to europeism.*

During the last years, euroscepticism has been taking strong positions on both national and supranational levels. Especially, this can be seen referring to the experience of Central Eastern Europe, which, nonetheless, has a successful story of European integration. The case of Central Eastern European countries shows a nationalistic character of euroscepticism (in its economic and political senses) and illustrates the people's reaction on practices of the transfer of values and political practices. In Bulgaria euroscepticism remains weak – its membership is still seen as the only alternative, keeping in mind the destroying effect of the country's shift

toward democracy and market. Bulgarian euroscepticism connects with the people's hopelessness in relation the EU as an actor, which is to deal with national problems.

KEYWORDS: *populism, euroscepticism, europeanism, neo-liberalism, ideology, values, crisis, heresy, conservatism, nationalism, rupture, European Union, European Parliament, European Commission, polls, elections, Eastern European countries, Bulgaria*

FOR CITATION: Georgiev G. (2017). Europeanism vs. Euroscepticism in the Countries of Central and Eastern Europe. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (1). 158–175. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-158-175

Евроскептицизм в последние годы имеет особые сильные политические позиции как на национальном, так и на европейском уровне. Он особенно силен в центральноевропейских странах-членах, хотя их членство в ЕС относительно успешно. В данном случае он является проявлением национализма (экономического, политического) и в то же время выражает реакцию населения против внедрения чуждых ценностей и политических практик. В Болгарии евроскептицизм выглядит слабым – членство в ЕС до сих пор считается безальтернативным на фоне разрушительных

результатов перехода болгарского общества к демократии и рыночным отношениям. Недовольство болгар состоянием дел в стране сочетается с уходом надежд на то, что ЕС урегулирует проблемы, которые не в состоянии решить государство.

Евроскептицизм и европеизм

В последние годы проблематика евро-скептицизма стала популярной как среди исследователей, так и в пространстве общественно-политической дискуссии. Предлагается ряд трактовок этого понятия. Мы хотели бы сконцентрировать свое внимание на одном из них – евро-скептицизме как критике идеи европеизма, официальной идеологии ЕС. Частое и интенсивное использование в официальном публичном поле ЕС слова «Европа» и его производных, как представляется, позволяет ставить вопрос о европеизме как особой идеологии, по крайней мере, находящейся на стадии строительства. О нем именно как об идеологии говорил в 2006 г. бывший президент Чехии В. Клаус¹. Как отмечает Елена Симеонова (2011 г.), в Болгарии «...политический эквивалент эффективных... институтов и успешного управления определяется такими терминами, как «европейское развитие», «европейские модели», «европейские стандарты» (Симеонова, 2011, с. 7).

Разумеется, подобная трактовка слова «Европа» и его производных распространена не только в Чехии и Болгарии. Сложность с формализацией европеизма как идеологии связана с тем, что он на самом деле является сочетанием различных идеологий. Его содержание также постоянно меняется в зависимости от событий и трансформаций внутри

общества. Интерпретация постулатов европеизма остается привилегией элиты (высших политиков и чиновников) и ведущих СМИ.

Во многих документах ЕС, заявлениях политиков и общественных деятелей отмечается, что концептуальной основой европейской интеграции является Просвещение: «...у нас, вероятно, есть что-то общее...: четкая приверженность идеям европейского Просвещения»². Тем не менее по-прежнему трудно определить, что является идеологической основой Европейского Союза, поскольку он превратился в довольно рыхлое сообщество, недостаточно централизованное для того, чтобы повсеместно успешно навязывать одну официальную идеологию.

Эту идеологию берут на вооружение наднациональные институты Союза, в деятельности которых неизбежно отражаются и соответствующие интересы связанных с ними элит. «Закваской» европеизма являются классические старые идеологии. Все они, за исключением консерватизма в его традиционном варианте, являются прогрессистскими – обещают лучшее будущее, которое представляется гарантированным, если общество должным образом воплощает в жизнь «научные достижения». Этого лучшего будущего нельзя избежать, социальное развитие кажется восходящим согласно естественному закону. Это относится как к либерализму, так и к социализму – все эти идеологии можно представить как своего рода проекты социальной инженерии. С этим связана одна из слабых сторон европеизма – необходимость непрерывно доказывать факт движения к лучшему будущему и фиксировать его с помощью четких экономических показателей.

Важное положение прогрессизма – убеждение, что социальные и политиче-

1 Klaus V. (2006, 20 november). What is Europeism? English Pages. URL: <https://www.klaus.cz/clanky/1326> (Accessed 03.05.2017)

2 Verheugen G. (2005, January). Europa muss Weltmacht werden. Internationale Politik, 34–43.

ские реформы, направленные на улучшение условий жизни, можно провести только сверху от имени европейской элиты. Попытки подвергнуть этот проект серьезной оценке путем прямого вмешательства в дела элиты (плебисцит или референдум) допустимы только тогда, когда они дают желаемые результаты. Провал усилий «социальных инженеров» (они же – сами европейские элиты), направленных на предотвращение снижения жизненного уровня населения стран ЕС, наряду с нежеланием принять к фактическому исполнению решения, вынесенные на нескольких референдумах, если не ставит под сомнение весь замысел проекта социальной инженерии, то, по крайней мере, ослабляет позиции элиты и усиливает евроскептические настроения в массах.

При формулировании (насколько это возможно) идеологии ЕС в целом мы должны иметь в виду следующее.

Руководящая идеология формулируется для всего сообщества самыми влиятельными государствами-членами. Ключевым понятием в рамках этой доктрины остается категория западной демократии, со всеми вариациями в трактовке этого понятия. В качестве ее прообраза предлагается концепция демократического строя в полисах Древней Греции. Различные партии могут (по крайней мере, могли до середины 1970-х гг. XX в.) по-разному трактовать понятие демократии, но они не могут оспаривать ее основную идею и связанную с ней политическую практику. В то же время ряд недостатков современной демократии западного образца, таких, как медленная реакция на кризисы, растущая элитарность и подверженность коррупции на фоне успехов других стран с другими политическими системами (например, Китай, Турция,

Россия), ставит под сомнение ее нынешнюю трактовку.

Главным носителем идеологии европеизма является наднациональное чиновничество в Брюсселе, Страсбурге и Франкфурте-на-Майне. Европейская комиссия официально считается блюстителем учредительных договоров ЕС. Если сравнивать европеизм с религией, то сотрудники Еврокомиссии являются ее жрецами. Идеология ЕС превращается в самостоятельный дискурс, состоящий из различных, иногда противоречивых и в смысловом плане размытых концептуальных компонентов. Постоянное стремление Еврокомиссии к расширению своего влияния, ее превращение в носителя истины в последней инстанции, в хранителя и интерпретатора договоров превращают ее, как и наднациональное чиновничество в целом, в объект острой критики евроскептиков.

Как любая идеология, европеизм утверждает свою монополию на истину, демонстрируя превосходство над потенциальными конкурентами. Использование термина «Европа» применительно к Европейскому Союзу может быть просто удобным кратким обозначением. Однако зачастую здесь читается попытка подчеркнуть, что ЕС – это идеальная модель общественного развития для континента.

Примечателен в этом отношении проект будущего устройства ЕС, предложенный В. Ж. д'Эстеном. В Союзе выделяется «ядро» – та самая коренная «Европа», включающая в себя Францию, Германию, Италию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Испанию, Португалию и Австрию. Подобное разделение вызывает сопротивление оставшихся за пределами этого «ядра» стран и способствует трансформации умеренного евроскептицизма в официальную государственную политику некоторых государств³.

3 L'Europe "à plusieurs vitesses" divise Est et Ouest (2017, 10 mars). Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2017/03/10/l-europe-a-plusieurs-vitesses-divise-est-et-ouest_5092464_3214.html#EdY7TE18MgyVbhKs.99 (Accessed 03.05.2017)

Европеизм исключает национализм из круга идеологий, которые составляют общую идейную основу объединения. Строительство союза рассматривается как процесс изживания национализма. Он считается первопричиной катастрофического для континента мировых войн. Отрицание национализма, однако, приводит к отказу от изучения явления, от объяснения его природы. Отсюда и нежелание признавать факты. Естественное стремление граждан к безопасности в период нестабильности, часто выражающееся в поддержке идеи сильного национального государства, не принимается во внимание или отвергается, что неизбежно провоцирует эмоциональную ответную реакцию.

Как любая идеология, европеизм претендует на определенную научность. После подписания учредительных договоров 1951 и 1957 гг. в Европе возникли научные школы, которые взялись за разработку научных теорий интеграции. Они должны были дополнительно легитимировать политический процесс европейского объединения и наметить дальнейшее его развитие. Среди них выделяются:

Теория межправительственного сотрудничества (Стэнли Хоффман) (Hoffman, 1970).

Неофункционализм (Э. Хаас), предполагающий последовательное развитие интеграционных процессов в различных общественных сферах (теория сформировалась под явным влиянием марксизма) (Haas, 1958). Сюда же можно отнести схему поступательного развития, которую предложил Б. Балашша: «зона свободной торговли» – «таможенный союз» – «общий рынок» – «экономический союз» – «полная экономическая интеграция» – «политический союз с общей

внешней политикой и обороной (федерация)» (Balassa, 1961).

Эти научные конструкции возникли не на основе наблюдений за аналогичными процессами – такой возможности нет, так как европейская интеграция является уникальным прецедентом в современных условиях. Имел место другой подход: попытка направить процесс интеграции в соответствии с априорно возникшим идеальным образом. Практические отклонения от заданной модели не рассматривались как основание для ее корректировки. Считалось, что отклонения носят временный характер и что долгосрочное развитие в конце концов подчинится логике абстрактного образа.

Несмотря на явные сбои в строительстве экономического и валютного союза, неофункционализм остается наиболее авторитетной научной теорией интеграции. Впрочем, в 2014 г. даже проевропейские публицисты и политики в Болгарии признали, что: «неофункционализму... грозит провал... В виде реакции на финансовый кризис 2008–2012 гг. вместо укрепления проевропейских настроений... мы наблюдаем противоположную тенденцию – уменьшение доверия и укрепление евроскептицизма»⁴. Согласно неолиберальным теоретическим установкам, после реформирования европейского экономического сообщества в начале 1990-х гг. доля взаимной торговли между европейскими странами должна была заметно увеличиться, после чего количество перешло бы в качество: углубление экономической интеграции привело бы к активизации интеграции политической. Этого не происходит, но неофункционализм сохраняет свои позиции.

Публично объявляется, что ценностями, на которых основывается ЕС, являются уважение человеческого до-

4 Смилев Д. (2014, 19 апр.). «Вълната на евроскептицизма». Портал Култура. URL: <http://kultura.bg/web> (Accessed 03.05.2017)

стоинства и прав человека, свободы, демократии, равенства и верховенства закона. В объединительных договорах указано, что страна, которая не признает эти ценности, не может быть частью Союза. Их толкование сейчас – прерогатива европейской элиты. Отклонения от правильной интерпретации ценностей не допускаются, они подлежат мягкой цензуре, отдельным проявлением которой является политическая корректность.

Чтобы понять суть идеологической основы ЕС, необходимо учитывать, что она несет на себе явные следы философских концепций прошлого. Выделим основные из них.

Взгляды Т. Гоббса с его идеей государства-Левиафана, ограничивающего права граждан ради обеспечения мира и безопасности. В европеизме идея добровольной уступки суверенитета предполагает его передачу наднациональным институтам из того же страха войны. В этом смысле философско-правовая основа европейской интеграции аналогична тому, что в XVII в. писалось о национальном государстве.

Французское Просвещение и «Декларация прав человека и гражданина», к основным принципам которой в эпоху индустриализации добавились право на труд, право на социальное обеспечение, право на образование и т.д. На этой основе впоследствии возникло т.н. государство всеобщего благосостояния. До середины 1970-х гг. европейское сообщество строилось с учетом важности социальной компоненты. Однако впоследствии на волне неолитерализма в большинстве европейских стран начался процесс демонтажа государства всеобщего благосостояния (Розанваллон, 2014, с. 266–288). Это, естественно, вызывало и вызывает сопротивление. В ситуации повсеместного упадка левых партий и движений его сегодня возглавляют именно популистские, евроскептические движения.

Классическая немецкая философия. В разновидность религиозной догмы превратилась высказанная И. Кантом идея того, что свободная торговля обеспечивает мир. В поддержку этого утверждения часто приводятся слова, приписываемые К. Ф. Бастиа: «Когда товары не могут перейти через границу, это делают солдаты». Убеждение, что свободный внутренний рынок ЕС есть гарантия мира, не является предметом обсуждения. Тем не менее потеря рабочих мест в результате свободной конкуренции создает напряженность, которая не может не проявляться. Во времена кризиса эта напряженность выражается в росте протекционистских настроений. Критика идеи преимущества свободной торговли (равно как и свободного перемещения людей) является одним из главных направлений деятельности евроскептиков.

В этом же контексте фигурирует наследие Д. Локка с его концепцией “*tabula rasa*”, критикующей теорию врожденных идей. Европейская элита убеждена в том, что правильное воспитание может сформировать новый тип европейского мультикультурного человека, преодолевая ограничения (и предрассудки) традиционных общностей (наций). В сфере образования и науки элита ведет воспитательную работу, применяя мягкую цензуру. Показательно, что после каждого важного голосования по вопросам углубления евроинтеграции официозные СМИ подчеркивают, что «по-европейски» голосовали молодые, хорошо образованные люди.

Отмеченные выше компоненты европеизма формируют настоящую идеологическую смесь: там можно найти элементы левых, центристских и правых взглядов, причем их сочетание будет варьироваться в зависимости от актуального контекста. С деградацией индустриального общества в Западной Европе в условиях глобализации новое издание либерализ-

ма вытолкнуло на периферию правые и левые идеи. Утратив поддержку рабочих, левые переориентировались на работу с меньшинствами – этническими, религиозными, сексуальными и т.д. В большинстве стран левые партии превратились в левых либералов, выдвигающих достаточно абстрактные лозунги в защиту экологии, индивидуальных прав, прав маргинальных групп и т.п. В то же время правые отошли от защиты традиционных ценностей (семьи, религии, порядка, национальных интересов), переключившись на защиту принципов свободной торговли и конкуренции. Традиционный консерватизм фактически вытесняется на обочину публичного поля (Gray, 1994, p. 720–721).

Технократический неолиберальный подход возводит в культ выросшую из этой идейно-политической смеси концепцию «четырех свобод», т.е. свободы передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках объединенного рынка. Как видно на примере переговоров о выходе Великобритании из ЕС, ни одна из этих свобод, в том числе принцип свободного передвижения граждан, не подлежит обсуждению. Свобода перемещения людей принадлежит к числу неотъемлемых прав человека, в то же время ее воспринимают как фактор экономического роста. Размывание категории нации в ее классическом понимании и, следовательно, деградация национального государства, в том числе вследствие фактического отсутствия национальных границ, не рассматривается в качестве отрицательного явления. Скорее наоборот: считается, что речь идет о желательном побочном эффекте. Защита прав человека не учитывает факт наличия у него обязательств перед обществом. Национальное государство как представитель этого общества отвергается. Альтернативой ему представляются наднациональные институты ЕС.

Однако подавление традиционного консерватизма, социализма и национализма произвело неожиданный эффект: привело к зарождению нового движения, направленного против истеблишмента. У евроскептицизма во всех его проявлениях есть одна характерная черта: призыв к возвращению политической власти ее первоначальному носителю – гражданину-избирателю. Евроскептицизм включает в себя элементы маргинализированных консерватизма и национализма. Кроме того, он стал главным выразителем интересов наемных рабочих, брошенных левыми партиями. Сейчас евроскептицизм является универсальной оппозицией неолиберальной европейской элите. Политические круги ЕС не готовы реагировать на изменения, о чем свидетельствует их позиция по итогам референдума 2016 г. в Великобритании и президентских выборов 2016 г. в США. Ответ европеизма на вызов евроскептицизма заключается в простой формуле – более активно действовать в том же духе. Это лишь усиливает евроскептические настроения.

Евроскептицизм в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ)

Оппозиция европеизму наглядно проявляется в общественно-политической жизни новых членов Европейского Союза. Евроскептицизм распространен и здесь, хотя его предпосылки во многом иные, чем в странах Западной Европы. Энтузиазм по поводу нового европейского будущего в этих странах сегодня заметно поугас, и среди части населения ощущаются пессимизм и апатия. Это может вызвать удивление, особенно если вспомнить, что после окончания холодной войны членство в ЕС стало стратегической целью этих государств, надеявшихся, что оно сможет помочь им преодолеть явное или мнимое отставание от западных стран.

В странах, ставших новыми членами Евросоюза, переход к капитализму и постиндустриальной экономике, а также демократический транзит и вступление в ЕС совпали по времени. Поэтому их политическое развитие столкнулось с серьезными сложностями. Некоторым из этих стран удалось сохранить равновесие, создав сильное государство как единственный способ защитить интересы особо уязвимых слоев населения в условиях переходного общества. Членство в ЕС они также воспринимают как средство защиты национальных интересов. Однако само понятие национального интереса отрицается в рамках идеологии европеизма. Поэтому евроскептицизм в экономике, в политике и культуре этих стран принимает форму национализма. Эти процессы характерны, прежде всего, в странах Вышеградской группы – Польше, Чехии, Венгрии и Словакии, о которых пойдет речь ниже. Среди них Чехия – самая евроскептическая страна. В обществе преобладает негативный имидж ЕС – 32% против 28% респондентов, которые оценивают его как позитивный. В то же время Евросоюз воспринимается, скорее, положительно в Словакии (34% против 20%), Венгрии (37% против 18%) и Польше (51% против 10%)⁵. Среди этих стран Чешская Республика остается самым большим противником евро. Кроме того, 70% опрошенных чехов не считают, что «их голос имеет вес в Европе». В других странах этот взгляд разделяет примерно половина населения. При этом Чешская Республика остается наиболее развитой страной Вышеградской группы.

Есть одно нетривиальное объяснение такого евроскептицизма. Болгарский исследователь Л. Топалов считает, что его нельзя считать источником беспокой-

ства. Евроскептицизм, по его мнению, это положительное явление, которое позволяет дискутировать о будущем европейских институтов и об их эффективности. Эволюция единой Европы от идеи к реальному объединению способствует возникновению евроскептицизма, так как весьма затруднительно критиковать идею, фикцию. Намного проще негативно оценивать то, что уже имеет реальные контуры. Поэтому европейская интеграция дает хлеб евроскептицизму. Его появление в странах Восточной Европы на самом деле является признаком того, что и политические партии, и общества достигли зрелости и не боятся обсуждать чувствительные политические темы. Евроскептицизм больше не означает отказа от демократии и от попыток порвать с тоталитарным прошлым (Topaloff, 2012).

Таким образом, евроскептические настроения подтверждают, что на востоке Старого Света и демократия, и единые европейские институты уже функционируют вполне удовлетворительно. По этой логике можно понять, почему в Болгарии, для которой вхождение в ЕС, как и все реформы после 1990 г., обернулось серьезными издержками, евроскептицизм менее заметен, чем в странах Вышеградской четверки. С другой стороны, таким способом невозможно объяснить рост евроскептицизма в странах Западной Европы. Очевидно, необходима другая объяснительная модель.

Во-первых, наступление неолиберализма и подавление национального государства не нашли полного понимания в Восточной Европе из-за различий в историческом развитии новых государств-членов. Отказ от императива национального интереса для них неприемлем, так как они считают распад ОВД, СЭВ и СССР восстановлением своей независимости

5 Standard Eurobarometer 86 – Autumn 2016. First results. Public opinion in the European Union. DOI: 10.2775/196906

и государственности, по крайней мере, такие представления являются доминирующими в Польше, Чехии, Венгрии. Существует парадокс: в XIX в. либерализм активно работал на разрушение старых империй. Начиная с Наполеоновских войн и вплоть до конца Первой мировой войны либеральные идеи объективно способствовали рождению современных наций и национальных государств, в том числе в ЦВЕ. Там консерватизм в лице империй: Российской, Германской, Австрийской (Австро-Венгерской) препятствовал развитию наций – польской, чешской, венгерской, словацкой. Либерализм тогда являлся союзником национализма. Сегодня в качестве ведущей идеологии в ЕС неолиберализм ведет к деградации наций и их превращению в единое европейское сообщество в рамках новой, «правильной» империи.

В преамбуле к Маастрихтскому договору страны – члены ЕС заявили, что они «намерены установить гражданство, общее для граждан своих стран»⁶. С распространением мультикультурализма, свободного рынка и принципа верховенства прав личности над общественными интересами либеральные практики уничтожают нацию. И на этот раз союзником национализма становится консерватизм, по определению Д. Лукача – самая устойчивая идеология XX в. (Lukacs, 1993). Пример стран ЦВЕ показывает, что совместному давлению консерватизма и национализма сложно противостоять, тем более что неолиберализм не укоренился глубоко в культуре этих обществ, для которых конец коммунистической идеологии означал скорее возвращение к традиционным, консервативным ценностям,

особенно в католических странах. Конец холодной войны на Востоке континента восприняли как возрождение и укрепление национальных государств, а конец социализма далеко не означал полный отказ от социальных ценностей.

Посмотрим на положение дел с точки зрения экономики. На пути к ЕС страны ЦВЕ сумели извлечь для себя выгоду. Из-за процессов деиндустриализации в Западной Европе Польша, Чехия, Венгрия и Словакия сохранили свою промышленность, превратившись в крупный центр производства легких и грузовых автомобилей в ЕС⁷. Кризис 2008 г., однако, внес свои коррективы: практически все страны Восточной Европы до сих пор не в состоянии достигнуть докризисного уровня ВВП. Жители новых государств – членов ЕС вскоре поняли, что Евросоюз не является решением всех проблем и даже не в состоянии защитить их от надвигающегося экономического кризиса. Восточно-европейские страны ожидали, что после вступления в ЕС уровень жизни населения будет быстро расти, однако эти надежды оправдались далеко не в полной мере, а ожидания, что государства региона скоро станут равными в своих отношениях со старыми членами ЕС, не оправдались совсем. Странам Восточной Европы все чаще напоминают, что они получают финансовую помощь от богатых стран и поэтому обязаны демонстрировать лояльность, в том числе и в вопросах миграционной политики.

С другой стороны, уже слышны голоса скептиков, отмечающих, что в процессе интеграции в ЕС страны ЦВЕ остаются без ресурсов – как людских, так и материальных. Утверждается, что

6 Договор за създаване на Европейския съюз, Маастрихт, 7.2.1992 г., последно изменен с Договора за присъединяване от 2005 г. URL: https://www.univie.ac.at/RI/eur/20070101/BG_EU20070101.pdf (Accessed 03.05.2017)

7 О превращении центральноевропейских стран в крупный центр автомобилестроения см. подробнее World Investment Report 2006. FDI from Developing and Transition Economies: Implications for Development. United Nations. URL: http://unctad.org/en/docs/wir2006_en.pdf (Accessed 03.05.2017)

существующая модель разделения труда навязывается им извне и что на самом деле ЦВЕ является спонсором Запада, а не наоборот. «Венгрию приняли в ЕС не для того, чтобы мы развивались. Целью было колонизировать нас, использовать нашу дешевую рабочую силу и завоевать наши рынки. Западные компании и банки теперь пытаются сохранить свои позиции, используя доходы, которые они выкачивают из нашей страны»⁸, – заявил Г. Вона из партии «Йоббик». Во многом с этим утверждением согласится и любой болгарский гражданин. «Болгарские фрукты скоро придется заносить в Красную книгу. В настоящее время 90–95% фруктов и овощей на нашем рынке импортного происхождения. Товары поставляются из Турции, Греции, Испании, Македонии и некоторых других стран ЕС», – комментирует Ц. Цеков из Ассоциации сельскохозяйственных производителей Болгарии⁹.

Трудно оценить, насколько реалистичны ожидания стран ЦВЕ достичь уровня экономического и политического развития западной части континента. Вполне возможно, что их граждане недооценивают достигнутые после болезненных глубоких перемен успехи, сравнивая их с динамикой роста более развитых стран. Индекс развития человеческого потенциала этих государств относит их к группе высокообразованных: Чехия на 28-м месте в 2015 г. (25-е место в 1990 г.), Польша на 36-м месте (27), Словакия на 40-м месте (25), Венгрия на 43-м месте (28), Румыния на 50-м месте (41)¹⁰. Однако эти показатели трудно оценивать однозначно. В любом случае есть разочарование, и

самым надежным индикатором, видимо, остается рост националистических настроений в Польше, Венгрии, Чехии, Словакии, в меньшей степени в Румынии. В странах ЦВЕ у власти уже находятся или имеют сильное политическое влияние политики-евроскептики, такие, как Я. Качиньский, Р. Гертых (Польша), В. Клаус (Чехия), Я. Слота (Словакия), и особенно В. Орбан и вышеупомянутый Г. Вона в Венгрии. Их деятельность вызывает понятное беспокойство среди европейской элиты.

В течение вот уже 10 лет с того момента, как мировую экономику сотряс кризис, Брюссель не может предложить жизнеспособное решение экономических проблем Евросоюза. Только в 2015 г. объявлен инвестиционный «план Юнкера», предполагающий выделение членам сообщества 315 млрд евро, при этом большую долю, примерно 92% средств, получают 15 самых развитых стран ЕС. Италия, Испания и Великобритания уже освоили значительную часть финансирования в области инфраструктуры и инноваций. Болгария надеется получить только 1,4 млрд евро (Бонева, 2015). В то же время Китай активно развивает свой стратегический проект «Один пояс и один путь», который открывает большие возможности для стран Юго-Восточной и Центральной Европы. Их участие в этом проекте регулируется в рамках т.н. формата «16+1» – программы сотрудничества Китая с 11 странами – участниками ЕС и 5 Балканскими странами. В случае ее успешной реализации эти страны совместно с китайскими производителями могли бы стать частью промышленной

8 Gábor Vona: Euro-Atlanticism must be replaced by Eurasianism. (2013). Jobbik Movement for a Better Hungary. URL: http://www.jobbik.com/g%C3%A1bor_vona_euro-atlanticism_must_be_replaced_eurasianism (Accessed 03.05.2017)

9 90% от плодovе и зеленyцe вноси. Българска стопанска камара – съюз на българския бизнес. URL: <http://www.bia-bg.com/service/view/14472> (Accessed 03.05.2017)

10 Table 2: Trends in the Human Development Index, 1990–2015. Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/trends> (Accessed 03.05.2017)

цепочки, ориентированной на европейский рынок. После заключения в 2016 г. новых соглашений на 4 млрд евро Китай в настоящее время является вторым по величине торговым партнером Чехии после Германии. Будапешт превращается в основного транспортного дистрибьютора китайских товаров, поставляемых в Западную Европу, а Польшу ожидает большой рост существующего транзитного потока в Германию. Болгария рассчитывает за счет китайских инвестиций дать новый толчок развитию своего сельского хозяйства¹¹. Только на инфраструктурные проекты в группе «16+1» Китай выделил 11 млрд. евро, а китайские инвестиции в регионе удвоились за последние 10 лет¹². Экономические альтернативы, которые предлагает Китай, косвенно подпитывают евроскептицизм, хотя очевидно, что Китай заинтересован в этих странах в основном из-за доступа, который с их помощью можно получить на емкий западноевропейский рынок.

С экономикой тесно связано и международное позиционирование стран региона. Важно отметить, что с этой точки зрения не только общество, но и часть политической элиты бывшего социалистического лагеря все чаще выражает недовольство результатами вхождения в Евросоюз. Страны ЦВЕ рассматривали вопрос об интеграции в Союз как возможность покончить со статусом периферийных стран в европейской политике, подчиненных внешнему политическому центру. Но эйфория обретенной независимости после распада ОВД, СЭВ и СССР быстро сменилась страхом возможной новой утраты националь-

ной идентичности и суверенитета. Этот страх усиливается еще и существующей непрозрачностью и неповоротливостью бюрократии в Брюсселе, а также ее часто неоднозначными и неприемлемыми директивами. Ощущение, что подчинение внешней силе осталось, только изменило свое направление, укрепляет евроскептицизм в этих странах. Отдельный вопрос, могут ли вообще такие страны, как Венгрия, Чехия и Словакия, обладающие небольшим человеческим, экономическим и военным потенциалом, играть иную роль. В этом смысле евроскептицизм, возможно, частично основан на иррациональных и неточных суждениях и ожиданиях, которые не делают его менее реальным.

Польша, например, всегда видела себя на ведущих позициях в Восточной Европе. В новых условиях, полагаясь на стратегический союз с США, она стремится стать региональным гегемоном, имея солидный вес в ЕС и усиливая, таким образом, польское влияние на Украине и в Белоруссии. Польские амбиции не всегда находят поддержку среди остальных стран Союза, особенно когда польская восточная политика сталкивается с интересами более влиятельных политических акторов. К числу подобных примеров можно отнести скандал с польским экспортом мяса в Россию в 2007 г. и разногласия по вопросу строительства газопроводов «Северный поток 1 и 2» в Северном и Балтийском морях. В обоих случаях поляки чувствовали себя брошенными своими партнерами по ЕС, и польские политики высказывали свое разочарование.

11 В Болгарии создана образцово-показательная зона сельскохозяйственного сотрудничества между Китаем и странами ЦВЕ. (2017, 24 мая). СИНХУА Новости. URL: http://russian.news.cn/2017-05/24/c_136311792.htm (Accessed 03.05.2017)

12 Stanzel A., Kratz A., Szczudlik J., Pavličević D., Doyon J. (2016, December). China's Investment in Influence: the Future of 16+1 Cooperation. European Council of Foreign Relations, China Analysis. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/China_Analysis_Sixteen_Plus_One.pdf (Accessed 03.05.2017)

Очевидно, что в одиночку Польше не справиться со своими амбициозными геополитическими задачами. С уходом Великобритании из Евросоюза польские власти теряют важного союзника и боятся, что Германия теперь будет играть еще более заметную роль в сообществе. Предложение глав МИД Германии и Франции о создании «Каролингского ядра» внутри ЕС пугает как Польшу, так и другие государства Вышеградской четверки. Тем самым возникает основа для активизации сотрудничества между ними, в котором по отдельным вопросам также участвует Румыния. Налицо общее стремление ключевых стран региона уменьшить зависимость от Брюсселя и Берлина.

Кроме экономики и геополитики существует еще один фактор, вызывающий охлаждение отношений между ЕС и странами ЦВЕ. Как уже было отмечено, для граждан этих стран конец коммунистической идеологии означает, скорее, возвращение к западной цивилизации на основе христианских ценностей и культуры. В реальности же фундаментальные ценности современного Запада – это анти-традиционализм, крайний секуляризм и моральный релятивизм. По словам Габора Воны, «выйдя из «антиценностного» мира коммунизма, [страны ЦВЕ] попали в капиталистическую действительность с ее ценностным вакуумом»¹³. Большинство «новых европейцев» отказываются принять либеральные нормы толерантности к однополым бракам, абортам и т.д. В отличие от Западной Европы в ЦВЕ эти настроения уже превращаются в мейнстрим и задают тон внутренней политической жизни.

Лидером здесь является Венгрия. После выборов весной 2014 г. в парламент вошли 117 депутатов от партии «Фидес», заключившей правительственную коалицию с христианско-демократической Народной партией, и 23 депутата от партии «Йоббик». «Фидес», правящая партия В. Орбана, – умеренно евроскептическая, ее риторика не предусматривает выход из ЕС, но часто критикует курс и политику Союза. В 2014 г. лидер партии В. Орбан публично отверг либеральную демократию и выразил предпочтение моделям государственного устройства России, Турции и Сингапура, делая упор на традиции, патриотизм, мораль, религию и семью, что тут же спровоцировало волну острой критики со стороны зарубежных комментаторов¹⁴. Более того, во внутренней политике правящая коалиция реализует курс экономического национализма, ограничивая деятельность транснациональных корпораций и банков, а также поддерживая государственный контроль в сфере коммунальных услуг. В мае 2014 г. во время визита в Берлин В. Орбан озвучил основные принципы своей политики: отсутствие иммиграции из стран с чуждой христианским ценностям культурой, сохранение национальной самобытности и традиционной семьи, финансовая ответственность стран сообщества. В столице Германии речь была воспринята холодно.

Столкновение венгерской правящей коалиции с институтами ЕС развернулось вокруг действительно фундаментальных вопросов. В своем обращении к Европейскому парламенту в апреле 2017 г. В. Орбан заявил, что членство Венгрии в ЕС является безусловным,

13 Gábor Vona: Euro-Atlanticism must be replaced by Eurasianism (2013). Jobbik Movement for a Better Hungary. URL: http://www.jobbik.com/g%C3%A1bor_vona_euro-atlanticism_must_be_replaced_eurasianism (Accessed 03.05.2017)

14 Reactions to Viktor Orbán's scandalous "illiberal democracy" speech (2014, 29 July). Free Hungary. URL: <http://www.freehungary.hu/index.php/56-hirek/3122-reactions-to-viktor-orban-s-scandalous-illiberal-democracy-speech> (Accessed 03.05.2017)

но «во многих отношениях (венгры) не удовлетворены тем, как ЕС работает» и что он по ряду вопросов не согласен с политикой Евросоюза¹⁵. Орбан подтвердил, что он предпочитает союз сильных стран (вместо федерации), в котором они сами несут ответственность за государственный долг, бюджет или охрану границ. Касаясь миграционного вопроса, премьер-министр выступил за национальный суверенитет и объяснил, что венгры имеют право решать, с кем они хотят жить. Он защищал и христианские ценности, из-за чего подвергся серьезной критике со стороны либеральных депутатов Европарламента. При этом Орбан получил поддержку от группы евроскептиков в Европейском парламенте во главе с польским депутатом Здиславом Красноденским.

Весьма интересен и случай Польши. Здесь во втором туре президентских выборов 24 мая 2015 г. победу одержал кандидат от евроскептической партии «Право и справедливость» А. Дуда, а на очередных выборах в сейм данная партия получила 37,6% голосов и 235 мандатов из 460. Такой электоральный успех позволил ей сформировать однопартийное правительство впервые в посткоммунистической истории страны. Будучи у власти, партия «ПиС» предложила свою трактовку демократии и при поддержке консервативной части населения и Католической церкви начала борьбу против «либеральных, зачастую коррумпиро-

ванных элит, имеющих слабое отношение к христианским и патриотическим ценностям»¹⁶. «Меры, которые принимаются Варшавой, являются не просто антилиберальными, они, прежде всего, антидемократические и противоречат принципам верховенства права», – заявил Г. Верхофстадт, лидер парламентской группы «Альянс либералов и демократов Европы»¹⁷. Несмотря на давление со стороны Европейской комиссии, Польша, наряду с Венгрией и Австрией, решительно отказалась принять беженцев по квоте, утвержденной Комиссией, несмотря на риск введения против нее санкций. Согласно заявлению премьер-министра Польши Б. Шидло, «польское правительство не согласно с введением квот и попытками заставить некоторые страны принимать беженцев»¹⁸.

Польскую позицию в отношении беженцев разделяет и Чехия, в которой антииммиграционные настроения сильны с момента ее вступления в ЕС в 2004 г. Около двух третей граждан Чехии выступают против приема беженцев. Опрос 2015 г. показал, что 94% предпочитают полное закрытие границ¹⁹. Такое отношение к мигрантам порождает враждебность к тем государствам ЕС, которые поддерживают открытую миграционную политику, особенно к Германии, а также к ЕС в целом.

В то же время следует отметить, что описываемое выше негативное отношение к ЕС имеет долгую историю. Ярким выразителем недовольства курсом ев-

15 Марини А. (2017, 28 апрель). Венгрия – новая Великобритания? Euinside. URL: <http://www.euinside.eu/bg/news/is-hungary-the-next-britain> (Accessed 03.05.2017)

16 Is Poland a failing democracy? (2016) POLITICO. URL: <http://www.politico.eu/article/poland-democracy-failing-pis-law-and-justice-media-rule-of-law/> (Accessed 03.05.2017)

17 Is Poland a failing democracy? (2016) POLITICO. URL:// <http://www.politico.eu/article/poland-democracy-failing-pis-law-and-justice-media-rule-of-law/> (Accessed 03.05.2017)

18 Польша към ЕС: Налагайте санкции, няма да приемем бежанци. (2017, 17 май). Vesti.bg. Режим достъпа: <https://vesti.bg/temi-v-razvitiye/tema-bezhancite-ot-siriia/polsha-nalagajte-sankcii-niama-da-priemem-bezhanci-6069229> (Accessed 03.05.2017)

19 Wirtz B. (2017, 5 February). Forget Brexit, the EU's next threat comes from the East. Newsweek. Available at: <http://www.newsweek.com/eu-european-union-brussels-czech-republic-591079> (Accessed 03.05.2017)

ропейской интеграции в ЦВЕ является бывший президент Чехии В. Клаус. «Европа находится в серьезном кризисе. И это не только финансовый или валютный кризис, он даже не экономический. Это кризис в европейском обществе как таковом, в его поведении, в его образе мышления», – отмечал он в 2011 г. Для В. Клауса западная цивилизация создала такую социально-экономическую модель, которая ведет к экономическому краху или, по крайней мере, к серьезному отставанию²⁰. По его словам, на месте умирающего национального государства возникает опасный для граждан, но привлекательный для политиков вакуум легитимности, который он называет ситуацией «отсутствия демократии» или «постдемократией». Если «Европа хочет встать с колен», то она должна быть преобразована, иначе она превратится в периферию других, динамично развивающихся центров мира. Выход из такого положения возможен, по мнению В. Клауса, лишь через возвращение к демократии

Преемник В. Клауса, М. Земан продолжает эту линию, учитывая настроения в стране. Новый президент выступает против принятия мусульманских беженцев, считая их интеграцию «невозможной» и обвиняя во всем чиновников в Брюсселе и Страсбурге. Земан публично даже пытался рассеять надежды европейских технократов на то, что «финансирование инфраструктуры и сельского хозяйства в ЦВЕ заставит страны этого региона соглашаться с политикой машины в Брюсселе»²¹.

В Словакии политическое развитие аналогично. Здесь также выигрывают

партии, которые поддерживают патриотизм, нравственность, религию и традиционную семью и выступают против либеральных ценностей. Особое раздражение вызывают попытки Европейского парламента оказать давление на государство с целью изменения их законодательства, регулирующего вопросы однополых браков, полового воспитания и аборт. Кроме того, все партии в парламенте Словакии согласны: Словакия не будет принимать мигрантов. «Мусульмане не имеют места в нашей стране», – говорит премьер-министр Словакии Р. Фицо, который решительно выступает против квот на беженцев²². Евроскептицизм в Словакии был усилен неудачными попытками решить финансовый кризис в Греции, когда Брюссель и Берлин требовали от страны с более низким стандартом жизни участвовать в финансировании Европейского фонда финансовой стабильности²³.

Резюмируя, следует отметить, что в странах Вышеградской четверки евро-скептические настроения весьма сильны. Однако в то же время даже в Чехии, несмотря на призывы М. Земана о проведении референдума, всерьез не обсуждают возможность выхода из ЕС. Схожая ситуация наблюдается и в других странах группы. Таким образом, в рассматриваемом случае речь идет о «мягком» варианте евро-скептицизма, хотя исповедуемые большинством населения стран ценности и национализм вступают в острый конфликт с доминирующим европеизмом.

20 Klaus V. (2016, 20 Dekabr). Ekonomický chaos v Evropě (a Řecku) má a bude mít na českou ekonomiku velmi silný dopad. EKONOMICKÉ TEXTY. URL: <https://www.klaus.cz/clanky/2966> (Accessed 03.05.2017)

21 Wirtz B. (2017, 5 February). Forget Frexit, the EU's next threat comes from the East. Newsweek. URL: <http://www.newsweek.com/eu-european-union-brussels-czech-republic-591079> (Accessed 03.05.2017)

22 Ригерт Б. (2016, 07 янв.). Председателя на ЕС, който не иска бежанци. Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.com/bg/a-19370975> (Accessed 07.01.2016)

23 Данное обстоятельство привело к отставке правительства во главе с Иветой Радичовой.

Евроскептицизм в Болгарии

Болгарский кейс имеет много общего с ситуацией в странах ЦВЕ, однако демонстрирует и некоторые особенности. Болгарский путь к капитализму и демократии более всего напоминает российский модель (до начала 2000-х гг.), а также модели ряда стран бывшего СССР (Украины, Молдовы, Грузии) и Румынии, хотя и с некоторыми оговорками. Новая болгарская политическая и экономическая элита фактически проистекает из рядов бывшей коммунистической партии. Ее цель состоит в том, чтобы принять и сохранить властные позиции в изменившихся условиях, а также получить протекцию со стороны новых союзников.

В отличие от стран Вышеградской четверки в Болгарии переход к капитализму, демократии и постиндустриальной экономике, а также вступление в ЕС были осуществлены путем гораздо более радикальных реформ самих институтов государственности. В результате промышленность, сельское хозяйство и государственный сектор экономики были разрушены в большей степени, чем в других странах ЦВЕ. Деградация государства в Болгарии особенно заметна, подтверждением чему служит откровенная неспособность болгарской политической элиты нести ответственность за общественное и государственное развитие. Членство в НАТО и ЕС должно было снять с элиты всю эту ответственность и заставить общество поверить, что в новых условиях национальное государство устарело и все проблемы развития будут решаться благодаря участию в указанных выше организациях. Суть этого

курса ярко иллюстрируют слова одного из руководителей Болгарской социалистической партии, известного политолога Валентина Вацева: «Америка будет нас защищать, Европа будет нас кормить»²⁴.

Членство Болгарии в ЕС, в отличие от некоторых других стран ЦВЕ, нельзя назвать историей успеха. Эстония, Чехия и другие «молодые» члены ЕС уже догоняют развитые страны Западной Европы, а в некоторых сферах даже превосходят их²⁵. Однако такое утверждение неприменимо к Болгарии, что подтверждается показателями, которые содержатся в докладе фонда «Открытое общество», посвященном т.н. «догоняющему индексу». Согласно авторам данного доклада, Болгария занимает лишь 29-е место из 35 индексируемых стран²⁶. Оценка по шкале «Экономика» является высокой из-за низкого уровня государственного долга и относительно низкого уровня безработицы. Однако в реальности безработица находится на приемлемом уровне только из-за массовой эмиграции, а низкий уровень долга имеет прямую связь с самым низким в масштабах ЕС уровнем дохода. Отсталость Болгарии подтверждается различными показателями. Так, в индексе развития человеческого потенциала в 2015 г. страна находилась на 56-м месте (для сравнения: в 1990 г. на 29-м месте). В Болгарии только 14% населения удовлетворены состоянием экономики. Хуже оценивают экономическое положение своих стран только граждане Италии, Испании и Греции.

Осознание перечисленных выше фактов вводит болгарское общество в состояние политической депрессии, так как существующая политическая система страны не предлагает никакой альтерна-

24 Валентин Вацев: Българската идеология е «Европа ще ни храни, Америка ще ни брани». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vnXtH-yPSzA> (Accessed 03.05.2017)

25 В качестве примера можно привести появление в Эстонии «электронного правительства».

26 Lessenski M. (2012). Arrested Development: Bulgaria in the Catch-up Index. URL: http://politiki.bg/?cy=237&lang=2&a0i=223891&a0m=readInternal&a0p_id=959 (Accessed 03.05.2017)

тивы. Экономическое развитие Болгарии системные партии рассматривают исключительно сквозь призму Вашингтонского консенсуса²⁷, что, в свою очередь, ведет к деградации государственного сектора экономики и, соответственно, сокращению расходов на оборону, образование, здравоохранение, обеспечение внутренней безопасности. Неолиберальный политический и экономический курс находит поддержку ведущих средств массовой информации. Даже наиболее стабильная в переходный период политическая сила – Болгарская социалистическая партия (преемница бывшей коммунистической партии), будучи у власти, придерживалась неолиберальных подходов к решению различных экономических проблем (например, в вопросах налогообложения), игнорируя при этом социальные потребности населения.

Важно указать и на тот факт, что все системные партии не оспаривают членства в ЕС, а европеизм возведен, по сути, в ранг государственной идеологии. Влиятельные средства массовой информации не пропускают материалы, ставящие под сомнение европеизм. На политические силы, программы которых позволяют идентифицировать их в качестве евроскептиков, например партия «Атака», оказывается серьезное давление. В силу этого они не могут добиться тех успехов, которые уже достигли евроскептические политические партии в других странах ЦВЕ.

Однако определенные, хотя и скромные достижения все-таки имеются и у евроскептических политических сил Болгарии. Партия «Атака» на выборах в парламент в 2017 г. получила 7 мандатов. При этом наблюдается тенденция смягчения евроскептицизма, подтверждением чему

служит участие партии «Атака» в «Патриотическом фронте», который объединяет популистские, но отнюдь не евроскептические политические силы. По сути, болгарский евроскептицизм можно считать средством, благодаря которому есть возможность «пробраться» в существующую политическую систему.

Существует и еще одна особенность, характеризующая болгарских евроскептиков, которая не встречается в других странах ЕС. Речь идет о ярко выраженном русофильстве. По историческим причинам и из-за культурной близости болгары питают симпатию к России. Преобладающее позитивное отношение болгар к России не вызывает сомнений, однако сейчас не представляется возможным дать ему социологическую оценку, поскольку в условиях открытой конфронтации между НАТО и ЕС, с одной стороны, и Россией – с другой, объективные исследования кажутся невозможными. В Болгарии еще до известных событий 2014 г. СМИ начали вести открытую антироссийскую пропаганду, маскирующую объективную картину. Тем не менее исследование, проведенное исследовательским центром «Тренд» (2–11 июля 2016 г.), показывает, что 60% болгар демонстрируют «позитивное» отношение к России, 25% – «ни положительное, ни отрицательное» и только 9% «отрицательное». Более позитивное отношение болгары демонстрируют только к Германии (65%)²⁸. В пользу укрепления положительного образа России говорят и последние события в политической жизни Болгарии. Во-первых, бывший президент страны Р. Плевнелиев был вынужден снять свою кандидатуру перед выборами 2016 г., мотивируя это тем, что его жесткая антироссийская риторика не может гаран-

27 Единственным исключением среди правящей элиты является Симеон Дянков, министр финансов в 2009–2013 гг., который отверг необходимость введения евро в Болгарии.

28 Валентинова Р. (2016, 18 июля). Проучване на «Тренд»: 60% от българите харесват Русия, 36% – САЩ. Novini. Available at: <https://www.novini.bg/news/366124.html> (Accessed 03.05.2017)

тировать ему успеха. Выборы же выиграл Р. Радев, который публично демонстрировал сбалансированное отношение к России. Во-вторых, на очередных парламентских выборах в марте 2017 г. самые яркие русофобские партии (Союз демократических сил и партия «Демократы за сильную Болгарию») даже не попали в парламент.

В целом в Болгарии евроскептицизм не рассматривается как идеология выхода из политической депрессии. Наоборот, граждане страны верят в институты ЕС. Именно последние, по их мнению, могут решить те проблемы, с которыми не способны справиться представители национальной политической элиты. Хотя на сегодняшний день можно констатировать постепенное снижение доверия граждан Болгарии к европейской интеграции – только 50% из них считают себя гражданами ЕС (меньший процент зафиксирован только в Греции). Однако это ощущение не может разрушить их общее отношение к ЕС – в стране существует понимание того, что Болгария без ЕС, с разрушенной экономикой и деградировавшим государством, уже нежизнеспособна.

Евроскептицизм как дискурс, основанный на неприятии европеизма, с трудом прокладывает себе дорогу в странах Западной Европы. Для них европеизм стал своего рода формой разрешения глубоких и болезненных противоречий политического и культурного развития. Французский социолог П. Манан отмечал, что на заре Нового времени возникновение секуляризированного светского государства стало ответом на жестокие религиозные войны (Manent, 1997, p. 63). Этически нейтральное публичное пространство европейской социальной жизни должно было предотвратить новый «взрыв страстей» и обеспечить ее стабильное развитие. Однако в XX в. на смену старым религиям пришли новые, те, которые Р. Арон на-

звал светскими (Aron, 1985). Фашизм и агрессивный национализм вновь окунули Запад в атмосферу войны «всех против всех». Чтобы окончательно покончить с ней, отцы-основатели единой Европы взяли курс на полную ценностную унификацию общего пространства на основе минимального общего знаменателя – идеи индивидуальных прав и свобод. Однако постепенно эта конструкция сама начала приобретать формы квазирелигии. Европейские элиты пропустили тот момент, когда проект евроинтеграции начал развиваться в этом направлении. Сегодня об этом многие говорят, но на официальном уровне существует консенсус, который исключает возможность публичного обсуждения недостатков европеизма как идеологии единой Европы в ее современном виде.

В отличие от стран Западной Европы новые члены ЕС из числа государств бывшего социалистического блока имеют иной исторический бэкграунд. Они не имеют той нагрузки, которую унаследовали из прошлого немцы или французы. Традиционные общественные институты, давно утратившие влияние на Западе, на востоке Европы по-прежнему играют важную роль. Национальное государство, Церковь, консервативные ценности продолжают влиять на политическую жизнь стран региона. Именно поэтому здесь евроскептицизм часто выходит за рамки простого общественно-политического течения. Такие страны, как Польша и Венгрия, показывают, что его элементы вполне могут быть интегрированы политической системой. Европеизм здесь серьезно видоизменяется, иногда превращаясь в свою противоположность. Порождает ли Восточная Европа новый вариант европейской идеи? Ответ на этот вопрос неочевиден, тем более на фоне таких стран, как Болгария, которые, полностью связав свою судьбу с ЕС в его нынешнем виде, очевидно, меньше всего желали бы глубоких потрясений.

Список литературы

Бонева С. (2015). *Планът за инвестиции за Европа: предпоставка за стимулиране на инвестиционната активност в ЕС в следкризисния период (2015–2020 гг.)*. София: Minerva. 34–46.

Розанваллон П. (2014). *Общество равных*. Москва: Московская школа гражданского просвещения. 416.

Симеонова Е. (2011). *Влияние на Европейския съюз върху динамиката на вътрешнополитическите кризи в България*. София: Стопанство. 240.

Aron R. (1985). *Histoire et politique. Textes et témoignages*. Paris. 544.

Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. London: R.D. Unwin. 344.

Gray J. (1994). After the New Liberalism. *Social Research*, 61 (3). 719–735.

Hoffman S. (1970). International Organization and the International System. *International Organization*, 24 (3). 389–413. DOI: 10.1017/s0020818300025972

Haas E. B. (1958). *The Uniting of Europe*. Stanford: Stanford University Press. 552.

Lukacs J. (1993). *The End of the Twentieth Century and the End of the Modern Age*. New York: Ticknor & Fields. 291.

Manent P. (1997). *Histoire intellectuelle du libéralisme*. Paris. 250.

Topaloff L. (2012). *Political Parties and Euroscepticism*. London: Palgrave Macmillan. 258. DOI: 10.1057/9781137009685

References

Aron R. (1985). *Histoire et Politique. Textes et Témoignages*. Paris. 544.

Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. London: R.D. Unwin. 344.

Boneva S. (2015). *The Investment Plan for Europe: a Prerequisite for Stimulating Investment Activity in the EU in the Post-Crisis Period (2015–2020.)*. Sofia: Minerva. 34–46.

Gray J. (1994). After the New Liberalism. *Social Research*, 61 (3). 719–735.

Haas E. B. (1958). *The Uniting of Europe*. Stanford: Stanford University Press. 552.

Hoffman S. (1970). International Organization and the International System. *International Organization*, 24 (3). 389–413. DOI: 10.1017/s0020818300025972

Lukacs J. (1993). *The End of the Twentieth Century and the End of the Modern Age*. New York: Ticknor & Fields. 291.

Manent P. (1997). *Histoire intellectuelle du libéralisme*. Paris. 250.

Rozanvallon P. (2014). *The Society of Equals*. Moskva: Moskovskaja shkola grazhdanskogo prosveshhenija. 416.

Simeonova E. (2011). *The Influence of the European Union on the Dynamics of Domestic Political Crises in Bulgaria*. Sofia: Stopanstvo. 240.

Topaloff L. (2012). *Political Parties and Euroscepticism*. London: Palgrave Macmillan. 258.

Информация об авторе

Георги Георгиев, доцент Университета национална и мировой экономики

1770, България, София ул. «8-ми декември»
chankov_g@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-6900-1907

About the author

Georgy T. Georgiev, associate professor at the Faculty of International Economics and Politics, University of National and World Economy

ul. «8-mi dekemvri», Sofia, Bulgaria, 1770
chankov_g@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-6900-1907

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

1 7 0 0 1

>